

Г. Х. Андерсенъ.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

ВЪ ПЕРЕСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

О. И. Роговой.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

СЪ ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ ПО АКВАРЕЛЯМЪ Н. Н. КАРАЗИНА

И 26 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЮЙМОВОЧКА.....	3
АИСТЫ.....	10
СУНДУКЪ-САМОЛЕТЪ.....	13
СНѢЖНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.....	17
ЕСТЬ ЖЕ РАЗНИЦА.....	20
ОГНИВО.....	22
ГАДКІЙ УТЕНОКЪ.....	27
ШТОПОЛЬНАЯ ИГЛА.....	33
ИВАНУШКА-ДУРАЧЕКЪ.....	36
ПЯТЕРО ВЪ ОДНОМЪ СТРУЧКЪ.....	39
ОЛЕ-ЛЮКЪ-ОЙЕ.....	42
ЧАЙНИКЪ.....	49
ЦВѢТОЧКИ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ.....	50
ДѢВОЧКА СО СПИЧКАМИ.....	55
ДИКІЕ ЛЕБЕДИ.....	57
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ.....	66
АНГЕЛЬ.....	69
ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИКЪ.....	71
СОЛОВЕЙ.....	74
ЛЕДЯНИЦА.....	81
БАБУШКА ЛИПОВЫЙ ЦВѢТЪ.....	97
ЕЛКА.....	103
СТАРЫЙ ДОМЪ.....	109
ГРЕЧИХА.....	114
КРАСНЫЕ БАШМАЧКИ.....	116

ДЮЙМОВОЧКА.

Изъ-за опушки густого старого лѣса выглядывала ветхая избушка; въ ней жила старуха-колдунья. Пришла къ ней разъ женщина и говорить:

— Хотѣлось бы мнѣ маленькаго ребеночка. Скажи мнѣ, бабушка, гдѣ бы мнѣ его достать? А вотъ тебѣ, моя матушка, ячменное зернышко, отвѣчала колдунья; только это не такое зернышко, что крестьяне сѣютъ на поляхъ. Куры его клевать не станутъ. Посади его въ цвѣточный горшокъ и жди, что будетъ.

— Спасибо! отвѣчала женщина и заплатила цѣлый червонецъ, поспѣшила домой и посадила зернышко въ землю. Только-что она зарыла зернышко, какъ изъ земли выросъ прекрасный тюльпанъ; бутонъ его еще не раскрылся, лепестки плотно прилегали другъ къ другу.

— Какой чудесный цвѣтокъ! воскликнула женщина. Она хотѣла поцѣловать красножелтые листочки бутона, но едва только коснулась до нихъ губами, вдругъ новое чудо: цвѣтокъ съ сильнымъ трескомъ раскрылся. Да, это былъ настоящій тюльпанъ; но на его бархатномъ пестикѣ сидѣла маленькая, премаленькая дѣвочка! И какая нѣжненькая, какая хорошенькая.

— Да это Дюймовочка! воскликнула женщина. И правда, дѣвочка была ростомъ въ полдюйма. Такъ ее и называли Дюймовочкой. Колыбельку ей сдѣлали изъ хорошенькой полированной скорлупки грецкаго орѣха. Душистые лепестки фіалки служили тюфячкомъ, а лепестокъ розы — одѣяльцемъ. Ночью она спала въ своей мягкой постелькѣ, а днемъ играла на столѣ. Женщина поставила на столъ тарелку съ водой и съ прекраснымъ вѣнкомъ изъ душистыхъ цвѣтовъ. Большой лепестокъ тюльпана служилъ Дюймовочкѣ лодкой, а два бѣлыхъ конскихъ волоса — веслами. Она развѣзжала по тарелкѣ, какъ по озеру, и такъ распѣвала своимъ звонкимъ серебристымъ голоскомъ пѣсенки, что можно было заслушаться.

Спать Дюймовочка въ своей прекрасной постелькѣ, никакой бѣды не чувствуетъ, а въ разбитое окно ползетъ старая гадкая жаба. Шлепъ: хлопнулась она на столъ своимъ неуклюжимъ мокрымъ тѣломъ и заглянула подъ розовый лепестокъ.

— Вотъ жена для моего сына! квакнула она.

— Открыла жаба пасть, схватила скорлупку съ Дюймовочкой и вернулась черезъ окошко въ садъ. Въ саду протекалъ большой, широкій ручей. Берега его заросли тиной, камышемъ, травой болотной. Тутъ и жила жаба съ сыномъ. Сынокъ былъ такой же, какъ и мать: гадкій, скользкій, холодный, неуклюжий. «Ква-ква, кве-кве-кве», больше ничего не умѣлъ онъ сказать, увидавъ хорошенькую Дюймовочку въ ея орѣховой колыбелькѣ.

— Чего ты расквакался? проворчала старая жаба. Ты ее какъ разъ разбудишь, она и уйдетъ отъ насъ; вонъ, вѣдь, она какая легонькая, точно лебяжій пухъ. А мы ее посадимъ на широкій листъ кувшинки; для такой малютки это будетъ целый островъ, она и не убѣжитъ

отъ насъ; а въ это время мы приготовимъ вамъ комнату въ болотной тинѣ; надо же вамъ гдѣ-нибудь жить-поживать да добро наживать.

На поверхность ручья плавало много кувшинокъ съ широкими зелеными листьями. Жаба выбрала самый дальный и самый большой и положила на него орѣховую скорлупку со спавшей Дюймовочкой.

Бѣдная, бѣдная маленькая Дюймовочка! Она проснулась и горько заплакала. Со всѣхъ сторонъ была вода, нельзя было и думать перебраться на сушу. А старая жаба сидѣла въ тинѣ и украшала будущее жилье сына тростникомъ и жабникомъ; очень ужъ хотѣлось ей угодить своей невѣсткѣ. Когда все

было готово, она поплыла съ сыномъ къ Дюймовочкѣ: надо было перенести въ приготовленную комнатку ея кровать. Подплывъ къ листу, старая жаба отвѣсила низкій поклонъ и сказала:

— Вотъ тебѣ мой сынъ, онъ будетъ тебѣ мужемъ, и вы прекрасно съ нимъ заживете въ нашей тинѣ.

— Ква-ква, кве-кве-кве! под твердилъ сынъ.

Они взяли хорошенькую маленькую постельку и уплыли. Дюймовочка осталась одна на большомъ листѣ и горько заплакала. Ей не хотѣлось жить у противной жабы и выйти замужъ за ея гадкаго сына. Но Дюймовочка была не одна; подъ водой плавали маленькія рыбки, онѣ видѣли жабу и слышали, что она сказала. Какъ только жаба уплыла, онѣ тотчасъ же высунули изъ воды головки: очень ужъ хотѣлось имъ посмотрѣть на маленькую дѣвочку.

— Ахъ, какая хорошенькая! сказали онѣ. — Неужели она достанется этой гадкой жабѣ? Надо ей какъ-нибудь помочь.

Онѣ столпились вокругъ зеленого листа кувшинки, подгрызли его черешокъ, и Дюймовочка поплыла внизъ по теченію, далеко отъ неуклюжей жабы и ея сына.

Сколько городовъ стояло на берегу! Сколько маленькихъ птичекъ сидѣло въ кустахъ; всѣ онѣ любовались Дюймовочкой и пѣли:

— Ахъ, какая хорошенькая, маленькая, маленькая дѣвочка.

А Дюймовочка плыла все дальше и дальше и уплыла въ чужую страну.

Маленькая бѣлая бабочка попорхала, попорхала около листа и спустилась къ Дюймовочкѣ. Дюймовочка очень обрадовалась этой гостьѣ; у нея стало такъ весело на сердцѣ. Солнце чудно свѣтило, вода переливалась серебромъ. Маленькая дѣвочка сняла свой поясочъ, одинъ конецъ его привязала къ бабочкѣ, а другой, къ листу; теперь листъ поплылъ еще быстрѣе.

Вдругъ пролетѣлъ большой майскій жукъ. Не успѣла Дюймовочка оглянуться, какъ онъ схватилъ ее своими крѣпкими ножками и улетѣлъ на дерево. Зеленый же листъ

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

поплыль далѣ по теченію, увлекая бѣдную бабочку; она не могла сама отвязать поясъ. Испугалась Дюймовочка, и не столько за себя, сколько за хорошенькую бѣлую бабочку. «Ахъ зачѣмъ привязала я ее къ листу, думала она про себя, ей теперь никакъ не освободиться, она умереть съ голоду». Но жуку до этого не было дѣла. Онъ усѣлся на большой зеленый листъ, сталъ кормить дѣвочку цвѣточнымъ медомъ и увѣрялъ ее, что она очень, очень хорошенькая, хотя и не похожа на майскихъ жуковъ.

Скоро прослышали о новой гостьѣ и другіе майскіе жуки, и всѣ собрались посмотреть на нее:

— Ахъ, у нея только двѣ ноги, какое уродство! восклицали они.

— У нея нѣтъ даже щупальцевъ! прибавилъ одинъ.

— Какая у нея тоненькая талья! Она совсѣмъ, какъ человѣкъ! Фи, какая некрасивая! жужжали майскія жучихи.

— А все-таки она хорошенькая! думалъ про себя жукъ, похитившій ее.

Но когда кругомъ все начали жужжать, что Дюймовочка уродъ, онъ и самъ этому повѣрилъ и отвернулся отъ нея.

— Пусть она идетъ, куда хочетъ, прожужжалъ онъ.

Жуки слетѣли съ нею на землю и посадили ее на цвѣточекъ гусеницы.

Она горько заплакала и подумала: «Зачѣмъ я такая некрасивая, даже майскіе жуки не хотятъ меня видѣть»

Все лѣто прожила Дюймовочка одна въ большомъ лѣсу. Она сплела себѣ изъ травы постельку и повѣсила ее подъ листомъ клевера, чтобы защитить себя отъ дождя; питалась она цвѣточнымъ медомъ и пила чистую росу, блестящую по утрамъ на цвѣточкахъ.

Прошло лѣто, промелькнула и осень, и потянулась безконечная суровая зима. Птички съ ихъ прекрасными пѣснями улетѣли въ теплыя страны, деревья обнажились, цвѣты завяли; листокъ, подъ которымъ жила Дюймовочка, свернулся и склонилъ къ землѣ свой засохшій стебель. Бѣдная Дюймовочка! Маленькая, нѣжная, она сильно мерзла, да и платье ея износилось.

Пошелъ снѣгъ. Каждый снѣжный хлопокъ, котораго мы и не почувствовали бы, казался ей цѣлой кучей снѣга, обдавалъ ея маленькое тѣльце леденящимъ холодомъ. Она попробовала было завернуться въ сухой листъ, но листъ разорвался пополамъ и нисколько не грѣлъ. Бѣдная дѣвочка посинѣла и дрожала отъ холода.

У самого лѣса тянулось большое ржаное поле. Рожь давно уже сжали, и только щетинистое жниво торчало на мерзлой землѣ. Для маленькой Дюймовочки это былъ цѣлый лѣсъ. Вотъ она дошла до норки полевой мыши. Мышь вырыла себѣ норку подъ жнивомъ и устроилась тамъ тепло и уютно съ добрымъ запасомъ зерна въ кладовой, прекрасною кухнею и столовою. Дюймовочка встала, какъ нищенка, передъ дверью и попросила крошечку зерна; она два дня ничего не ѣла. У полевой мышки сердце было доброе.

— Ахъ, ты бѣдняжка! сказала она. Войди сюда! Здѣсь обогрѣешься и поѣшь со мною вмѣстѣ.

Доброй старушкѣ Дюймовочка очень понравилась.

— Оставайся у меня, пожалуй, и всю зиму, сказала она: только смотри не сори, я люблю чистоту и порядокъ.

Дюймовочка осталась у мыши и зажила отлично. Она знала много сказочекъ, а мышь была охотница до сказокъ.

— Сегодня у насъ будетъ гость, сказала однажды полевая мышь. Каждую недѣлю меня посѣщаетъ мой сосѣдъ. Онъ куда богаче меня, живетъ въ большихъ высокихъ залахъ,

одѣтъ въ прекрасную черную бархатную шубку. Вотъ за кого тебѣ выйти бы замужъ. Только жаль, что онъ ничего не видитъ, ты ему ужъ Расскажи самыя лучшія сказочки.

Но Дюймовочка вовсе не желала понравиться сосѣду. Сосѣдъ былъ не кто иной, какъ слѣпой кротъ.

— Онъ такой богачъ, такой ученый! рассказывала мышь; а квартира его въ двадцать разъ больше моей...

Пожаловалъ сосѣдъ въ черной бархатной шубкѣ. Да, онъ былъ ученый; но ни солнца, ни цвѣтовъ терпѣть не могъ; онъ бранилъ ихъ, потому что никогда ихъ не видѣлъ.

Дюймовочку заставили пѣть. Кроту понравился ея прекрасный серебристый голосъ. Но онъ былъ разсудительный господинъ и ничего не сказалъ. Онъ прорылъ длинный подземный ходъ къ своему дому и пригласилъ полевую мышь съ Дюймовочкой къ себѣ въ гости.

— Только не испугайтесь! прибавилъ онъ; тамъ, подъ сводами лежитъ мертвая птица.

Онъ взялъ въ зубы кусокъ гнилого дерева, и оно свѣтилось въ темнотѣ, какъ факель. Когда они дошли до мертвой птицы, кротъ ткнулъ широкимъ носомъ въ потолокъ, земля осыпалась, образовалось отверстіе, освѣтившее мертвую ласточку съ крѣпко сжатыми чудными крыльями, поджатыми ногами и съ подвернутой головкой.

«Она замерзла отъ холода, бѣдняжка», подумала дѣвочка, и ей стало жаль птичку, ей такъ, нравились лѣтомъ эти веселыя щебетуны. Но кротъ толкнулъ ласточку кривой лапой и сказалъ:

— Вотъ ужъ теперь она не засвищетъ больше! Плохо родиться такой ничтожной пташкой. Слава Богу, что ни одинъ изъ моихъ дѣтей такимъ не будетъ. У такой птицы все ея богатство — «чивить», а зимой ей приходится умирать съ голоду!

Вы умный, оттого такъ и разсуждаете! замѣтила мышь.. Что толку во всемъ ея «чивить», если ей приходится голодать и мерзнуть зимой? А еще онѣ важничаютъ!

Дюймовочка молчала. Но когда ея спутники отвернулись отъ птицы, она нагнулась къ ней, расправила перышки на ея головкѣ и поцѣловала ее въ закрытые глаза. «Можетъ быть, это она такъ мило пѣла», подумала дѣвочка, «милая прелестная птичка, какъ она меня радовала своимъ щебетаньемъ».

Ночью Дюймовочка никакъ не могла уснуть; она потихоньку встала съ кровати, сплела изъ сѣна большой прекрасный коверъ, прокралась въ подземелье и покрыла ковромъ мертвую птичку, потомъ она взяла высушенный цвѣточные тычинки, мягкія, какъ вата, и обложила птичку, чтобы ей было тепло лежать въ землѣ.

— Прощай, прелестная птичка! сказала она. Спасибо за твое чудное пѣніе лѣтомъ. Ахъ, тогда всѣ деревья были въ зелени; солнце такъ тепло свѣтило.

И она приложила головку къ птичьему сердечку... Вдругъ, она задрожала отъ испуга: сердечко ласточки забилося: птичка только окоченѣла отъ холода, но не умерла. Теперь она согрѣлась. Дюймовочка оправилась отъ испуга, плотнѣе обложила ватой бѣдную птичку; принесла листокъ мяты, которымъ она сама покрывалась, и прикрыла ласточкѣ голову. Въ слѣдующую ночь она опять прокралась въ подземелье съ кускомъ гнилого дороба, вмѣсто фонаря. Птичка ожила, но отъ слабости едва только могла взглянуть на Дюймовочку.

— Благодарю тебя, милая маленькая дѣвочка! прошептала она. Мнѣ такъ хорошо, тепло! Какъ только я окрѣпну, я снова полечу и согрѣюсь на солнышкѣ!

— Нѣтъ, печально отвѣчала Дюймовочка; теперь холодно; повсюду снѣгъ и морозъ! Останься въ теплой постелькѣ, я буду за тобою ходить.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Она принесла ласточкѣ воды въ цвѣточномъ лепесткѣ, замѣнявшемъ чашку. Больная птичка рассказала ей, какъ она наколола крыло о колючій кустарникъ. Всѣ ласточки улетѣли въ теплыя страны, а она не могла за ними летѣть и упала на землю. Тутъ она потеряла сознание и не знаетъ, какъ попала въ подземелье.

Всю зиму Дюймовочка ходила за ласточкой, тайкомъ отъ крота и полевой мыши: они не любили бѣдной птички.

Пришла весна. Солнечные лучи согрѣли землю, и ласточка собралась въ путь. Дюймовочка открыла отверстіе въ подземельѣ, и яркіе лучи свѣта ворвались туда цѣлымъ потокомъ.

— Полетимъ вмѣстѣ, приглашала ласточка, садись ко мнѣ на спину, я тебя унесу въ зеленые лѣса.

Дюймовочка подумала, что это огорчить добрую старушку — полевую мышъ и печально отвѣтила:

— Нѣтъ, я не могу!

— Ну, такъ прощай, милая добрая дѣвочка! крикнула ей ласточка и скрылась въ яркихъ солнечныхъ лучахъ.

Дюймовочка со слезами на глазахъ глядѣла ей вслѣдъ: она такъ полюбила ее.

— Чивить, чивить! пропѣла птичка на прощанье, улетая въ зеленый лѣсъ.

Дюймовочкѣ было очень грустно. Ей не позволяли гулять на тепломъ солнышкѣ, да и рожъ, засѣянная на полѣ, густо разрослась. Это былъ цѣлый лѣсъ для маленькой дѣвочки ромтомъ только въ дюймѣ.

— Я тебя просватала, Дюймовочка! сказала полевая мышъ. Сосѣдъ хочетъ на тебѣ жениться; — какое счастье для бѣдной дѣвочки! Теперь ты должна шить себѣ приданое. У жены крота всего будетъ вдоволь, и шерстяной, и полотняной одежды; она ни въ чемъ не будетъ нуждаться.

Дюймовочка присѣла за веретено, а шесть наемныхъ ткачей-пауковъ день и ночь ткали ей приданое. Каждый вечеръ кротъ посѣщалъ ихъ и все время ворчалъ на солнце, что оно сушитъ землю, что онъ не можетъ дожидаться: конца скучнаго лѣта. Когда солнце перестанетъ такъ пригрѣвать, тогда онъ сыграетъ свою свадьбу.

У Дюймовочки на душѣ было невесело, она терпѣть не могла скучнаго крота. Утромъ, при восходѣ солнца, и вечеромъ, при закатѣ, она тайкомъ выходила на поверхность земли. Вѣтеръ раздвигалъ высокіе колосья, передъ нею мелькало голубое небо, и ей думалось, какъ здѣсь хорошо и свѣтло. «Какъ я хотѣла бы увидѣть милую ласточку!» думала она. Но ласточка жила далеко, далеко въ зеленомъ лѣсу.

Настала осень. Приданое Дюймовочки было совсѣмъ готово.

— Черезъ четыре недѣли будетъ твоя свадьба, сказала мышъ.

Дюймовочка заплакала и отвѣчала, что не хочетъ итти за мужъ за скучнаго крота.

— Пустяки! крикнула полевая мышъ. Только заупрямься, тогда попробуешь моихъ острыхъ зубовъ. Отказываться отъ та кого прекраснаго жениха! Да у самой королевы нѣтъ такой бархатной шубы. У него закромы полны зерна. Благодарите Бога за такое счастье!

Наступилъ день свадьбы. Кротъ пожаловалъ за Дюймовочкой и приказалъ итти за нимъ въ подземелье и навсегда распрощаться съ теплымъ солнышкомъ, которое онъ такъ ненавидѣлъ. Грустная Дюймовочка захотѣла проститься съ милымъ солнышкомъ и вышла тихонько за дверь.

— Прощай, ясное солнышко! сказала она, простирая руки къ небу.

— Рожъ уже сжали, и Дюймовочка сдѣлала нѣсколько шаговъ по полю.

— Прощай, прощай и ты! шептала она, обнимая маленькій красный цвѣточекъ, мелькнувшій среди колкаго жнивѣ. Если ты увидишь ласточку, кланяйся ей отъ меня.

— Чивить, чивить! раздалось сверху.

Дѣвочка подняла голову и узнала свою старую знакомую. Какъ она ей обрадовалась! Она повѣдала ей свое горе, рассказала, что ей не хочется выходить замужъ за слѣпого крота, что ей придется жить въ подземельѣ и навсегда отказаться отъ краснаго солнышка.

— Такъ полетимъ со мною! Я лечу въ теплыя страны. Садись ко мнѣ на спину, я унесу тебя отъ крота, отъ его подземелья, далеко, далеко, за высокія горы, туда, гдѣ солнышко свѣтитъ ярче здѣшняго, гдѣ вѣчное лѣто, гдѣ цвѣтутъ чудные цвѣты. Милая маленькая дѣвочка, ты спасла мою жизнь, дай же и мнѣ спасти твою.

— Хорошо, я улечу съ тобою! отвѣчала Дюймовочка, сѣла на спину ласточки, уперлась ножками въ крыло и привязала себя поясомъ къ толстому перышку. Ласточка взвилась высоко, высоко, понеслась надъ морями, надъ лѣсами, надъ высокими горами съ ихъ снѣжными вершинами.

Дюймовочка зарылась въ теплыхъ перышкахъ, высунула только одну головку и любовалась чуднымъ видомъ.

Долетѣли онѣ и до теплыхъ странъ. Ясно, ясно свѣтило тамъ солнышко. Высоко надъ ними синѣло небо, а по склонамъ горъ росли роскошные виноградники съ прекрасными зелеными и синими гроздьями; въ лѣсахъ желтѣли лимоны и апельсины, благоухали мирты, и цвѣла душистая мята. По лугамъ бѣгали прелестныя дѣти и ловили большихъ пестрыхъ бабочекъ.

Ласточка летѣла все дальше и дальше, и природа становилась все прекраснѣе и прекраснѣе. Подъ чудными развѣсистыми деревьями у синяго моря стоялъ ослѣпительной бѣлизны бѣлый мраморный дворецъ. Давно, давно, съ незапамятныхъ временъ стоялъ онъ здѣсь, и цѣпкій виноградъ обвивался во кругъ его высокихъ колоннъ. Наверху было много ласточкиныхъ гнѣздъ, и въ одномъ изъ нихъ жила ласточка, прилетѣвъ шая съ Дюймовочкой.

— Вотъ, и мое жилье! сказала она. Но тебѣ оно не понравится; тамъ внизу растутъ много прекрасныхъ цвѣтовъ; выбери себѣ одинъ изъ нихъ, я тебя и посажу въ его душистую чашечку.

— Какъ хорошо! засмѣялась Дюймовочка и захлопала въ ладоши.

Внизу лежала большая мраморная колонна, разбившаяся на три части, между ними выросли прекрасные большіе, бѣлые цвѣты. Ласточка посадила Дюймовочку на широкій листъ; Дюймовочка заглянула въ цвѣтокъ и онѣмѣла отъ удивленія. Тамъ сидѣлъ маленькій прозрачный человѣчекъ, точно хрустальный: на его головѣ красовалась золотая корона, а за спиною виднѣлись крылышки. Ростомъ онъ былъ съ Дюймовочку. Это былъ геній цвѣтовъ. Въ каждомъ цвѣткѣ жилъ или такой маленькій человѣчекъ, или маленькая женщина, а онъ былъ ихъ королемъ.

— Какой онъ красавецъ! сказала Дюймовочка. Король испугался: ласточка показала ему исполинскою птицею; но на спинѣ ея онъ увидѣлъ Дюймовочку; такой прелестной дѣвочки онъ никогда не видалъ.

— Хочешь быть королевою цвѣтовъ? сиросилъ онъ ее.

Конечно, она отвѣчала «да». Этотъ женихъ былъ куда лучше и жабы, и крота.

Изъ цвѣтовъ вышла цѣлая свита, всѣ несли Дюймовочкѣ дары; но всего болѣе ей понравилась пара бѣлыхъ прозрачныхъ мушиныхъ крылышекъ, съ ними она могла летать съ цвѣтка на цвѣтокъ.

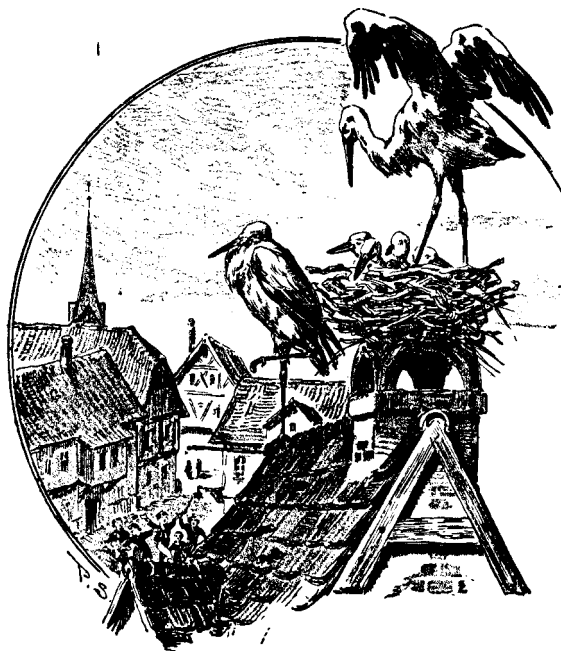
ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Ласточка, сидя въ своемъ высокомъ гнѣздѣ, прощеветала имъ, какъ умѣла, свадебную пѣсенку; но въ глубинѣ души ей тяжело было разставаться съ милой, маленькой дѣвочкой.

— Дюймовочка, некрасивое имя, сказалъ геній цвѣтовъ. Мы назовемъ тебя иначе: ты будешь Майей.

— Прощай, прощай, Майя! прощеветала грустно ласточка и полетѣла обратно въ Данію.

Тамъ она свила гнѣздо надъ окномъ человѣка, искусника рассказывать сказки; онъ подслушалъ оя щебетанье и передалъ намъ эту исторію.

АИСТЫ.

Аистъ, аистъ, берегись!
Въ руки намъ не попадись!

кричали деревенскіе мальчики, показывая пальцами на аистовое гнѣздо, искусно сложенное изъ хворосту. Гнѣздо это возвышалось на крышѣ самой крайней избушки, и въ немъ сидѣла аистиха съ четырьмя птенцами. Черные клювики ихъ еще не покраснѣли, и они съ любопытствомъ высовывали ихъ, посматривая внизъ на кучку дѣтей. Немного дальше, на краю крыши стоялъ самъ папаша. аистъ, на одной ногѣ и казался выточеннымъ изъ дерева.

— Пусть думаютъ, что я сюда опкомандированъ для почетной стражи! говорилъ онъ самъ себѣ. Вѣдь никто не

знаетъ, кто я такой.

И онъ продолжалъ стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ. Одинъ изъ самыхъ задорныхъ мальчишекъ подскочилъ къ избушкѣ и заплѣлъ старинную пѣсенку:

Твоихъ милыхъ ребятишекъ
И задавать, и зажарять...

— Послушай, что поютъ мальчишки, сказали маленькіе аисты.

— Что вамъ до нихъ за дѣло, отвѣчала аистиха. Мальчишки не переставали пѣть, и только одинъ Петя уговаривалъ другихъ не дразнить бѣдныхъ птицъ.

— Ахъ, какъ намъ страшно! сказали маленькіе аисты и спрятали головы въ гнѣздо.

— Не бойтесь! уговаривала ихъ мать. Посмотрите, какъ спокойно стоитъ вашъ отецъ, да еще на одной ногѣ.

На другой день дѣти опять выбѣжали на улицу и снова затянули ту же пѣсню:

Пережарятъ, передушатъ,
На огнѣ спекутъ, засушатъ...

— Развѣ это правда, что насъ зажарятъ, спекутъ? спросили маленькіе аисты у матери.

— Вздоръ! Конечно, нѣтъ! отвѣчала мать. Вамъ надо учиться летать! Вотъ я начну давать вамъ уроки; а потомъ мы полетимъ на лугъ, въ болото, къ лягушкамъ въ гости. Они пока чуть отъ насъ прочь, закричатъ: ква, ква, а мы ихъ съѣдимъ. То-то будетъ весело.

— А потомъ что? спросили птенчики.

— Потомъ аисты со всей страны соберутся на осенніе маневры. Вотъ, гдѣ надо очень хорошо летать. Кто не сумѣетъ летать, того генераль приколеть клювомъ до смерти. Смотрите же, учитесь какъ можно внимательнѣе.

— Вотъ, значить, дѣти же и правду поютъ, замѣтили птенцы. Если насъ не зажарятъ, такъ приколятъ.

— Вѣрьте мнѣ, а не имъ! утѣшала ихъ мать. Послѣ маневровъ мы полетимъ въ теплыя страны, далеко, далеко отсюда, за моря, за лѣса, за горы. Мы полетимъ въ Египетъ, тамъ есть четырехгранные дома, они смотрятся въ небо своими вершинами, это пирамиды; имъ столько лѣтъ, что ни одному аисту не сосчитать. Тамъ есть рѣка; когда она выходитъ изъ береговъ, вся страна покрывается иломъ; мы ходимъ и ѣдимъ лягушекъ.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— О-о! прошептали птенцы.

— Да, какъ хорошо тамъ живется! Цѣлый день мы только и дѣлаемъ, что ѣдимъ, а здѣсь въ это время не бываетъ ни одного зеленаго листочка на деревьяхъ. Такъ бываетъ холодно, что облака мерзнуть, разсыпаются на кусочки и падаютъ на землю мелкими бѣлыми хлопьями.

— А шалуны-мальчишки тоже замерзнуть и развалятся на куски? спросили молодые аисты.

— Нѣтъ, замерзнуть они не замерзнутъ; но они будутъ сидѣть въ душныхъ комнатахъ и скучать; а вы въ это время будете летать въ теплыхъ странахъ; яркое солнце будетъ тамъ васъ грѣть, будутъ цвѣсти нарядные цвѣты.

Прошло нѣсколько времени. Аисты подросли, становились на ноги и видѣли, что дѣлается кругомъ. Отецъ приносилъ имъ каждый день вкусныхъ лягушекъ, змѣекъ и другія такія же лакомства. И какіе фокусы онъ умѣлъ дѣлать, какъ онъ ихъ потѣшалъ! Онъ могъ закинуть голову на спину къ самому хвосту; трещалъ клювомъ, какъ трещоткой; а когда это надоѣдало, рассказывалъ имъ о болотѣ.

— Ну, теперь вамъ надо учиться летать, сказала какъ-то утромъ аистиха.

Всѣ четыре птенца выскочили изъ гнѣзда на крышу. Ноги ихъ не слушались; они помогали себѣ крыльями и все таки по минутно готовы были упасть внизъ.

— Смотрите на меня, кричала имъ мать. Такъ надо держать голову, такъ надо вытянуть ноги! Разъ, два! Разъ, два.

Она пролетѣла немного, и птенцы прыгнули за нею, но хлопъ! всѣ упали на крышу, потому что не умѣли удержаться въ равновѣсіи.

— Я не хочу летать! сказалъ младшій и полѣзъ въ гнѣздо. Мнѣ все равно, хоть не летѣть въ жаркія страны.

— Такъ ты хочешь замерзнуть здѣсь зимою? спросила его мать. Хочешь, чтобы пришли мальчишки и задушили и зажарили тебя. Вотъ постой! я ихъ позову.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ птенчикъ и опять выскочилъ на крышу къ братьямъ.

На третій день они уже могли немного летать и попробовали держаться въ воздухѣ. Это имъ удалось не сразу; но, нако нецъ, послѣ нѣсколькихъ упражненій, мать осталась ими довольна.

— Завтра мы полетимъ съ вами въ болото; тамъ соберется нѣсколько семействъ, постарайтесь отличиться.

— А когда же мы отомстимъ шалунамъ-мальчишкамъ! спросили птенцы. Они каждый день поютъ свою пѣсню.

— Пусть ихъ кричатъ, что хотятъ; вы подыметесь подъ облака и улетите въ страну пирамидъ, а они будутъ тутъ мерзнуть, и на деревьяхъ не останется ни одного листа, а въ садахъ — ни одного сладкаго яблочка.

— Нѣтъ, мы все таки отомстимъ имъ! прошептали птенцы и опять принялись за ученье.

Самый задорный изъ всѣхъ мальчиковъ былъ самый маленькій, онъ первый началъ дразнить своей пѣсней аистовъ. Ему исполнилось только шесть летъ, но птенчикамъ онъ казался столѣтнимъ, такъ какъ былъ больше ихъ отца и матери. Имъ особенно хотѣлось отомстить этому мальчугану, очень онъ ужъ имъ надоѣдалъ. Они пристали къ матери, и она имъ обѣщала, но велѣла отложить месть до дня отлета.

Наступила осень. Всѣ аисты собрались на маневры. Они должны были перелетать черезъ лѣса и города въ видѣ испытанія. Наши молодые аисты получили въ награду лягушку и змѣю. Имъ эта награда очень понравилась, ее можно было съѣсть.

— А теперь надо намъ отомстить! сказали они.

— Хорошо! согласилась мать. Я знаю такой прудъ, гдѣ лежатъ маленькія дѣти. Аисты берутъ ихъ и приносятъ людямъ. Всѣмъ родителямъ хочется имѣть такого маленькаго ребеночка, и всѣ дѣти рады сестрицѣ или братцу. Мы полетимъ къ этому пруду и принесемъ по такому ребеночку каждому изъ дѣтей, которыя надъ нами не смѣялись.

— А что мы сдѣлаемъ съ тѣмъ дурнымъ мальчикомъ, который первый затянулъ свою гладкую пѣсню?

— Мы ему принесемъ мертваго братца, и онъ будетъ плакать, а доброму мальчику, который за насъ заступался, принесемъ и братца, и сестрицу.

Такъ они и сдѣлали.

СУНДУКЪ-САМОЛЕТЪ.

иль-быль купецъ, да такой богатый, что могъ бы серебромъ вымостить всю свою улицу, да вдобавокъ еще и сосѣдній переулокъ. Но онъ зналъ цѣну деньгамъ и умѣлъ ими распоряжаться иначе, — дать, бывало, гривну, а назадъ получить рубль. Вотъ, какой онъ былъ

славный купецъ. Послѣ смерти его достались всѣ деньги его сыну. Весело зажилъ молодчикъ, пировалъ на славу каждый день. Изъ рублевыхъ ассигнацій бумажные змѣи дѣлалъ, червонцы вмѣсто камней кидалъ по водѣ рикошетами... Такъ, конечно, деньги легко израсходовать; онъ ихъ и израсходовал.

Спустилъ онъ и деньги, и одежду, остался въ одномъ только халатѣ да туфляхъ, а въ карманѣ двѣ гривны позвякивали. Забыли его пріатели, да какъ и не забыть, когда онъ и на улицу не могъ показаться. Только одинъ какой-то чудакъ-добрякъ

прислалъ ему сундукъ съ коротенькой записочкой: «укладывайся». Хорошо бы укладываться, еслибы было что, а такъ какъ ничего не было, то пришлось самого себя упаковать. Засмѣялся молодой купчикъ и сѣлъ въ сундукъ. А сундукъ-то былъ не простой: стоило нажать пружину, онъ и полетитъ. Тронувъ купчикъ нечаянно замокъ... фюить! въ трубу, взвился надъ родимымъ городомъ, высоко, высоко подъ облака и помчался дальше. Бѣдный путешественникъ не смѣлъ шевельнуться въ сундукъ; какъ затрещитъ дно, ему и кажется, что онъ внизъ валится. Но свалиться онъ не свалился и благополучно добрался до турецкой земли. Спряталъ онъ сундукъ въ лѣсу, закрылъ сухими листьями и пошелъ въ городъ. Нарядъ его былъ какъ разъ кстати, здѣсь всѣ ходили въ халатахъ и туфляхъ. Попалась ему женщина навстрѣчу.

— Слушай, спросилъ онъ, что это за замокъ стоитъ у самага города? Отчего у него окна подъ самой крышей?..

— Тамъ живетъ дочь султана, отвѣчала она. Ей предсказали, что чрезъ жениха она станетъ несчастной. Вотъ къ ней никого и не пускаютъ; она видится только съ султаномъ и султаншей.

— Спасибо! сказалъ купчикъ.

Пошелъ въ лѣсъ, досталъ сундукъ, взлетѣлъ на крышу и черезъ окно взлѣзъ въ комнату принцессы.

Красавица спала на софѣ. Отъ шума она проснулась и сильно испугалась.

— Не бойся! успокоилъ онъ ее. Я — геній, слетѣлъ къ тебѣ съ неба.

Это польстило красавицѣ. Они сѣли рядомъ, и онъ сталъ забавлять ее сказками.

— Хочешь быть моею женою? спросилъ онъ ее.

— Отчего же нѣтъ? отвѣчала она. Только ты долженъ прилетѣть ко мнѣ въ субботу, когда отецъ и мать моя будутъ пить у меня чай. Имъ тоже, вѣроятно, будетъ по сердцу, что самъ геній сватается за ихъ дочь. Только приготовь хорошенькую сказочку, чтобы занять ихъ. Мать моя любитъ болѣе серьезныя, нравоучительныя, а отецъ веселыя, чтобы можно было по смѣяться.

— Да, вздохнулъ купчикъ, у меня и то нѣтъ никакихъ другихъ даровъ, кромѣ сказокъ.

Они разстались. На прощанье принцесса подарила ему саблю, осыпанную червонцами.

Червонцы особенно пришлись ему по вкусу. Онъ тотчасъ же купилъ новый халатъ, починилъ и изукрасилъ сундукъ, потомъ сѣлъ въ лѣсу подъ густымъ деревомъ и сталъ сочинять сказку.

Срочная, да къ тому еще заказная работа не легко удастся.

Не успѣлъ онъ окончить, глядь, а суббота на дворѣ.

У принцессы собрались султанъ, султанша и вся ихъ свита. Прилетѣвшаго жениха приняли съ почетомъ и были къ нему очень милостивы.

— Не расскажете ли вы намъ сказку? сказала султанша, но такую, чтобы въ ней былъ глубокий смыслъ, чтобы она была поучительна.

— Но чтобы можно было и посмѣяться, прибавилъ султанъ.

— Хорошо, отвѣчалъ молодой человѣкъ и рассказалъ слѣдующее.

«Жила была связка сѣрныхъ спичекъ. Спички эти очень гордились своимъ высокимъ происхожденіемъ. Ихъ прародитель, высокая сосна, былъ однимъ изъ самыхъ старыхъ деревьевъ въ лѣсу, а каждая спичка представляла маленькую, маленькую частичку этой сосны. Спички лежали на плитѣ рядомъ съ огнемъ и старымъ чугуномъ и рассказывали имъ о своей молодости.

— Да, мы были прежде на зеленой вѣткѣ, говорили онѣ, на настоящей зеленой вѣткѣ. Утромъ и вечеромъ мы пили алмазный чай-росу, цѣлый день намъ свѣтило солнце, конечно, тогда, когда оно было на небѣ; маленькія птички рассказывали намъ веселыя сказки. Мы были очень богаты; всѣ деревья одѣвались только лѣтомъ, а наше семейство имѣло столько средствъ, что могло лѣто и зиму носить зеленое платье. Но вотъ пришелъ дровосѣкъ, и началось великое переселеніе; вся наша семья разсѣялась. Прародитель нашъ получилъ почетное назначеніе, сталъ главною мачтою на великолѣпномъ кораблѣ, который могъ, конечно, совершить кругосвѣтное плаваніе, если бы только захотѣлъ. Всѣ вѣтви получили свое назначеніе; намъ же выпала задача — давать свѣтъ непросвѣщенной черни.

— Моя пѣсенка иного сорта, сказалъ чугунъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ свѣтъ, меня вѣчно чистятъ и вѣчно во мнѣ варятъ. Но зато я отличаюсь прочностью и, собственно говоря, я главный въ домѣ. Всего же для меня пріятнѣе стоять послѣ обѣда на плитѣ и вести разумную бесѣду съ товарищами. Надо правду сказать, живемъ мы взаперти, только ведромъ и приходится иногда выглянуть на дворъ. Если бъ не было корзины для провизіи, мы не знали бы никакихъ новостей.

— Слишкомъ ты, старина, разболтался... прервало его огниво.

При этомъ сталъ такъ стукнула о кремень, что искры по сыпались.

— Придумаемъ что-нибудь повеселѣе...

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Давайте говорить о томъ, кто изъ насъ самый знатный, предложили спички.

— Нѣтъ, я люблю говорить о самомъ себѣ, замѣтилъ глиняный горшокъ. Я предлагаю, чтобы каждый сообщилъ что-нибудь изъ своей жизни. Это и легко, и весело. Для начала слушайте: я провелъ молодость на берегу датской бухты въ Балтійскомъ морѣ. И въ какой чудной тихой семьѣ я жилъ! Такъ все было чисто: мебель полировали, полы часто мыли и черезъ каждыя двѣ недѣли вѣшали чистыя занавѣси.

— Ахъ, какъ вы прекрасно рассказываете, замѣтила половая щетка. Сейчасъ видно, что вы бывали въ женскихъ рукахъ. въ вашемъ рассказѣ такъ много чистоты.

— Ахъ, да! я тоже этому сочувствую! подтвердило ведро и такъ подскочило, что вода расплескалась по полу.

Горшокъ скромно продолжалъ свой рассказъ и закончилъ его съ тѣмъ же достоинствомъ, съ какимъ началъ.

Тарелки зазвенѣли отъ радости, а половая щетка вытащила изъ-подъ печки зеленую петрушку и увѣнчала ею рассказчика, можетъ быть, съ тайною мыслью, что и онъ ей отплатить тѣмъ же.

— Довольно рассказывать! замѣтили щипцы. Мы лучше потанцуемъ.

И, граціозно подымая ножки, щипцы стали выдѣлывать прекрасныя па.

— Возложить и на насъ вѣнокъ? спросили они у зрителей. Конечно, и ихъ тоже увѣнчали.

— Какая чернь! прошептали спички.

Слѣдовало пропѣть самовару, но онъ отказался, ссылаясь на простуду.

— Я могу пѣть только при кипѣніи, отнѣкивался онъ.

Но это была неправда: онъ важничалъ и берегъ свой голосъ для господскаго стола.

На окошкѣ валялось старое перо, которымъ кухарка записывала счетъ. Оно ничѣмъ не отличалось, развѣ тѣмъ, что его глубоко обмакивали въ чернила, но этимъ-то оно и кичилось.

— Пусть самоваръ не поетъ, замѣтило оно. Вонъ тамъ снаружи подъ окномъ виситъ клѣтка съ соловьемъ, онъ и пропоетъ намъ. Хотя онъ и ничему не учился, но на этотъ разъ мы простимъ ему его невѣжество.

— Вотъ ужъ это въ высшей степени неприлично, замѣтилъ мѣдный чайникъ; онъ былъ двоюродный братъ самовара и замѣнялъ должность кухоннаго пѣвца.

— Неужели вы будете слушать чужую птицу? Развѣ это патріотизмъ? Я предлагаю корзинкѣ для провизіи высказать свое мнѣніе.

— Я страшно разсержена, вы не можете представить, говорила корзинка, какъ я разсержена. Что это за манера проводить вечеръ въ пустякахъ? Не благоразумнѣе ли заняться дѣломъ? Каждый былъ бы на своемъ мѣстѣ, а я всѣмъ бы заправляла...

— Будемъ лучше шумѣть! закричали всѣ.

Вдругъ отворилась дверь, и вошла кухарка; всѣ смолкли, никто не смѣлъ пикнуть; но каждый въ глубинѣ своей души со знавалъ свое значеніе, свое могущество. «Если бъ я только за хотѣлъ», думалъ каждый, «мы, навѣрно, провели бы вечеръ веселѣе».

Кухарка взяла спички и зажгла огонь. Боже мой! какъ онѣ затрещали, запылали.

— Теперь каждый видитъ, что мы самыя главные. Какой отъ насъ свѣтъ, какой блескъ! шептали онѣ.

Но увы! онѣ скоро сгорѣли и сказкѣ конецъ...»

— Прекрасная сказка! сказала султанша. Я совсѣмъ перенеслась въ кухню, къ спичкамъ. Да, ты получишь нашу дочь.

Г.Х.АНДЕРСЕНЪ

— Конечно! подтвердилъ султанъ: въ понедѣльникъ ты получишь нашу дочь.

Оба говорили ему «ты», какъ будущему родственнику. Наканунъ свадьбы въ городѣ зажгли иллюминацію. Вотъ то было великолѣпіе!

— Надо и мнѣ принести свою лепту, сказалъ женихъ, накопилъ хлопушекъ, ракетъ, шутихъ, взлетѣлъ на воздухъ въ сундукъ и зажегъ фейерверкъ.

Турки запрыгали отъ радости такъ, что растеряли туфли. Никогда не видали они ничего подобнаго.

Теперь они воочію убѣдились, что принцесса выходитъ за мужъ за генія.

Спустился женихъ въ лѣсъ и думаетъ: «пройтись развѣ по городу и послушать, какъ имъ понравился фейерверкъ».

Какихъ, какихъ рассказовъ онъ ни наслушался. Каждый рассказывалъ по-своему, но всѣмъ имъ фейерверкъ очень по нравился.

— Я видѣлъ самого генія, рассказывалъ одинъ. Глаза у него, какъ блестящія звѣзды, а борода, что волны морскія.

— Онъ пролетѣлъ въ огненномъ плащѣ, прибавлялъ другой. Наслушался нашъ купчикъ рассказовъ и пошелъ обратно въ лѣсъ къ своему сундуку. Но куда же онъ дѣлся? Сундукъ-то сгорѣлъ. Маленькая искра отъ фейерверка превратила его въ груды пепла. Остался бѣдный женихъ на сушѣ и не могъ долетѣть до своей невѣсты. А она цѣлый день простояла на крышѣ и ждала его.

Ждетъ она его и до сихъ поръ, а онъ странствуетъ по свѣту и рассказываетъ сказки, но не такія веселыя, какъ сказка о спичкахъ.

СНѢЖНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

отъ такъ чудесный морозъ, все во мнѣ трещить отъ холоду, говорилъ человѣкъ, слѣпленный изъ снѣгу. Такой ледяной вѣтеръ вливаетъ живительной струей бодрость въ мои члены. Только зачѣмъ этотъ огненный шаръ виситъ тамъ на небѣ? продолжалъ онъ, намекая на заходящее солнце. Не заставитъ онъ меня моргнуть глазомъ; мои два кусочка крѣпко держатся.

Дѣйствительно, у него вмѣсто глазъ были два большихъ куса черепицы; въ ротъ ему вставили обломокъ старой грабли, и онъ очень гордился своими зубами. Когда впервые увидѣлъ свѣтъ, дѣти встрѣтили его криками громкой радости. Крики эти смѣшались со звономъ бубенчиковъ и съ веселымъ щелканьемъ бичей; мимо него то и дѣло проносились быстрыя санки. Солнце сѣло; на небо выплылъ полный мѣсяцъ, круглый, большой, ясный, разлившій серебряные лучи въ синевато-морозномъ воздухѣ.

— Ну, вотъ онъ опять выкатился, только съ другой стороны, сказалъ снѣжный человѣкъ.

Онъ думалъ, что это солнце.

— Только, вѣрно, я отучилъ его таращить на меня глаза.

Виси себѣ тамъ, наверху и свѣти мнѣ, чтобы я могъ собою любоваться. Если бъ я только зналъ, какъ сойти съ мѣста. Какъ мнѣ хочется подвигаться! Я бы тотчасъ отправился внизъ на ледъ и сталъ бы скользить такъ, какъ это дѣлали мальчики. Но я не умѣю ни пошевелиться, ни повернуться; кто ихъ знаетъ, какъ они ухитряются такъ скоро бѣгать.

— Вонъ, вонъ! пролаялъ старый Барбось.

Онъ охрипъ и не могъ по-прежнему выговорить «гамъ-гамъ». Охрипъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть комнатной собакой и лежать подъ печкой.

— Подожди-ка, побѣжишь ты у солнца! И прошлую зиму я это видѣлъ, и раньше со всѣми твоими предшественниками тоже случилось... Вонъ, вонъ, вонъ! всѣхъ оно ихъ погнало.

— Я не понимаю тебя, товарищъ! замѣтилъ снѣжный человѣкъ... Это тотъ-то, что наверху сидитъ, научить меня бѣгать? Давеча, конечно, онъ побѣждалъ, какъ только я взглянулъ на него попристальнѣе, да и теперь онъ крадется потихоньку съ другой стороны.

— Ничего ты не знаешь, прервалъ его Барбось, сейчасъ видно, что тебя только-что слѣпили. Тотъ, кого теперь ты видишь на небѣ, называется мѣсяцемъ, а давеча было на небѣ солнце; завтра оно опять взойдетъ и скоро заставитъ тебя убѣжать въ канаву. Скоро погода переменится, я чувствую колотье въ лѣвой задней ногѣ; непременно это къ теплу.

— Что-то я его не понимаю, проговорилъ снѣжный человѣкъ про себя, но я чувствую, что онъ говоритъ мнѣ непріятныя вещи. Это солнце, какъ онъ его тамъ называетъ, не изъ моихъ друзей; это я отлично чувствую.

— Вонъ, вонъ! залаялъ Барбось, три раза повернулся на одномъ мѣстѣ и залѣзъ въ будку спать.

Погода, дѣйствительно, переменилась. Къ утру сырой густой туманъ окуталъ всю окрестность; но передъ солнечнымъ восходомъ поднялся ледяной вѣтеръ, морозъ пробиралъ до костей, и солнце поднялось багрово-огненнымъ шаромъ. Всѣ деревья и кусты

украшились блестящимъ бѣлымъ инеемъ, переливавшимся алмазною пылью въ яркихъ лучахъ солнца.

— Ахъ! какъ чудесно! сказала молодая дѣвушка, вышедшая въ садъ подъ руку съ молодымъ человѣкомъ. Даже и лѣтомъ не бываетъ ничего прекраснѣе этого.

Они стояли какъ разъ подлѣ человѣка, слѣпленнаго изъ снѣга.

— Да, такого молодца ни за какія деньги не достать лѣтомъ, сказали молодой человѣкъ, указывая на него. Онъ просто не подражаемъ.

Молодая дѣвушка улыбнулась, кивнула головою снѣжному человѣку и пошла со своимъ спутникомъ по хрустѣвшему снѣгу.

— Это что за пара? спросилъ снѣжный человѣкъ Барбоса. Ты старше меня, дольше живешь на свѣтѣ, знакомъ ты съ ними?

— Знакомъ ли я? Еще бы! отвѣчалъ Барбосъ. Она меня часто гладила, а онъ давалъ мнѣ кости; ихъ я никогда не укушу.

— Но кто же они такіе?

— Это женихъ съ невѣстою, отвѣчалъ Барбосъ, они господа. Какой ты глупый! Сейчасъ видно, что только-что родился. Вотъ я такъ пожилъ на свѣтѣ, понабрался ума-разума и знаю всѣхъ здѣсь на дворѣ. Охъ, помню я еще то времячко, когда не мерзъ на морозѣ и не сидѣлъ на цѣпи. Вонъ, вонъ!

— Какой чудесный морозъ! сказалъ снѣжный человѣкъ. Рассказывай, рассказывай дальше! Только не греми своею цѣпью, этотъ звонъ и во мнѣ отдается.

— Вонъ, вонъ! залаялъ Барбосъ. Я былъ маленькимъ щенкомъ, и всѣ находили меня хорошенькимъ, я лежалъ на колѣняхъ у барыни, меня цѣловали въ мордочку и вытирали мнѣ лапки вышитымъ батистовымъ платкомъ; называли меня Ами, милымъ, дорогимъ Ами. Но скоро я сталъ великъ для комнатной собачки, и подарили меня эконоmkѣ. Я перешелъ въ подвалъ; оттуда, гдѣ ты стоишь, ты можешь заглянуть въ комнатку, гдѣ и я былъ господиномъ. Привольно мнѣ жилось у экономки. Правда, мѣста было меньше, чѣмъ наверху; но зато тутъ было уютнѣе, меня не мучили и не теребили дѣти, а кормили также хорошо, если еще и не лучше. У меня была своя собственная подушка, а главное — печка. Что на свѣтѣ можетъ быть лучше печки зимою! Я забирался подъ печку... Ахъ, я и теперь о ней мечтаю! Вонъ, вонъ, вонъ!

— Развѣ печка такъ прекрасна? спросилъ снѣжный человѣкъ. Похожа она на меня?

— Какъ разъ напротивъ. Она черная-пречерная и съ длинною шеєю. Она глотаетъ дрова, изо рта у нея пышетъ пламя. Вблизи отъ нея или подъ нею очень пріятно. Взгляни въ окошко, ты ее увидишь.

Снѣжный человѣкъ посмотрѣлъ и увидѣлъ какой-то полированный предметъ; снизу изъ него свѣтился огонь. Онъ вдругъ почувствовалъ нѣчто такое, въ чемъ онъ не умѣлъ дать себѣ отчета, но что извѣстно всѣмъ людямъ, если они не слѣплены изъ снѣга.

— Зачѣмъ ты ее покинулъ? спросилъ онъ Барбоса. Какъ ты могъ оставить такое мѣсто?

— Поневолѣ, отвѣчалъ Барбосъ. Они выбросили меня на дворъ и посадили на цѣпь. Я, видишь, укусилъ самаго младшаго мальчишку въ ногу за то, что онъ выхватилъ у меня кость изо рта. Такъ вотъ по пословицѣ — «зубъ за зубъ» — я ему и отплатилъ. Но родители его посмотрѣли на это иначе, и съ тѣхъ поръ я здѣсь на цѣпи и лишился звонкаго голоса. Вонъ, вонъ! залаялъ опять Барбосъ.

Но снѣжный человѣкъ его не слышалъ; онъ смотрѣлъ въ подвалъ, гдѣ жила экономка, и гдѣ на четырехъ ножкахъ стояла желѣзная печка, не уступавшая ему въ ростѣ.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Какъ странно что-то во мнѣ трещить? говорилъ онъ. Неужели я никогда не попаду туда? Это мое единственное, самое горячее желаніе. Неужели оно не исполнится? Это было бы вопіющею несправедливостью. Я долженъ войти туда, хотя бы для этого пришлось разбить окошко.

— Никогда тебѣ туда не попасть! замѣтилъ Барбось. Да я тебѣ и не совѣтоваль бы. Если ты попадешь къ печкѣ, ты побѣдишь... Вонъ, вонъ!

— Я и теперь гожусь только на то, чтобы меня выбросили вонъ. Я, кажется, совсѣмъ разваливаюсь.

Цѣлый день снѣжный человѣкъ смотрѣлъ въ окошко. Въ сумерки показалась ему комната еще уютнѣе. Печка свѣтила такъ привѣтливо, какъ не могли свѣтить ни мѣсяцъ, ни солнце. Нѣтъ, такъ можетъ свѣтить только желѣзная печка, когда она топится. Когда дверца ея отворялась, пламя огненнымъ языкомъ выходило изъ нея, и бѣлое лицо снѣжнаго человѣка покрывалось пылающимъ румянцемъ.

— Какъ она прелестно высовываетъ языкъ! шепталъ онъ. Ночь тянулась долго, но снѣжный человѣкъ ея не замѣтилъ. Онъ погрузился въ глубокое раздумье, и мысли его мерзли такъ, что они хрустѣли. Къ утру подвальные окна затянуло инеемъ. Но снѣжный человѣкъ не восхищался изящными разводами и прекрасными рисунками: они скрывали отъ него печку. Замерзшія стекла мѣшали ему видѣть пламя.

Морозъ такъ и трещалъ. Всякій снѣжный человѣкъ могъ бы себя считать счастливымъ и радоваться; а онъ былъ несчастливъ, онъ тосковалъ по печкѣ.

— Плохая это болѣзнь! сказалъ Барбось снѣжному человѣку; я тоже когда-то ею страдалъ, да вылечился! Вонъ, вонъ, вонъ! теперь, навѣрно, погода переменится...

Погода, дѣйствительно, переменилась, настала оттепель. Все стало таять, таялъ и снѣжный человѣкъ. Онъ не говорилъ ни слова, ни на что не жаловался, а это дурной признакъ.

Какъ-то утромъ онъ развалился. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, что-то торчало изъ земли, какая-то палка, на которой онъ держался.

— Ну, теперь мнѣ понятна его тоска! сказалъ Барбось. У него внутри была кочерга. Она-то ему и не давала покоя; но теперь для него все кончилось. Вонъ, вонъ!

Скоро кончилась и длинная суровая зима.

— Вонъ, вонъ! залаялъ охрипшій Барбось. А дѣвочки запѣли:

Ласточка примчалась
Изъ-за синя моря,
Съѣла и запѣла:
«Какъ, Февраль, ни злился,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ,
Все весною пахнетъ!»

Про зиму всѣ позабыли, забыли и о снѣжномъ человѣкѣ съ его тоскою по печкѣ.

ЕСТЬ ЖЕ РАЗНИЦА

асталь май. Вѣяль еще холодный вѣтеръ, но деревья, кусты, поля и луга шептали уже:

— Весна идетъ!

Все цвѣло, благоухало; а на молоденькой яблонькѣ распустилась одна единственная душистая прекрасная вѣтка, свѣжая, какъ сама весна, усыпанная нѣжными розовыми бутонами. Вѣточка знала себѣ цѣну; сознание красоты таилось у нея въ крови, и она вовсе не удивилась, когда молодая графиня приказала остановиться коляскѣ, чтобы полюбоваться на вѣточку.

— Вотъ лучший символъ весны! сказала графиня.

Вѣточка вполне была съ этимъ согласна.

Ее отломили, взяли въ нѣжные руки, осѣнили дорогимъ шелковымъ зонтикомъ и повезли въ замокъ съ высокими залами и роскошными комнатами. На открытыхъ окнахъ колыхались бѣлыя тонкія занавѣси, а въ блестящихъ прозрачныхъ вазахъ стояли прекрасныя цвѣты. Вѣточку яблони поставили тоже въ бѣлый сосудъ и окружили свѣжими свѣтлозелеными буковыми вѣтвями. Какъ она загордилась! Но это было совершенно естественное чувство.

Въ комнату приходило множество людей самыхъ различныхъ положеній и дарованій, и каждый изъ нихъ восхищался вѣточкой, сообразно со своимъ достоинствомъ. Одинъ не смѣлъ сказать ни слова, другой, напротивъ, говорилъ слишкомъ много.

Яблоня понимала, что и между растеніями существуетъ большая разница. «Одни существуютъ для украшенія, другія приносили пользу, а есть и такія, безъ которыхъ можно было бы совсѣмъ обойтись!» думала она, смотря въ открытое окно, откуда былъ виденъ садъ и поле.

Тамъ надъ многими цвѣтами и растеніями можно бы задуматься: росли и роскошныя, росли и бѣдныя, а инныя такъ даже слишкомъ бѣдныя.

— Жалкія, отверженныя травки, сказала вѣточка, конечно, существуетъ громадная разница! Какими несчастными онѣ должны себѣ казаться, если только вообще онѣ что-нибудь со знаютъ, какъ я и мнѣ подобныя. Да и должна существовать разница, иначе всѣ были бы одинаковы...

Вѣтка яблони съ особеннымъ состраданіемъ смотрѣла на желтыя цвѣты, почти сплошь покрывавшіе поля и рвы. Никому и въ голову не приходило дѣлать изъ нихъ букеты: они казались всѣмъ слишкомъ простыми, слишкомъ обыкновенными, росли даже между плитами тротуаровъ. И какое некрасивое имя носили они! Ихъ называли одуванчиками.

— Бѣдное, презрѣнное растеніе! сказала вѣточка. Ты, конечно, не виновато, что тебѣ дали такое некрасивое имя... но между растеніями, какъ и между людьми, должна быть разница.

— Разница! повторилъ солнечный лучъ и поцѣловалъ цвѣтущую вѣточку, но въ то же время подарилъ поцѣлуй и желтенькому цвѣточку на полѣ.

За нимъ и всѣ солнечныя лучи стали цѣловать безъ разбору и роскошныя садовыя цвѣты, и простыя полевые цвѣточки.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Вѣточка никогда не думала о безконечной любви Бога ко всему живущему; она не думала, какъ много повсюду скрыто прекраснаго и добраго; но солнечный лучъ, лучъ свѣта зналъ объ этомъ.

— Ты плохо видишь, ты видишь неясно! сказалъ онъ ей. О какой презрѣнной травкѣ ты сожалѣешь?

— Объ одуванчикѣ! отвѣчала вѣточка; всѣ его попираютъ ногами, сѣмена его разносятся вѣтромъ, какъ клочья ваты, и прилипаютъ къ людскимъ платьямъ. Это сорная трава! Благо дарю Бога, что я не родилась такимъ цвѣткомъ.

На лугъ прибѣжала толпа дѣтей; самаго маленькаго принесли на рукахъ; его посадили на траву, гдѣ росли желтые цвѣточки. Какъ только онъ увидалъ ихъ, онъ засмѣялся отъ радости, засѣменилъ ножками, подползъ къ цвѣтамъ, рвалъ ихъ и прижималъ къ губамъ. Дѣти отрывали стебли одуванчиковъ, плели цѣпи и украшались ими. Старшія изъ нихъ срывали отцвѣтшіе цвѣты съ пушистымъ шарикомъ и старались сдуть шарикъ сразу, чтобы не осталось ни одного сѣмечка. Они гадали, у кого въ нынѣшнемъ году будетъ новое платье. Презрѣнный одуванчикъ сталъ пророкомъ.

— Видишь, сказалъ лучъ вѣточкѣ, и одуванчикъ имѣетъ свои прелести, и онъ одаренъ притягательною силою.

— Да, для дѣтей! возразила вѣтка.

Вышла на лугъ старушка и стала выкапывать тупымъ обломкомъ ножа корни одуванчика; они должны были служить прибавкою къ кофе, а часть ихъ старушка собиралась продать аптекарю на лекарство.

— Все-таки красота нѣчто возвышенное, въ ея царство попадаютъ только избранные. Есть разница между растеніями, какъ и между людьми.

Тогда солнечный лучъ заговорилъ о безконечной любви Всевышняго къ Его твореніямъ, какъ равномѣрно Онъ распредѣлилъ всѣ блага между живущими.

— Это только твое мнѣніе, сказала вѣточка, не соглашаясь съ солнечнымъ лучемъ.

Но вотъ въ комнату вошла графиня въ сопровожденіи своихъ гостей и бережно внесла что-то завернутое въ три-четыре листа, чтобы не прикасалось къ нему дуновеніе вѣтра. Такого вниманія не удостоилась и вѣтвь яблони, когда ее принесли и поставили въ прозрачную вазу. Осторожно сняла графиня большіе листья... И что же въ нихъ оказалось? Маленькій пушистый шарикъ съ сѣменами одуванчика. Такъ вотъ что она сорвала такъ осторожно, заботясь, чтобы ни одно сѣмечко не слетѣло со своей подушки, и это ей вполне удалось. Легкій воздушный шарикъ оказался совершенно цѣлымъ, и графиня восхищалась его совершенною формою, его изящными перышками, его сложнымъ строеніемъ и нѣжною прозрачною.

— Посмотрите, какъ чудно его создалъ Богъ, сказала графиня, я поставлю его въ одну вазу съ вѣткою яблони и срисую ихъ вмѣстѣ. Цвѣтущая вѣточка прекрасна, но и этотъ скромный цвѣтокъ не лишенъ своихъ прелестей. Не смотря на различіе, существующее между ними, оба они дѣти красоты, оба принадлежатъ къ царству прекраснаго.

Солнечный лучъ поцѣловалъ при этомъ и роскошную вѣтку и скромный цвѣтокъ, а душистые лепестки вѣточки, казалось, покраснѣли отъ стыда.

ОГНИВО.

азь-два, разь-два! — маршировалъ солдатъ по дорогѣ. Онъ только-что побывалъ на войнѣ и теперь возвращался на родину, бодро встряхивая ранецъ и побрякивая саблей.

Вдругъ, навстрѣчу ему колдунья.

— Добраго вечера, солдатикъ! Экій ты молодецъ. Что у тебя за сабля, да и ранецъ такой объемистый. Сейчасъ видно настоящаго служиваго. Надо бы тебѣ и денегъ столько, сколько пожелаешь.

— Спасибо, бабушка! отвѣчалъ солдатъ.

— Вонъ видишь это дерево, продолжала колдунья, оно внутри пусто. Взберись на его вершину, ты увидишь дупло; черезъ это дупло ты проникнешь въ самую глубь земли... Я тебя обвяжу веревкой вокругъ пояса, какъ только ты меня по зовешь я и вытащу тебя назадъ кверху.

— А чего я тамъ не видалъ внизу, подъ деревомъ? сказалъ солдатъ.

— Тамъ кладъ! отвѣчала колдунья. Какъ только ты очутишься подъ корнями, ты увидишь длинный подземный ходъ; онъ освѣщенъ цѣлою сотнею лампъ. Въ этомъ ходѣ три двери; ключи въ замкахъ, и ты можешь ихъ отворить. Когда ты войдешь въ первое подземелье, ты увидишь большой сундукъ, а на немъ собаку. Глаза у нея съ гусиное яйцо, но бояться ея тебѣ нечего; ты возьмешь съ собою мой клѣтчатый передникъ, схватишь собаку и посадишь на него; а тогда смѣло отвори сундукъ и бери денегъ, сколько хочешь. Но въ первомъ подземельѣ только мѣдь. Если хочешь серебра, пройди во второе подземелье. Тамъ сидитъ собака съ глазами, что жернова; но ты ея тоже не бойся, смѣло сажай на мой передникъ, а затѣмъ бери денегъ, сколько хочешь. Если же ты предпочитаешь золото, то и его можешь получить, сколько влѣзетъ въ твой ранецъ, войди только въ третье подземелье. Правда, у собаки, сидящей на сундукѣ съ золотомъ, глаза съ добрую башню. Но это ничего! Какъ посадишь ее на мой передникъ, она тебѣ ни чего не сдѣлаетъ, можешь взять хоть все золото.

— Это недурно! сказалъ солдатъ. Ну, а какую часть я долженъ отдать тебѣ; вѣдь, ты же мнѣ не даромъ все это раз сказала.

— Денегъ мнѣ. не нужно! отвѣчала колдунья, я не возьму никопѣйки; принеси мнѣ только старое огниво, его забыла моя бабушка, когда побывала въ послѣдній разъ въ подземельѣ.

— Хорошо! сказалъ солдатъ. — Обвязывай веревку вокругъ моего пояса.

— Вотъ веревка! сказала колдунья, а вотъ и передникъ.

Солдатъ влѣзъ на дерево, спустился по дуплу и очутился въ подземной галлерей, гдѣ горѣли сотни лампъ.

Открылъ онъ первую дверь. Ухъ! собака вытаращила на него глаза съ гусиное яйцо. Но солдатъ не струсилъ, живо посадилъ ее на передникъ, набилъ и ранецъ, и карманы мѣдяками, заперъ сундукъ, посадилъ собаку на старое мѣсто и отпра вился въ другое подземелье.

Ого! тутъ встрѣтила его собака съ цѣлыми жерновами вмѣсто глазъ.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

— Нечего тебѣ на меня глаза таращить! сказалъ солдатъ и посадилъ собаку на передникъ.

Какъ увидѣлъ онъ серебро, побросалъ мѣдъ и набилъ себѣ серебромъ и ранецъ и карманы.

Вошелъ онъ въ третье подземелье, глядитъ на него соба чище съ глазищами, что твоя башня.

— Добраго вечера! сказалъ солдатъ, мигомъ посадилъ ее на передникъ и открылъ сундукъ. Золота-то, золота-то сколько онъ въ немъ увидѣлъ. На это золото можно было бы купить всѣ сахарныя конфетки, всѣхъ оловянныхъ солдатиковъ, всѣ хлыстики и всѣхъ лошадиныхъ-качалокъ, сколько ихъ есть на свѣтѣ.

Солдатъ высыпалъ серебро и вмѣсто него насыпалъ золото, и въ карманы, и въ ранецъ, и въ походную сумочку, даже въ сапоги, такъ что едва двигался подъ этою тяжестью.

Вотъ-то когда онъ разбогатѣлъ! Собаку посадилъ на сундукъ, дверь заперъ, и крикнулъ въ дупло:

— Ну, тащи меня, бабушка!

— А огниво захватилъ? спросила колдунья.

— Эхъ, огниво-то и позабылъ! отвѣтилъ солдатъ.

Вернулся въ подземелье и взялъ огниво.

Колдунья вытащила его изъ дупла, и онъ сталъ спускаться съ дерева; а червонцы такъ и посыпались, и изъ кармановъ, и изъ сапогъ, и изъ ранца.

— А что ты будешь дѣлать съ огнивомъ? спросилъ солдатъ, вставъ на ноги.

— Это до тебя не касается, отвѣчала колдунья. Ты получилъ деньги, а мнѣ давай огниво!

— Ладно! отвѣчалъ солдатъ. Сейчасъ говори, что ты съ нимъ будешь дѣлать, а то попробуешь моей сабли.

— Не скажу! заупрямилась колдунья.

Солдатъ выхватилъ саблю, и не долго думая, отрубилъ старухѣ голову. Потомъ завязалъ деньги въ передникъ, сунулъ огниво въ карманъ, взвалилъ узелъ на плечи и пошелъ въ городъ. Тамъ онъ остановился въ лучшей гостиницѣ, занялъ лучшія комнаты, потребовалъ лучшихъ кушаній, словомъ, зажилъ важнымъ господиномъ.

Здѣсь узналъ онъ обо всѣхъ диковинкахъ города, о королѣ и о его прекрасной дочери, королевнѣ.

— Гдѣ бы ее увидѣть? спросилъ солдатъ.

— Никто ее не можетъ видѣть, — отвѣчали ему. — Она живетъ въ обширномъ мѣдномъ замкѣ, вокругъ замка возвышаются стѣны съ башнями. Къ ней ходитъ только король, потому что есть предсказаніе, будто она выйдетъ замужъ за простого солдата, а этого король не хочетъ.

— Хотѣлось бы мнѣ ее посмотрѣть, проговорилъ солдатъ.

Но объ этомъ и думать было нечего.

Весело зажилъ солдатъ... Однако деньги тратились, а назадъ не возвращались. Наконецъ, у него остались только двѣ копѣйки въ карманѣ, пришлось выѣхать изъ прекрасныхъ комнатъ, поселиться въ коморкѣ подъ крышею, самому зашивать дырявые сапоги, самому и чистить ихъ. Всѣ друзья забыли веселаго солдата: слишкомъ высоко надо было къ нему взбираться.

— Настали темные вечера, а ему не на что было купить себѣ свѣчей. Вдругъ онъ вспомнилъ, что при огнивѣ, перенесенномъ изъ подземелья, былъ огарокъ. Онъ вынулъ огниво, ударилъ кремнемъ по стали, и вдругъ, отворилась дверь, вскочила въ комнату собака въ темнотѣ засверкали ея глаза съ гусиное яйцо.

— Что прикажешь, властелинъ мой? спросила собака.

— Ай-да огниво! воскликнулъ солдатъ. Достань-ка мнѣ денегъ! приказалъ онъ собацѣ.

Прыгъ, скокъ! была такова собака, а черезъ минуту опять она стояла передъ нимъ и держала въ зубахъ кошель съ деньгами.

— Теперь солдатъ узналъ цѣну своему огниву. Стукнуть разъ, явится собака, охраняющая мѣдь, стукнуть два, придетъ та, что сторожитъ серебро, а стукнуть три, пожалуйеть третья изъ подземелья съ золотомъ.

Солдату тотчасъ пришла на умъ королевна.

— Странно; что нельзя ее видѣть! проговорилъ онъ. И что ей въ ея красотѣ, если она должна сидѣть въ мѣдномъ замкѣ? Какъ бы это мнѣ ее увидѣть? Эге! постой-ка! попробуемъ огниво.

Стукнулъ онъ разъ, и прыгъ-скокъ, явилась собака съ глазами, что гусиные яйца.

— Хоть теперь и ночь, а мнѣ всетаки очень хотѣлось бы посмотрѣть прекрасную королевну, хотя на одну минутку. Можешь ты мнѣ ее показать?

Собака скрылась и въ мигъ появилась опять съ королевною.

Она лежала на спинѣ собаки и спала.

Солдату показалось, что онъ никогда не видѣлъ такой красавицы. Онъ былъ внѣ себя отъ счастья и поцѣловалъ ее. Собака тотчасъ же скрылась.

На другое утро солдатъ опять переѣхалъ въ прекрасныя комнаты, одѣлся въ отличное платье. Друзья опять явились къ нему и увѣряли его въ своей неизмѣнной преданности.

Въ мѣдномъ замкѣ въ это утро у королевы завтракали король съ королевою. Королевна имъ рассказала, какой странный сонъ ей снился. Собака унесла ее куда-то, и какой-то солдатъ поцѣловалъ ее.

— Ну, ужъ хорошъ твой сонъ, не чего сказать! замѣтила королева.

Сейчасъ она позвала свою старшую фрейлину и велла ей дежурить слѣдующую ночь у королевниной кровати.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Въ самую полночь прибѣжала собака, схватила королевну и помчалась съ нею. Но у фрейлины были на готовѣ, сапоги-сороходы. Одѣла она ихъ и побѣжала слѣдомъ. Какъ увидѣла, что собака исчезла въ большомъ домѣ, она и подумала: «Ну, я теперь знаю, гдѣ это!» вынула изъ кармана кусокъ мѣла и поставила на дверяхъ большой крестъ. Затѣмъ вернулась въ замокъ, легла, какъ ни въ чемъ не бывало, въ постѣль, а слѣдомъ за ней собака принесла королевну.

На возвратномъ пути собака замѣтила крестъ на дверяхъ, гдѣ жилъ солдатъ, взяла кусокъ мѣла и сдѣлала кресты на всѣхъ дверяхъ, сколько ихъ было въ городѣ.

Рано утромъ король съ королевою, со старою фрейлиною и многочисленною свитою пошли смотрѣть, гдѣ побывала королевна.

— Вотъ гдѣ! сказалъ король, увидавъ первый крестъ на двери.

— Нѣтъ, вотъ тамъ! сказала королева, указывая на вторую дверь, помѣченную крестомъ.

— Да вотъ и еще крестъ! И еще! И еще! восклицали они.

Оказалось, что кресты были на всѣхъ дверяхъ, слѣдовательно, нечего было и искать.

Но королева, какъ умная женщина, этого дѣла такъ не оставила. Она сшила мѣшечокъ; оставивъ въ немъ маленькую дырочку, насыпала въ него мелкой гречневой крупы и привязала принцессѣ къ поясу.

Ночью опять примчалась собака, схватила принцессу на плечи и помчалась къ своему повелителю. Не замѣтила она, какъ изъ дырочки всю дорогу сыпалась крупа до самой той стѣны, куда выходили окна квартиры бывшего солдата.

Утромъ чуть свѣтъ король съ королевой прихватили стражу и нагрянули къ солдату. Его схватили соннаго и бросили въ тюрьму.

Темно, неприметно показалось солдату въ новомъ помѣщеніи; огниво у него осталось дома, онъ не успѣлъ прихватить его съ собою. Что тутъ дѣлать?

А по городу пронеслась вѣсть, что на утро солдата повѣсятъ, объявили ему волю короля и велѣли готовиться къ смерти.

Дурные сны снились ему въ эту ночь. Утромъ чуть свѣтъ онъ подошелъ къ окошку съ желѣзною рѣшеткою посмотрѣть, какъ народъ со всѣхъ концовъ спѣшилъ на мѣсто казни.

Вотъ промаршировали и солдаты съ барабаннымъ боемъ; у осужденнаго замерло сердце. Вдругъ, онъ видитъ, бѣжитъ мальчикъ-сапожникъ и такъ торопиться, что одна туфля соскочила съ его ноги и ударилась о желѣзную рѣшетку маленькаго окна.

— Слушай, мальчуганъ, куда ты торопишься? Все равно раньше не начнутъ, пока я тамъ не буду. Сослужи-ка лучше мнѣ службу, сбѣгай на мою квартиру и принеси огниво, я тебѣ дамъ двугривенный, только торопись, возьми ноги въ руки.

Мальчишка радъ былъ заслужить двугривенный, какъ стрѣла бросился за огнивомъ и принесъ его осужденному.

За городомъ была приготовлена висѣлица, ее охраняла стража, а вокругъ шумѣла и волновалось стотысячная толпа. Король съ королевою возсѣдали на великолѣпномъ тронѣ, а противъ нихъ помѣщались судьи и совѣтъ въ полномъ составѣ.

Солдата поставили уже на верхнюю ступень, закинули ему петлю на шею, какъ вдругъ осужденный обратился къ королю съ почтительною просьбою дозволить ему послѣдній разъ выкурить трубку.

Какъ было не исполнить послѣдней предсмертной просьбы! Король разрѣшилъ. Осужденный взялъ огниво и высѣкъ разъ, два, три. Прыгъ-скокъ, появились всѣ три собаки: одна съ глазами, что гусиное яйцо, другая съ глазами, что жернова. а третья съ глазами, что добрая башня.

— Спасите меня! крикнулъ осужденный.

Собаки бросились, которая на судей, которая на королевскихъ совѣтниковъ, подхватили ихъ кого за голову, кого за ноги, подбросили ихъ на воздухъ, такъ что они разбились до смерти.

— Не хочу я, прочь! вскричалъ король, когда собаки бросились на него.

Но и его, и королеву постигла та же участь. Народъ перепугался; всѣ стали кричать:

— Помилуй насъ, добрый человѣкъ! Будь нашимъ королемъ и возьми прекрасную принцессу.

Солдата съ почетомъ повезли въ королевской каретѣ, а собаки бѣжали впереди и кричали: «ура!».

Принцесса вышла изъ мѣднаго замка и стала королевой. Это, конечно, ей понравилось.

Свадьбу праздновали цѣлую недѣлю; собаки сидѣли за столомъ со всѣми другими гостями и таращили на всѣхъ свои глазища.

ГАДКІЙ УТЕНОКЪ

удно было въ деревнѣ. Лѣто стояло въ полномъ разгарѣ. Рожь желтѣла; овесъ зеленѣлся; сѣно было собрано въ большіе стога на широкихъ лугахъ. Аистъ на длинныхъ красныхъ ногахъ важно прогуливался и болталъ по-египетски; этому языку онъ выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большіе лѣса, а въ лѣсахъ блестяли глубокія озера. Да, чудно было въ деревнѣ!

Все облитое солнечными лучами, старинное имѣніе живописно красовалось среди сельскаго ландшафта. Высокія стѣны окружалъ глубокій каналъ, а между каналомъ и стѣнами росъ цѣлый лѣсъ репейника. Маленькія дѣти могли стоять подъ его широкими листьями, какъ подъ тѣнью густого лѣса. Для нихъ это и былъ густой дремучій лѣсъ. Здѣсь, въ тиши, въ своемъ гнѣздѣ сидѣла утка на яйцахъ и ждала, когда вылупятся ея птенцы. Она страшно скучала, никто ея не посѣщалъ; другія утки предпочитали плавать въ канавѣ, не имѣли желанія взбираться на крутой берегъ и занимать своею болтовнею сидѣвшую на яйцахъ подъ широкимъ листомъ репейника подругу. Наконецъ, треснуло одно, другое, третье яйцо, птенчики закричали: пикъ, пикъ! и высунули головки. — Крякъ, крякъ! сказала утка.

Птенчики тоже запищали изо всѣхъ силъ и стали смотрѣть во всѣ стороны, осыненные зелеными листьями. Мать не запрещала имъ любоваться зеленью, такъ какъ зелень полезна для глазъ.

— Ахъ, какъ свѣтъ великъ! говорили птенчики.

Конечно, теперь имъ было несравненно просторнѣе, чѣмъ въ яйцѣ.

— А вы думаете, что это весь свѣтъ? сказала мать. Онъ простирается далеко, далеко, чрезъ весь садъ до самаго пасторскаго поля... Но тамъ и я сама еще никогда не была. Всѣ ли повыбрались изъ яицъ? продолжала она, вставая. Нѣтъ, большое яйцо еще не треснуло... Когда же это все кончится? Мнѣ ужъ это начинаетъ надоѣдать.

Она снова усѣлась на послѣднее яйцо.

— Ну, какъ дѣла? спросила старая утка, пришедшая ее провѣдать.

— Да вотъ одно яйцо никакъ не хочетъ треснуть, сказала утка. Зато другія, посмотри, какіе прелестныя утятки.

— Дай-ка я взгляну на это яйцо, сказала старуха. Хочешь вѣрѣ, хочешь нѣтъ, а это, навѣрно, индючье яйцо. Со мной тоже разъ такъ случилось, я не знала, что дѣлать съ птенчикомъ, индюшки, вѣдь, боятся воды. Какъ я ни крякала, какъ я ни крякала, ничего не помогало. Навѣрно, и у тебя индючье яйцо, оставь его лучше и ступай съ птенчиками въ канаву.

— Нѣтъ, ужъ я еще посижу немного! отвѣтила утка.

— Какъ хочешь, сказала старуха и заковыляла домой. Наконецъ, и большое яйцо треснуло; пикъ, пикъ! запищаль птенчикъ и вылѣзъ на свѣтъ Божій. Какой онъ былъ большой и некрасивый! Утка съ удивленіемъ разсматривала его.

— Однако, это огромный утенокъ, онъ не похожъ ни на одного изъ остальныхъ! проговорила утка. Неужели это индючонокъ? Ну, да я это живо узнаю; столкну его въ воду и по смотрю, поплыветъ ли онъ?

На другой день была прекрасная погода; солнце ярко свѣтило. Утка-мать повела всю свою семью въ канаву. Шлепъ! спрыгнула она въ воду.

— Крякъ, крякъ, громко позвала она за собою утятъ. Какъ желтенькіе комочки скатились одинъ за другимъ утята. Вода покрыла ихъ съ головой, но они живо вынырнули и прекрасно поплыли; перепончатая лапы двигались сами собой. Ни одинъ изъ нихъ не остался на берегу; некрасивый сѣрый птенчикъ плылъ наравнѣ со всѣми.

Нѣтъ, это не индюкъ! прошептала утка. Вонъ, какъ онъ славно забираетъ лапами и какъ прямо держится. Это моя собственная плоть и кровь. Если даже присмотрѣться къ нему, то онъ, пожалуй, и не дурень.

— Крякъ, крякъ! сказала она громко птенчикамъ. Идите за мною! Я васъ представлю въ большой свѣтъ на птичьемъ дворѣ. Только держитесь около меня, чтобы никто на васъ не наступилъ и берегитесь кошекъ.

Они пришли на утиную половицу. Тамъ стоялъ невообра зимый гамъ и крикъ. Двѣ семьи подрались изъ-за головы угря, и въ концѣ концовъ она не досталась ни тѣмъ, ни другимъ, потому что пришла кошка и съѣла ее.

— Посмотрите, вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ! наставительно проговорила утка и пощелкала клювомъ. Ей тоже хотѣлось попробовать угря.

— Ну, а теперь преклоните ваши головы предъ старою уткою, что сидитъ вотъ тамъ; она здѣсь самая знатная, въ жилахъ ея течетъ испанская кровь. Ей повязали вокругъ ноги красный лоскутокъ, это величайшій знакъ отличія, котораго можетъ достигнуть утка. Это значитъ, что ее не хотятъ потерять, что ее знаютъ также люди, какъ и ея товарищи. Не заворачивайте ногъ внутрь; хорошо воспитанная уточка всегда держитъ ноги въ сторону, беретъ примѣръ съ отца и матери. Смотрите: вотъ такъ! Теперь согните шеи и скажите: крякъ!

Утята исполнили приказаніе матери; но окружавшія ихъ утки смотрѣли съ недоброжелательствомъ и говорили громко:

— Вотъ еще новости! Она навяжетъ на нашу шею всю свою орду; насъ тутъ и такъ довольно много! Пфу! Какой гадкій утенокъ! мы его не потерпимъ въ своей средѣ.

Одна изъ утокъ подлетѣла къ птенчику и ущипнула его въ спину.

— Оставь его! вступилась мать. Онъ вѣдь, никого не трогаетъ!

— Онъ такой огромный, неуклюжій! оправдывалась утка. Его надо отсюда выжить.

— Прехорошенькія дѣти у этой утки! говорила старая утка съ обвязаннымъ на ногѣ лоскуткомъ. Всѣ прекрасныя, кромѣ этого, онъ совсѣмъ не удался. Я бы хотѣла, чтобы мать выси ѣла его снова.

— Этого никакъ нельзя, ваша свѣтлость! почтительно отвѣчала мать. Онъ некрасивъ, но у него доброе сердце, а плаваетъ онъ не хуже другихъ, и даже лучше. Я надѣюсь, что со временемъ онъ выровняется и станетъ стройнѣе. Онъ слишкомъ долго лежалъ въ яйцѣ, оттого и сталъ неуклюжимъ.

Она съ любовью обдергала его перышки и пригладила ихъ.

— Ну, все равно! зато остальные утята твои премиленькіе. А теперь будьте, какъ дома. Если найдете голову угря, то можете ее принести.

Они и расположились, какъ дома. Только бѣднаго, некрасиваго утенка всѣ щипали, толкали, осыпали насмѣшками и не только утки, но даже и куры. Индюкъ, считавшій себя царемъ птичьяго двора, потому что у него были шпоры, надулся, какъ корабль съ парусами, и пошелъ прямо на утенка. Голова его покраснѣла, толстый наростъ надъ клювомъ налился, и онъ такъ воинственно загоготалъ, что бѣдный утенокъ не зналъ, куда ему дѣться.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Онъ отъ всего сердца гореваль о своемъ уродствѣ, ему тяжело было служить посмѣшищемъ всего птичьяго двора. Съ каждымъ днемъ ему жилось хуже и хуже; даже его собственные братья и сестры тяготились имъ и говорили:

— Хоть бы кошка тебя съѣла, уродъ ты этакій!

А мать прибавляла:

— Хоть бы ты ушелъ подальше съ глазъ моихъ!

Утки щипали его, куры клевали, а птичница, приходившая ихъ кормить, толкала его ногой.

Какъ-то разъ бѣдный утенокъ съ перепуга бросился черезъ заборъ. При видѣ его птички, сидѣвшія въ кустахъ, поднялись на воздухъ.

— Вотъ какой я уродъ, что даже птицы меня боятся, прошепталъ утенокъ. Онъ закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть, и побѣжалъ дальше отъ птичьяго двора, добѣжалъ до болота, гдѣ жили дикія утки, и спрятался тамъ. Онъ такъ усталъ, что позабылъ про голодь и безъ движенія пролежалъ всю ночь въ тростникѣ. Утромъ дикія утки замѣтили его.

— Ты кто такой? спросили онъ.

Утенокъ только поворачивался во всѣ стороны и отвѣшивалъ низкіе поклоны.

— Ты ужасно безобразенъ! замѣтили утки, но намъ до этого мало дѣла; только не вздумай жениться на комъ нибудь изъ нашихъ.

Бѣдный утенокъ и не помышлялъ о женитьбѣ, онъ просилъ только позволенія остаться въ камышахъ и пить болотную воду. Онъ просидѣлъ въ болотѣ цѣлыхъ два дня. На третій день прилетѣли два дикихъ утенка. Они недавно вылупились изъ яйца и не успѣли еще набраться житейскаго опыта. Они довѣрчиво подошли къ утенку и сказали:

— Послушай, товарищъ, ты такъ безобразенъ, что тебя положительно можно считать красавцемъ! Ты намъ, право, нравишься. Не хочешь ли пуститься съ нами въ далекое странствіе?

Пифъ-пафъ! раздался въ этотъ моментъ выстрѣлъ, оба утенка скатились замертво въ болото, и вода обагрилась ихъ кровью.

Пифъ-пафъ! раздалось еще и еще. Цѣлая туча дикихъ гусей поднялась надъ болотомъ. Началась большая охота. Охотники оцѣпили камышъ, нѣкоторые изъ нихъ даже взлѣзли на деревья. Все болото заволокло синими клубами порохового дыма, а лягавыя собаки такъ и сновали между камышами.

Бѣдный утенокъ чуть не умеръ со страха. Онъ уже готовъ былъ спрятать голову подъ крыло, чтобы ничего не видать, какъ вдругъ передъ нимъ явилась огромная собака съ длиннымъ высунутымъ языкомъ. Она устала на утенка свои блестяшіе глаза, нюхнула его разъ, другой, оскалила зубы и прыгъ! исчезла въ камышахъ.

— Слава Богу! сказалъ утенокъ. Я такъ безобразенъ, что даже собака не рѣшилась меня тронуть...

Онъ совсѣмъ присмирѣлъ, не смѣлъ шевельнуться, а дробинки такъ и жужжали около него. Наконецъ, все стихло; но онъ все еще не смѣлъ приподняться и просидѣлъ въ болотѣ нѣсколько часовъ. Тогда только онъ рѣшился приподнять голову, осмотрѣлся, осторожно выбрался изъ камышей и побѣжалъ, куда глаза глядятъ. Къ вечеру онъ прибѣжалъ къ избушкѣ, покривившейся на бокъ.

Поднялась буря. Вѣтеръ такъ и завывалъ вокругъ. Утенокъ присѣлъ у порога, чтобы укрыться отъ непогоды.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что дверь соскочила съ нижней петли и чрезъ образовавшуюся оттого щель, можно было проникнуть въ избушку. Не долго думая, онъ пробрался туда.

Въ избѣ жила старуха съ курицею и котомъ. Котъ умѣлъ выгибать спину и мурлыкать, а въ темнотѣ, когда его гладили противъ шерсти, у него сыпались искры изъ шубки. Курицу звали Коротконожкой; эта кличка дана была ей по ея короткимъ ногамъ.

Утромъ тотчасъ же въ избѣ замѣтили утенка; котъ началъ мурлыкать, а курица клохтать.

— Что тамъ такое? прикрикнула старуха. Но въ то же время она увидѣла утенка и со слѣпа онъ ей показался старой уткой.

— Вотъ прекрасная находка? сказала она. Теперь у меня будутъ и утиныя яйца. Только, можетъ быть, это селезень. Оставлю его и посмотрю, что изъ этого будетъ.

Утенка оставили на испытаніе. Прошелъ день, и два, и три, а яицъ все не было. Котъ и курица разыгрывали передъ нимъ барина съ барынею.

— Умѣешь ты нести яйца? спрашивала курица.

— Нѣтъ!

— Ну, такъ и молчи, не пикни.

— А умѣешь ты мурлыкать, выгибать спину, сыпать искры? спрашивалъ въ свою очередь котъ.

— Нѣтъ!

— Ну, такъ и не суйся въ разговоръ съ порядочными особами. Утенокъ сидѣлъ въ углу и чувствовалъ себя не въ духѣ. Онъ тосковалъ по свѣжему воздуху, по солнцу, ему смертельно хотѣлось хоть разъ проплыть по водѣ.

Наконецъ, онъ рѣшился подѣлиться своимъ горемъ съ курицею.

— Что ты за вздоръ городишь! отвѣтила она. Ты ничего не дѣлаешь, вотъ у тебя и являются такія странныя желанія. Неси яйца и мурлычь, и тоску твою, какъ рукой сниметь.

— Ахъ, какъ хорошо плавать по водѣ! возражалъ утенокъ. Какое наслажденіе освѣжать голову въ волнахъ или нырять въ глубь.

— Вотъ такъ наслажденіе съ насмѣшкою отвѣтила курица. Ты съ ума сошелъ. Спроси хоть кота, я никого не знаю умнѣе его, пріятно ли было бы ему поплыть по водѣ или нырнуть въ глубь?

— Ахъ, вы не понимаете меня! съ грустью замѣтилъ утенокъ.

— Ну, ужъ если мы тебя не понимаемъ, такъ я и не знаю, кто тебя пойметъ. Не будешь же ты утверждать, что ты умнѣе кота и меня? Научись-ка лучше нести яйца, мурлыкать и сыпать искры.

— Нѣтъ, я, кажется, снова пойду странствовать по свѣту!

— И съ Богомъ! сказала курица. Утенокъ ушелъ, онъ плавалъ по водѣ, нырялъ, но всѣ птицы держались отъ него въ сторонѣ и называли его уродомъ.

Настала осень. Листья пожелтѣли. Вѣтеръ срывалъ ихъ съ деревьевъ и крутилъ по дорогамъ. Воздухъ обдавалъ леденящимъ холодомъ. Нависли густыя, свинцовыя тучи со снѣгомъ и градомъ. Даже ворона на заборѣ каркала отъ холода.

Утенку приходилось плохо.

Выдался ясный солнечный денекъ. Къ вечеру, на закатѣ, изъ кустовъ вылетѣла стая прекрасныхъ большихъ птицъ. утенокъ видѣлъ ихъ въ первый разъ въ жизни. Это были лебеди. Ихъ ослѣпительная бѣлизна, ихъ длинныя гибкія шеи, ихъ мощныя крылья, даже странный горловой звукъ голоса, все нравилось утѣнку. Они летѣли за синія моря, въ теплыя страны и взвились высоко, высоко въ воздухъ.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Бѣдному безобразному утенку стало еще тоскливѣе. «Счастливыя птицы!» подумалъ онъ.

Когда онъ совсѣмъ улетѣли, онъ нырнулъ въ самую глубь, вынырнулъ и опять нырнулъ и не зналъ, какъ успокоить свое волненіе. Онъ ничего не зналъ объ этихъ птицахъ: ни какъ ихъ зовутъ, ни куда онъ летятъ, и все-таки при одномъ взглядѣ на нихъ, полюбилъ ихъ такъ, какъ никого еще не любилъ. Завидовать имъ онъ не завидовалъ; ему и въ голову не приходило желать себѣ такой же красоты. Бѣдное безобразное существо, онъ радъ былъ, если и утки не гнали его отъ себя.

Пришла и холодная суровая зима. Болото мало-по-малу замерзло. Осталась только небольшая полынья; въ ней-то и плавалъ утенокъ, стараясь разбивать ногами леденѣвшую поверхность. Силы его совсѣмъ оставляли; онъ думалъ, что замерзаетъ. На его счастье мимо проходилъ мужикъ, замѣтилъ его, освободилъ изъ льда и принесъ домой. Въ теплѣ утенокъ ожилъ. Дѣти мужика хотѣли поиграть съ нимъ, но бѣдный маленькій дикарь испугался, взлетѣлъ кверху, ударился о потолокъ и, падая внизъ, попалъ въ горшокъ съ молокомъ, расплескавъ его по столу, шарахнулся въ сторону, попалъ въ масло, а оттуда въ ведро съ мукой. Можно себѣ представить, на что онъ былъ похожъ, когда онъ выскочилъ оттуда. Жена крестьянина закричала на утенка и побѣжала за нимъ съ желѣзными щипцами въ рукахъ. Дѣти тоже бѣгали, кричали, шумѣли. Утенокъ съ испуга шарахнулся въ открытую дверь, улетѣлъ въ кусты и спрятался въ снѣгу.

Не перечестъ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ имъ въ теченіе длинной суровой зимы.

Но вотъ вернулись теплые весенніе дни. Солнышко пригрѣло камыши, гдѣ лежалъ утенокъ. Онъ поднялъ голову, сталъ прислушиваться: пѣли жаворонки; они встрѣчали весну.

Утенокъ расправилъ свои крылья. Онъ почувствовалъ, что они выросли и окрѣпли. Мѣрно разсѣвая воздухъ, поднялся онъ кверху и, самъ не зная какъ, очутился въ большомъ саду, гдѣ цвѣли яблоки и благоухали кусты сиреней, опускавая свои вѣтви къ серебристымъ

ручейкамъ и зеркальнымъ прудамъ. Все было свѣтло, зелено, празднично...

Вдругъ изъ-за кустовъ выплыли три прекрасныхъ лебедя. Легко и величественно скользили они по поверхности воды, оправляя свои великолѣпныя пушистыя перья. Утенокъ тотчасъ узналъ чудныхъ птицъ, и сердце его сжалось отъ тоски.

«Я полечу къ нимъ, къ этимъ царственнымъ незнакомцамъ, подумалъ онъ, пусть они меня убьютъ за мое безобразіе, за то, что осмѣлился приблизиться къ нимъ. Легче принять смерть отъ нихъ, чѣмъ опять переносить мученія, мною уже испытанныя!»

Онъ слетѣлъ въ прудъ и поплылъ къ лебедямъ, устремившимся къ нему съ распростертыми крыльями.

— Убейте, убейте меня! закричалъ онъ имъ и склонилъ голову.

Вдругъ, о чудо! Въ гладкой поверхности пруда онъ увидѣлъ свой собственный образъ, но не гадкаго сѣраго утенка, а бѣлоснѣжнаго лебедя съ прекрасными пушистыми перьями.

Лебеди подплыли къ нему и гладили его своими клювами.

Въ садъ прибѣжали дѣти, стали бросать въ прудъ хлѣбъ, какъ вдругъ самый младшій изъ нихъ закричалъ:

— Посмотрите-ка, вѣдь это новый!

Дѣти радостно захлопали въ ладоши и съ криками:

— Новый лебедь прилетѣлъ! Новый лебедь прилетѣлъ! побѣжали за отцомъ и матерью.

Всѣ вышли посмотрѣть на пришельца и говорили:

— Новый лебедь лучше всѣхъ, онъ такой молодой, красивый, величественный!

Старые лебеди тоже преклонили предъ нимъ головы. Онъ вдругъ смутился, ему стало такъ стыдно, и онъ спряталъ голову подъ крыло... Сердце его переполнилось счастьемъ, но въ немъ было такъ много доброты, что не оставалось ни одного уголка для гордости. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно всѣ надъ нимъ смѣялись, а теперь? Кусты сирени склонялись къ нему въ воду, солнце ласкало его своими теплыми лучами.

Онъ тряхнулъ перьями, поднялъ гибкую шею и изъ глубины души воскликнулъ:

— Столько счастья мнѣ и во снѣ не снилось, когда я былъ гадкимъ утенкомъ.

ШТОПОЛЬНАЯ ИГЛА.

й-ей, вы меня уроните, дер жите крѣпче! кричала штопальная игла пальцамъ, тянувшимъ ее изъ старой кухаркиной туфли — верхняя кожа прорвалась, и ее надо было зашить.

Штопальная игла воображала себя такую же тонкою и острою, какими бываютъ швейныя иглы.

— Не выпускайте меня, Бога ради, не выпускайте меня! Если я упаду на полъ, меня нельзя будетъ найти.

— Ну, ну, нечего тебѣ хвастать, проворчали пальцы и крѣпко обхватили иглу.

— Смотрите-ка, какая у меня свита, проговорила игла и потянула за собою нитку. Но пальцы не слушали ея и грубо воткнули ее въ толстую кожу.

— Ахъ, какая черная работа! сказала игла. Мнѣ ни за что не пройти. Ахъ, я ломаюсь! я ломаюсь!

И, дѣйствительно, она сломалась.

— Развѣ я вамъ не говорила, что я слишкомъ тонка? жаловалась она.

— Ну, теперь она больше ни на что не годится, проворчали пальцы, но все-таки должны были ее держать еще нѣкоторое время: кухарка придѣлала ей сургучную головку и зашпилила ею шейный платокъ.

— Посмотрите-ка, я теперь стала булавкою, проговорила игла. Я всегда знала, что удостоюсь великой чести.

И она внутренно засмѣялась, такъ какъ по наружности никогда нельзя видѣть, чтобы штопальная игла смѣялась. Она гордо посматривала по сторонамъ.

— Позвольте васъ спросить, вы изъ золота? обратилась она къ простой булавкѣ, сидѣвшей съ нею по сосѣдству. Вы очень хороши собой, у васъ есть своя собственная голова, жаль только, что маленькая. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы она у васъ выросла; нельзя же каждому налѣпить сургучъ вмѣсто головы.

При этихъ словахъ игла такъ гордо выпрямилась, что вывалилась изъ платка и упала въ жолобъ въ ту минуту, когда кухарка выливала помой.

— Вотъ и я отправилась путешествовать, проговорила игла, только бы мнѣ не затеряться.

Но увы! она крѣпко воткнулась въ жолобъ и затерлась.

— Ахъ, я слишкомъ тонка для этого свѣта! говорила она, сидя въ жолобѣ. Но я знаю себѣ цѣну, а это что нибудь да значить.

Она сохранила свою гордую осанку и не потеряла хорошаго расположенія духа.

Много чего проплывало надъ нею; кусочки щепокъ, солома, куски старыхъ газетъ.

— Какъ они важно плывутъ, шептала игла; имъ и въ голову не приходитъ, что тутъ подъ ними сидитъ. Вотъ плыветъ лучинка, она знаетъ только самое себя и ни до чего другого ей нѣтъ никакого дѣла. А соломинка! Такъ и покачивается, такъ и вертится... За

нею плыветъ обрывокъ газеты, всѣ давно позабыли, что на немъ написано, а онъ все кичится. Я одна сижу тутъ скромно и тихо, я знаю, кто я; знаю, что никакія житейскія превратности не измѣнятъ меня.

Разъ какъ-то она замѣтила подлѣ себя блестящій осколокъ стекла и подумала, что это алмазь. Она вступила съ нимъ въ разговоръ и отрекомендовалась драгоценною булавкою.

— А вы, вѣроятно, алмазь?

— Да, я нѣчто въ этомъ родѣ...

Они возымѣли другъ къ другу уваженіе, какъ къ чрезвычайно цѣннымъ предметамъ и стали говорить о высокообрѣи, существующемъ на свѣтѣ.

— Я прежде жила въ шкатулкѣ у барышни, говорила игла; барышня эта называлась кухаркой, на каждой рукѣ у нея было по пяти пальцевъ, и ужъ важничали же они, эти пальцы. Никогда я не видывала такихъ хвастуновъ. А вѣдь и существовали они только для того, чтобы вынимать меня изъ шкатулки и опять туда укладывать.

— Они, можетъ быть, были знатнаго рода? спросило стекло.

— Знатнаго рода? Ничуть, они только о себѣ много воображали. Это были пять братьевъ, урожденные «Пальцы». Они гордо держались вмѣстѣ, несмотря на свой различный ростъ. Впереди всѣхъ стоялъ коротенькій толстый «Большой Палецъ». Въ спинѣ у него только одинъ суставъ, вотъ почему ему труднѣе отвѣшивать поклоны, чѣмъ другимъ. Онъ говорилъ, что если его отрубить, то человѣка ни за что не возьмутъ въ военную службу. Второй палецъ былъ лакомка, онъ совался и въ сладкое, и въ кислое, указывалъ и на солнце, и на мѣсяцъ и нажималъ перо, когда братьямъ приходилось писать; третій «Длинновязый» на всѣхъ смотрѣлъ черезъ плечо; четвертый «Золотой» опоясывался золотымъ поясомъ, а пятый шалунъ «Мизенчикъ» ничего не дѣлалъ и еще этимъ гордился. Всѣ они были хвастуны, хвастунами и остались. Оттого я и ушла отъ нихъ.

— Зато теперь мы сидимъ здѣсь и блещемъ, замѣтило стекло. Въ этотъ моментъ въ водосточномъ жолобѣ прибыла вода. Она полилась черезъ край и увлекла за собой бутылочный осколокъ.

— Вотъ и его часъ пробилъ! проговорила игла: а я все таки сижу, я слишкомъ тонка, и въ этомъ моя гордость.

Она еще выше подняла свою сургучную головку и предалась глубокимъ размышленіямъ.

— Мнѣ иногда думается говорила она сама съ собою, что я родилась отъ солнечнаго луча, такъ я тонка; мнѣ иногда кажется, что солнечный лучъ ищетъ меня подъ водою. Ахъ, я такъ тонка, что мать моя солнышко не можетъ меня найти!..

Какъ-то разъ два уличныхъ мальчика рылись въ жолобѣ, отыскивая старые гвозди, грошики и т. п. сокровища.

— Ай! крикнулъ одинъ, уколовшись иголкою. Вотъ такъ здоровенный молодчина!

— Какой я молодчина, я барышня! протестовала игла. Но ея никто не слушалъ. Сургучъ отвалился, она почернѣла; но черный цвѣтъ придаетъ стройность, и она воображала, что стала тоньше прежняго.

— Вонъ плыветъ яичная скорлупа, сказали мальчики. Они взяли ее и крѣпко воткнули въ нее иглу.

— Бѣлая стѣны, а сама черная! сказала игла. Это очень красиво. Теперь можно на меня любоваться. Только бы у меня не сдѣлалась морская болѣзнь, а то мнѣ станетъ дурно.

Но морской болѣзни у нея не было, и дурно ей не стало.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Хорошо имѣть стальной желудокъ, говорила игла. Мы не то, что человѣкъ, хоть и тонки, а можемъ кое-что перенести.

Кракъ, застонала яичная скорлупа; черезъ нее переѣхала телѣга.

— Боже, какъ это тяжело! воскликнула игла. Это, вѣрно, морская болѣзнь меня ломаетъ, ахъ, я ломаюсь!

Но она не сломалась, хотя черезъ нее и переѣхала телѣга. Она лежала теперь вытянутая во всю свою длину, да такъ и осталась тамъ лежать.

ИВАНУШКА-ДУРАЧЕКЪ.

В старомъ большомъ помѣстьѣ жилъ помѣщикъ. У него было двое сыновей, одинъ другого умнѣе. Они собирались посвататься къ царской дочери. Царевна объявила, что выйдетъ замужъ за того, кто умнѣе всѣхъ отвѣтитъ на ея вопросы. Оба они под готовлялись цѣлыхъ восемь дней; другому, пожалуй, этого времени было бы и мало; но братья могли похвастать хорошею подготовкою. Одинъ зналъ наизусть весь латинскій словарь и могъ, зажмуря глаза, отъ доски до доски передать за три года городскую газету и притомъ, по желанію, могъ начать и снизу вверхъ, и сверху внизъ. Другой изучилъ законы о налогахъ и могъ говорить о государственныхъ дѣлахъ; въ то же время онъ могъ прекрасно вышивать подтяжки и быть мастеръ въ женскихъ рукодѣліяхъ.

— Я, конечно, получу руку царской дочери! Воскликнули они оба вмѣстѣ.

Папаша, не зная кому изъ нихъ отдать преимущество, подарилъ каждому по статному коню. Латинистъ получилъ вороного, а законовѣдъ — бѣлоснѣжнаго. Вся челядь высыпала на дворъ посмотреть, какъ братья садутъ на коней. Прибѣжалъ и третий братъ, такъ какъ, собственно говоря, у помѣщика было три сына; но третьяго никто не считалъ за сына, онъ не могъ похвастать ученостью, и звали его всѣ Иванушкой-дурачкомъ.

— Ого-о! сказала Иванушка, куда это вы собрались? Вы нарядились совсѣмъ по-праздничному.

— Во дворецъ, добывать царевну! Развѣ ты не слыхалъ, что было всюду объявлено?

И братья рассказали о царскомъ указѣ.

— Эге-ге! это и мнѣ на руку! воскликнулъ Иванушка.

Но братья только разсмѣялись и ускакали.

— Батюшка, присталъ Иванушка къ отцу, давай и мнѣ коня. Мнѣ пришла охота жениться. Возьметъ меня царевна, такъ возьметъ; а не возьметъ, такъ я ее возьму; все же ей быть моею.

— Отвяжись, что за вздоръ несешь! съ сердцемъ отвѣтилъ старикъ, не дамъ я тебѣ никакого коня. Какой ты женихъ? ты двухъ словъ сказать не умѣешь. Вотъ братья твои, такъ другое дѣло.

— Ладно! сказала Иванушка, не дамъ коня, я возьму козла, онъ, вѣдь, мой собственный, а свезти, онъ меня не хуже коня свезетъ.

Сказано — сдѣлано.

Сѣлъ Иванушка на козла, ударилъ его ногами въ бока и поскакалъ во весь духъ по столбовой дорогѣ. Гей-гей, гопъ-гопъ! вотъ такъ ѣзда!

— Раздвиньтесь лѣса, разступитесь горы! Я ѣду! кричалъ Иванушка и пѣлъ во все горло.

Братья ѣхали потихоньку; они молча обдумывали про себя остроты и прибаутки, какія онѣ скажутъ царевнѣ.

— Гей вы! крикнулъ Иванушка братьямъ, вотъ и я. По смотрите-ка, что я нашелъ на дорогѣ. И онъ показалъ мертвую ворону.

— Дуракъ! Зачѣмъ она тебѣ? спросили братья.

— Ворона-то? Я подарю ее царевнѣ.

— Ну, подари! сказали они со смѣхомъ и поѣхали дальше.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Гей-гей! вотъ и я! нагналъ ихъ опять Иванушка. По смотрите-ка, что я теперь нашель, это не всякій день валяется на дорогѣ.

Братья обернулись; очень ихъ заняло, что братъ еще нашель.

— Дурень! сказали они. Вѣдь это старый деревянный башмакъ, да еще и безъ верху. Ужъ не думаешь ли ты и его по дарить царевнѣ?

— А то какъ же?

Братья засмѣялись и поскакали отъ него впередъ. Но Иванушка опять ихъ нагналъ.

— Смотрите, смотрите! кричалъ онъ. Вотъ ужъ эта находка самая лучшая!

— Ну, что тамъ у тебя еще? спросили братья.

— Оо! проговорилъ Иванушка, такъ хорошо, что и сказать нельзя. Вотъ такъ ужъ она обрадуется, царевна-то.

— Фу! поморщились братья. Вѣдь это тина, просто болотная тина.

— Ну, конечно! Да вы только посмотрите, какая тина-то, такъ и скользить между пальцевъ.

И онъ набилъ ею карманы.

Братья махнули рукою и поскакали такъ быстро, что только искры изъ-подъ копытъ посыпались. За то они и пріѣхали къ городскимъ воротамъ цѣлымъ часомъ раньше Иванушки.

У воротъ всѣмъ женихамъ давали нумера и становили ихъ въ ряды по шести въ каждомъ, да такъ плотно, что они не могли пошевелить ни рукою, ни ногою. Это было кстати, иначе они, пожалуй, передрались бы изъ-за очереди.

Вокругъ дворца стояли толпы народу. Всѣмъ хотѣлось что-нибудь видѣть, хотя никто ничего не видѣлъ.

Жениховъ пускали по одному къ царевнѣ. Какъ только кто изъ нихъ вступалъ въ залъ, языкъ у него прилипалъ къ гортани, и онъ не могъ сказать ни слова.

— Не годится! говорила царевна. Вонъ его! Дошла очередь до того брата, который зналъ лексиконъ. Но увы! пока онъ стоялъ въ ряду, онъ его совсѣмъ забылъ, а тутъ еще половицы затрещали, а потолокъ-то былъ зеркальный, онъ вдругъ увидѣлъ себя съ головы до ногъ. У каждого окна стояло по три писца съ главнымъ писцомъ во главѣ. Всѣ они записывали каждое слово и отсылали въ газеты. Просто страшно! Къ тому же печку накалили до красна.

— Ужасно здѣсь жарко! сказалъ женихъ.

— Еще бы, отвѣчала невѣста. Мой отецъ жарить сегодня молодыхъ пѣтуховъ.

Къ такому отвѣту женихъ совсѣмъ не подготовился.

— М-ме-ее! промычалъ онъ.

И не сказалъ больше ни слова.

— Не годится! проговорила царевна. Вонъ его!

Вошелъ другой братъ.

— Какая страшная жара! сказалъ онъ.

— Ну, да! мы жаримъ сегодня здѣсь молодыхъ пѣтуховъ.

— Какъ ва-ва-ва... какъ?

Писцы записали: «какъ ва-ва-ва... какъ».

— Не годится! отрѣзала царевна. Вонъ его!

Пожаловалъ, наконецъ, и Иванушка, онъ въехалъ въ зало прямо на козлѣ.

— Фу, пропасть! Какая здѣсь чертовская жара! сказалъ онъ.

— Да я сегодня жарю здѣсь молодыхъ пѣтуховъ, сказала царевна.

— Эге-ге! вотъ такъ славно! сказалъ Иванушка. Значить, можно и мнѣ со своею вороною присосѣдиться?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣчала царевна. Только въ чемъ же ты ее будешь жарить; у меня нѣтъ ни горшка, ни чугуна.

— О! посудую-то я самъ запасаю! отвѣчалъ Иванушка. Вотъ какая у меня славная посудина!

Онъ вытащилъ старый деревянный башмакъ и положилъ въ него ворону.

— О, да это цѣлый обѣдъ! замѣтила царевна. Нѣтъ только приправы!

— Приправа у меня въ карманѣ, и такъ ея много, что дѣвать некуда.

И Иванушка вылилъ немного тины изъ кармана.

— Вотъ это мнѣ нравится, что ты за отвѣтомъ въ карманъ не лѣзешь. Языкъ у тебя на мѣстѣ. Но знаешь ли, каждое наше слово записывается и появится завтра въ газетахъ. Смотри, у cadaго окна по три писца и еще одинъ главный писецъ. Онъ-то самый худшій, потому что ровно ничего не понимаетъ.

Царевна хотѣла запугать Иванушку.

Писцы заготовили, когда зашла рѣчь о нихъ, и каждый посадилъ огромную чернильную кляксу на полъ.

— Ага, такъ вотъ какіе это господа? сказалъ Иванушка. Значить, главному-то надо сдѣлать самый лучший подарокъ. Онъ вывернулъ карманы и шлепъ всю тину ему въ лицо.

— Ну, я вижу ты малый ловкій! сказала царевна. Этого бы и я не сумѣла сдѣлать. Развѣ у тебя поучиться.

Такъ и сталъ Иванушка царемъ. Женился и сѣлъ на тронъ въ золотой коронѣ.

А мы получили объ этомъ извѣстіе изъ газеты отъ главнаго писца; но за достовѣрность его не ручаемся.

ПЯТЕРО ВЪ ОДНОМЪ СТРУЧКѢ.

Въ ять горошинъ сидѣли рядомъ въ одномъ стручкѣ. И сами онѣ были зеленныя, и родимый стручекъ зеленый, и весь свѣтъ имъ казался зеленымъ, и это было въ порядкѣ вещей. Стручекъ росъ, и горошины росли. Солнышко свѣтило и согрѣвало стручекъ, дождикъ размачивалъ его, дѣлалъ прозрачнымъ. Горошинкамъ было уютно и хорошо; днемъ свѣтло, ночью темно, какъ и слѣдовало. Росли горошины, сидя на мѣстѣ, и думали думу, надо было же чѣмъ заняться.

— Неужели мы вѣчно будемъ сидѣть тутъ? спросила одна изъ нихъ; отъ такого сидѣнья мы совсѣмъ затвердѣемъ. Мнѣ думается, что снаружи должно же быть что нибудь кромѣ насъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется.

Проходили недѣли за недѣлями. Горошины пожелтѣли, и стручекъ пожелтѣлъ.

— Весь свѣтъ желтѣетъ, говорили онѣ.

И онѣ имѣли на это основаніе.

Вдругъ, онѣ почувствовали толчекъ, сорванный стручекъ, попалъ въ людскія руки и вмѣстѣ съ другими стручками очутился въ карманѣ куртки.

— Вотъ теперь насъ скоро выпустятъ, сказали горошины и ожидали этого съ нетерпѣніемъ.

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, кто изъ насъ всѣхъ дальше пойдетъ, проговорила самая маленькая.

— Будь, что будетъ! отвѣчала ей самая большая. Крикъ-кракъ, лопнулъ въ эту минуту стручекъ, и всѣ пять горошинъ выкатились на свѣтъ Божій.

Всѣ онѣ очутились въ рукѣ ребенка. Маленькій мальчикъ крѣпко зажалъ ихъ и сказалъ, что это прекрасныя пули для его ружья. Онъ тотчасъ же принялся за стрѣльбу, вложилъ одну изъ нихъ въ ружье и выстрѣлилъ.

— Вотъ я и полетѣла странствовать по бѣлу свѣту, крикнула она своимъ сестрамъ, лови меня, кто можетъ. Съ этими словами и слѣдъ ея простылъ.

— А я, сказала вторая, прямо полечу на солнце, это для меня самый приличный стручекъ. И она тоже умчалась.

— А мы ляжемъ спать тамъ, куда попадемъ, сказали двѣ, другія; мы сейчасъ покатымся.

Дѣйствительно, онѣ покатылись; упали на землю, но имъ не удалось уйти отъ ружья. Онѣ тоже улетѣли за другими и крикнули:

— Мы улетимъ дальше всѣхъ.

— Будь, что будетъ! сказала послѣдняя горошинка, когда и ею выстрѣлили.

Она попала подъ старый подоконникъ чердачнаго окошечка въ щель, устланную мхомъ и мягкой землею. Мохъ совсѣмъ прикрылъ ее; она была въ плѣну; но милосердный Богъ не за былъ о ней.

— Будь, что будетъ! повторяла она тихо.

Въ маленькой каморкѣ на чердакѣ жила бѣдная женщина; днемъ она уходила на работу, чистила печи, колола дрова и не боялась тяжелаго труда, потому что была сильна и прилежна; тѣмъ не менѣе она никакъ не могла выбраться изъ бѣдности. Дома въ каморкѣ

лежала ея единственная дочь, подросточекъ, нѣжная, худенькая. Цѣлый годъ не вставала она съ постели, не жила и не умирала.

— Уйдемъ и она слѣдомъ за своею младшею сестрою, твердила мать. Только двое дѣтей у меня и было, не легко было ихъ поднять, да вотъ Господь подѣлился со мною, взялъ одну къ себѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось сохранить другую, да видно Богу это не угодно; Онъ не хочетъ разлучить сестеръ; уйдемъ отъ меня моя больная дѣвочка.

Но больная оставалась все въ одномъ положеніи. Спокойно и терпѣливо она лежала цѣлый день, пока мать была на работѣ.

Настала весна. Рано утромъ мать только-что встала, солнце ясно и ласково свѣтило въ маленькое окошко, и лучи его падали на полъ. Больная дѣвочка пристально смотрѣла на нижнее стекло окна.

— Что тамъ за зелень виднѣется въ окнѣ и колышется отъ вѣтра? спросила она.

Мать подошла къ окну и пріотворила его.

— Ахъ, сказала она, это горошина попала въ щель и пустила ростокъ! Вотъ тебѣ и садикъ на забаву.

Она придвинула кровать больной къ окошку, чтобы та лучше могла видѣть растущую горошину и ушла на работу.

— Матушка, мнѣ кажется, что я выздоравливаю, сказала дѣвочка вечеромъ. Солнышко сегодня такъ тепло свѣтило ко мнѣ въ окно. А горошинка растетъ и крѣпнеть... я тоже окрѣпну, встану и буду гулять на солнцѣ.

— Дай-то Богъ! сказала мать, но ей не вѣрилось. Она подперла тычинкой зеленое растеніе, доставлявшее столько удовольствія ея дочери и защитила его отъ вѣтра. Потомъ привязала ниточку къ подоконнику и къ рамѣ, чтобы горошина могла виться. И она воспользовалась этой поддержкой. Съ каждымъ днемъ видно было, какъ она росла.

— Посмотри-ка, никакъ она хочетъ цвѣсти! сказала какъ-то утромъ бѣдная женщина.

Въ сердцѣ ея шевельнулась надежда, что больная дочка ея выздоровѣетъ. Она вспомнила, что за послѣднее время дѣвочка стала какъ-то живѣе, разговорчивѣе, нѣсколько дней подрядъ она сама садилась въ кровати и вся сіяющая любовалась на свой маленькій садикъ, выросшій изъ одной горошины.

Черезъ недѣлю больная на цѣлый часъ встала съ кровати. Счастливая она сидѣла на тепломъ солнышкѣ. Окошко было открыто, а передъ нимъ въ полномъ цвѣту красовалась бѣлорозовая горошина. Больная дѣвочка нагнулась къ ней и тихо поцѣловала нѣжные лепестки. День этотъ, и для нея, и для ея матери былъ настоящимъ праздникомъ.

— Милосердный Богъ Самъ ее посадилъ и вырастилъ и тебѣ, и мнѣ на утѣшеніе, сказала мать.

Она поцѣловала свою дочь и улыбнулась цвѣтку, точно въ немъ видѣла ангела Божія.

А другія горошины?

Та, что первая пошла странствовать по свѣту, упала въ дождевой жолобъ и угодила въ желудокъ голубя; тамъ она и осталась. Двѣ ленивыя тоже не дальше ушли; ихъ также поглотили голуби. А четвертая, собиравшаяся летѣть на солнце, попала въ лужу, образовавшуюся подъ водосточной трубой, и пролежала тамъ въ грязной водѣ дни и недѣли, пока не разбухла.

— Вотъ какъ я чудесно толстѣю, говорила горошина; кажется, я скоро лопну; это все, чего можетъ достигъ горошина. Я самая замѣчательная изъ пяти.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

А молоденькая дѣвочка стояла у окна на чердакѣ съ сіяющими глазами, и здоровье алѣло на ея щекахъ нѣжнымъ румянцемъ. Она набожно сложила свои худенькія ручки и благодарила Бога за дарованную ей горошину.

ОЛЕ-ЛЮКЪ-ОЙЕ.

икто на свѣтѣ не знаетъ столько разсказовъ, какъ, Оле-Люкъ-Ойе.

Такъ, подъ вечеръ, когда дѣтушки еще сидятъ скромненько на скамеечкѣ, приходитъ Оле-Люкъ-Ойе. По лѣстницѣ онъ крадется неслышно, потому что ходить въ однихъ чулкахъ; тихонько онъ отворяетъ двери и брызгъ! Брызнетъ дѣтямъ молочко въ глаза, чуть-чуть, одну только капельку; но и этого для нихъ слишкомъ достаточно; вѣки у нихъ отяжелѣютъ, глаза сами закроются. Потомъ прокрадется онъ къ нимъ за спину, тихонько дунетъ онъ имъ въ затылокъ, и маленькая дѣтская головка перестаетъ дѣржаться на плечахъ, такъ сама и клонится книзу. Да да! только это совсѣмъ не больно. Оле-Люкъ-Ойе любитъ дѣтей и хочетъ, чтобы они были спокойнѣе, когда ихъ понесутъ въ кровати, а спокойнѣе имъ слѣдуетъ быть для того, чтобы могъ онъ имъ разсказывать свои сказки.

Спятъ дѣти, а Оле-Люкъ-Ойе садится къ нимъ на кровать. Одѣтъ онъ прекрасно; кафтанъ шелковый, но какого цвѣта сказать нельзя, отливаетъ онъ и зеленымъ, и краснымъ, и синимъ, смотря по тому, въ какую сторону онъ повернется. Подъ мышками у него по зонтику — подъ правую одинъ, подъ лѣвую другой. Надъ хорошими дѣтьми открываетъ онъ правый зонтикъ съ разрисованными на немъ картинами, и дѣти всю ночь видятъ прекрасные сны. Надъ дурными дѣтьми онъ открываетъ, лѣвыѣ зонтикъ пустой; они спятъ и не видятъ сновъ; когда проснутся утромъ, имъ и вспомнить нечего.

Послушайте же, какъ Оле-Люкъ-Ойе посѣщалъ въ теченіе цѣлой недѣли маленькаго мальчика, по имени Ялмара. Онъ ему разсказалъ семь сказокъ, такъ какъ въ недѣлѣ семь дней.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

— Смотри-ка, сказалъ Оле-Люкъ-Ойе, когда Ялмаръ легъ въ кровать, какъ я все разукрашу.

Онъ взмахнулъ волшебнымъ жезломъ.

Вдругъ, всѣ цвѣты въ цвѣточныхъ горшкахъ выросли въ большія деревья и протянули свои вѣтви подъ самый потолокъ и вдоль стѣнъ, такъ что комната приняла видъ чудесной бесѣдки. Всѣ вѣтки покрылись цвѣтами, каждый цвѣтокъ былъ прекраснѣе розы и чудно благоухалъ; его можно было и ѣсть, онъ былъ слаще варенья. Плоды блестяли, какъ золото, а изъ пирожныхъ такъ и выглядывали изюменки. Это было неподражаемо хорошо. Вдругъ, изъ ящика въ столѣ, гдѣ лежали школьныя вещи Ялмара, послышался страшный плачь.

— Что это? сказалъ Оле-Люкъ-Ойе.

Онъ подошелъ къ столу и открылъ ящикъ. Это горевала грифельная доска. Въ задачу попала невѣрная цифра. Цыфры такъ и метались по доскѣ, не зная, что имъ дѣлать, а грифель растерянно скакалъ на своей веревочкѣ, какъ маленькая собачка; ему хотѣлось помочь задачѣ, но онъ не зналъ, какъ приняться. Тетрадь чистописанія тоже плакала, на каждой страницѣ стояли ряды большихъ и маленькихъ буквъ, прописи; подъ ними были ряды другихъ буквъ, которыя воображали, что похожи на прописи; ихъ написалъ Ялмаръ; но онѣ такъ лежали, какъ будто падали съ линеекъ, а между тѣмъ онѣ должны были на нихъ стоять.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

— Смотрите, вотъ такъ надо вамъ держаться! говорила пропись; немножко наклонитесь вкось.

— Ахъ, мы бы и хотѣли, да не можемъ, отвѣчали буквы, мы слишкомъ слабы.

— Такъ надо вамъ принять лекарства! сказалъ Оле-Люкъ-Ойе.

— Ахъ, нѣтъ отвѣтили онѣ и встали такъ прямо, что весело было смотрѣть на нихъ.

— Теперь уже не до сказокъ! сказалъ Оле-Люкъ-Ойе. Надо будетъ мнѣ ихъ поучить. Разъ два, разъ два! скомандовалъ онъ буквамъ.

И онѣ встали въ ряды, какъ самая прекрасная пропись. Но Оле-Люкъ-Ойе ушелъ, и когда утромъ Ялмаръ взглянулъ въ тетрадку, буквы опять скорчились и свисли со строчекъ, какъ и прежде.

ВТОРНИКЪ.

Только что Ялмаръ легъ въ постель, Оле-Люкъ-Ойе притронулся своимъ волшебнымъ жезломъ къ мебели, и вся мебель заговорила, за исключеніемъ плевательницы, которая упорно молчала. Она сердилась, что всѣ только говорятъ о самихъ себѣ, думаютъ только о самихъ себѣ и не обращаютъ вниманія на ту, которая скромно стоитъ въ углу и по зволяетъ плевать на себя.

Надъ комодомъ висѣла большая картина въ золотой рамѣ высокими старыми деревьями, цвѣтущею лужайкою и широкою рѣкою, огибавшею лѣсъ и протекавшею мимо многихъ замковъ, далеко въ бурное море.

Оле-Люкъ-Ойе дотронулся жезломъ до картины, птицы запѣли, деревья зашевелили вѣтвями, а облака потянулись по небу; видно было, какъ тянулись по небу, видно было, какъ тѣни ихъ скользили по ландшафту. Оле-Люкъ-Ойе поднялъ маленькаго Ялмара къ рамкѣ и поставилъ его ногами въ густую траву. Солнце свѣтило на него сквозь деревья; онъ побѣждалъ къ рѣкѣ и сѣлъ въ маленькую лодочку, окрашенную красною и бѣлою краскою; парусъ блестѣлъ, какъ серебро, а шесть лебедей съ золотыми коронами и лучистыми синими звѣздами на головахъ потянули лодочку мимо зеленого лѣса, гдѣ деревья рассказывали про разбойниковъ и вѣдьмъ, а душистые цвѣты про эльфовъ и бабочекъ.

Прелестныя рыбки съ золотистой и серебристой чешуей плыли за лодкой и выскакивали изъ воды. Птички синія, красныя, большія и маленькія, цѣлыми стаями летѣли за Ялмаромъ, комары толпились; майскіе жуки жужжали, всѣ хотѣли рассказать свои сказочки.

Чудесное было это путешествіе! Лѣса то обращались въ густую темную чащу, то разстилались прекрасными садами, полными свѣта и благоуханія. Среди нихъ стояли стеклянные и мраморные дворцы, а на пристани выходили принцессы, и всѣ онѣ были маленькія дѣвочки; Ялмаръ зналъ ихъ хорошо, потому что игралъ съ ними прежде. Маленькіе принцы стояли на часахъ, брали на караулъ золотыми саблями и осыпали Ялмара дождемъ изюма и оловянныхъ солдатиковъ.

— Вотъ такъ настоящіе принцы! сказалъ Ялмаръ. Ялмаръ проѣзжалъ не только черезъ лѣса, но и черезъ залы и города, заѣхалъ и въ тотъ городъ, гдѣ жила его прежняя няня, которую онъ очень любилъ. Она кивала ему головой и пѣла знакомую пѣсенку; птицы пѣли вмѣстѣ съ нею, цвѣты подплясывали, а старыя деревья покачивали въ тактъ вершинами, какъ будто и они слышали, какую сказочку рассказывалъ Оле-Люкь-Ойе.

СРЕДА.

Какой сильный дождь; цѣлые ручьи текутъ по улицѣ, и Ялмаръ даже во снѣ слышитъ плескъ воды.

Оле-Люкь-Ойе открылъ окошко, вода поднялась до подоконника; на улицѣ стояло цѣлое озеро, а у самого окна красовался прекрасный корабль.

— Не хочешь-ли покататься по морю, маленькій Ялмаръ? спросилъ Оле-Люкь-Ойе. Ты можешь посѣтить далекія страны, а къ утру опять будешь дома.

Ялмаръ очутился въ праздничной одеждѣ на прекрасномъ кораблѣ. Погода прояснѣла, они поѣхали по улицамъ, объѣхали церковь и очутились въ морѣ. Плыли они долго, такъ что берега исчезли, а надъ ихъ головами пронеслась стая аистовъ, летѣвшихъ въ теплыя страны. Аисты летѣли одинъ за другимъ и улетѣли далеко-далеко. Одинъ изъ нихъ такъ усталъ, что едва держался на воздухѣ; онъ былъ послѣднимъ въ ряду и скоро совсѣмъ отсталъ; наконецъ, онъ сталъ падать съ распростертыми крыльями все ниже и ниже, коснулся ногами мачты, скользнулъ по парусу и всталъ на палубѣ. Корабельный юнга схватилъ его и посадилъ въ курятникъ къ курамъ и индюкамъ. Бѣдный аистъ совсѣмъ растерялся въ такомъ обществѣ.

— Смотрите-ка, какой молодчикъ! говорили курицы. А индюкъ надулся какъ только могъ и спросилъ:

— Кто онъ такой.

Утки пятились назадъ и кричали.

Аистъ рассказывалъ о знойной Африкѣ, о пирамидахъ, о страусѣ, пробѣгающемъ пустыню; но утки не понимали его под талкивали одна другую и говорили:

— Не правда-ли, мы всѣ въ этомъ согласны, что онъ глупъ.

— Да, конечно, онъ глупъ, подтвердилъ индюкъ и заклохталъ.

Аистъ замолчалъ и размечтался объ Африкѣ.

— Какія у васъ прекрасныя тонкія ноги, сказалъ индюкъ; почему за аршинъ?

— Крякъ-крякъ-крякъ, засмѣялись утки. Аистъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ.

— Посмѣйтесь вмѣстѣ съ нами, сказалъ индюкъ. Развѣ это не показалось вамъ остроумнымъ? Или оно было для васъ слишкомъ высоко? Ахъ-ахъ! онъ не особенно многостороненъ, мы уже лучше займемся разговоромъ промежъ себя.

Онъ заклохталъ, а утки затрещали: гикъ-гакъ, гикъ-гакъ.

Ялмаръ подошелъ къ курятнику, отворилъ дверцу, позвалъ аиста, и тотъ выскочилъ на палубу. Онъ теперь отдохнулъ: Ялмару показалось, что онъ кивнулъ ему головою, расправилъ крылья и полетѣлъ въ теплыя страны.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Куры клохтали, утки трещали, индюкъ покраснѣлъ со злости.

— Завтра мы изъ васъ сваримъ супъ, сказали Ялмаръ и проснулся.

Онъ лежалъ въ постели и совершилъ странное путешествіе съ Оле-Люкъ-Ойе ночью.

ЧЕТВЕРГЪ.

— Знаешь что? сказалъ Оле-Люкъ-Ойе, только не бойся, ты увидишь маленькую мышку.

Онъ открылъ руку и показалъ маленькое красивое животное.

— Она пришла звать тебя на свадьбу; двѣ мышки женятся; онѣ живутъ подъ поломъ въ кладовой.

— Ну, какъ же я пролѣзу въ такое маленькое отверстіе въ полу? спросилъ Ялмаръ.

— Объ этомъ я ужъ позабочусь, отвѣчалъ Оле-Люкъ-Ойе: я; сдѣлаю тебя маленькимъ, маленькимъ...

Онъ дотронулся своимъ жезломъ до Ялмара, тотъ становился все меньше и меньше и сдѣлался ростомъ въ палецъ.

— Теперь ты займешь платье у оловяннаго солдатика, оно какъ разъ будетъ тебѣ впору, а въ обществѣ все же лучше показаться въ мундирѣ.

— Конечно, согласился Ялмаръ.

И въ одну минуту одѣлся, какъ самый хорошенькій оловянный солдатикъ.

— Не угодно ли вамъ теперь сѣсть въ наперстокъ вашей мамы, а я буду имѣть честь васъ свезти.

— Ахъ, барышня! неужели вы хотите взять на себя трудъ? сказала Ялмаръ.

И все таки сѣлъ въ наперстокъ, и они поѣхали на мышиную свадьбу. Сперва они попали въ длинный проходъ подъ поломъ, гдѣ наперстокъ могъ свободно двигаться при освѣщеніи гнилымъ деревомъ, вмѣсто фонарей.

— Не правда ли, какъ здѣсь великолѣпно пахнетъ? сказала мышь. Весь ходъ натерть шпекомъ.

Наконецъ, они достигли и свадебнаго зала. По правую сторону стояли маленькія мышки барышни, онѣ шептались и пищали, будто смѣялись другъ надъ другомъ, а по лѣвую молодые мышиные кавалеры; они лапками разглаживали свои усы.

Посрединѣ въ выдолбленной коркѣ отъ сыра помѣщались женихъ съ невѣстой.

Мыши все прибывали, толкали и давали другъ друга, а невѣста съ женихомъ стали въ дверяхъ, такъ что нельзя было пройти ни взадъ, ни впередъ.

Весь залъ тоже былъ облѣпленъ шпекомъ и въ этомъ состояло все угощеніе. Въ видѣ лакомства подали одну горошину, и маленькая мышка, родственница невѣсты, выгрызла на ней начальныя буквы счастливой четы; это было нѣчто необыкновенное.

Всѣ мыши увѣряли, что свадьба отпразднована, какъ нельзя лучше, и всѣмъ очень весело.

Ялмаръ вернулся домой. Правда, онъ былъ въ очень знатномъ обществѣ, но зато онъ долженъ былъ и сильно сократиться и одѣться оловяннымъ солдатикомъ.

ПЯТНИЦА.

— Что же мы предпримемъ сегодня ночью? Спросилъ Ялмаръ.

— Не знаю, хочешь ли ты сегодня опять ѣхать на свадьбу. Она, конечно, будетъ иного рода. Кукла твоей сестры, Германъ, женится на куклѣ Бертъ. И такъ какъ сегодня день рожденія Бертъ, то въ подаркахъ недостатка не будетъ. Посмотри-ка сюда!

Съ этими словами Оле-Люкъ-Ойе показалъ на столъ.

На столѣ стоялъ маленькій карточный домикъ, изъ оконъ его виднѣлся свѣтъ, а передъ нимъ была почетная стража изъ оловянныхъ солдатиковъ. Невѣста съ женихомъ сидѣли на полу, погруженные въ размышленія, какъ это имъ и слѣдовало.

Когда же Оле-Люкь-Ойе ихъ повѣнчалъ, вся мебель въ комнатѣ запѣла, восхваляя жениха и невесту, сшитыхъ изъ перчаточной кожи. Затѣмъ раздавали подарки и лакомства, но женихъ съ невестой ни до чего не дотронулись; они были слишкомъ взволнованы.

— Пойдемъ мы теперь на дачу или отправимся путешествовать? спросилъ женихъ.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, на семейный совѣтъ пригласили ласточку, много путешествовавшую, и старую насѣдку, высидѣвшую пять выводковъ цыплятъ.

Ласточка рассказывала о прекрасныхъ теплыхъ странахъ, съ тяжелыми виноградными гроздьями, съ ароматнымъ воздухомъ, съ высокими горами.

— Зато тамъ нѣтъ нашихъ капустныхъ кочней, возразила насѣдка. Одно лѣто я прожила съ цыплятами на дачѣ. Тамъ была песочная яма; въ ней мы могли рыться, сколько хотѣли; а главное, мы могли ходить въ огородъ, гдѣ росла капуста. Ахъ, какъ тамъ было чудесно! Я не могу себѣ ничего лучшаго представить.

— Но, вѣдь, одинъ кочанъ похожъ на другой, и притомъ здѣсь такъ часто бываетъ дурная погода.

— Ну, къ этому можно привыкнуть, возразила курица.

— Но здѣсь такъ холодно, все замерзаетъ.

— Это даже полезно капустѣ. Впрочемъ, у насъ иногда бываетъ и тепло. Четыре года тому назадъ лѣто длилось цѣлыхъ пять недѣль. Такъ было жарко, что нельзя было дышать. Потомъ у насъ нѣтъ ядовитыхъ животныхъ, и разбойниковъ нѣтъ. Только негодяи могутъ находить, что наша страна не самая прекрасная, но зато они недостойны быть въ нашемъ обществѣ.

Курица такъ взволновалась, что заплакала и продолжала:

— Я тоже путешествовала, я проѣхала въ корзинкѣ цѣлыхъ двѣнадцать миль. Путешествіе не доставляетъ никакого удовольствія.

— Да, курица очень благоразумная особа, сказала кукла Берта; я тоже не имѣю охоты путешествовать по горамъ и лазить то вверхъ, то внизъ. Лучше поѣдемъ за городъ въ песочную яму и будемъ гулять въ капустномъ огородѣ.

На томъ и порѣшили.

СУББОТА.

— Услышу я сегодня твои рассказы? спросилъ маленькій Ялмаръ, какъ только его усыпилъ Оле-Люкь-Ойе.

Сегодня вечеромъ намъ некогда будетъ рассказывать, отвѣчалъ Оле-Люкь-Ойе и распустилъ свой прекрасный зонтикъ.

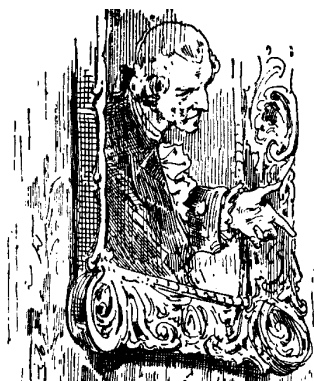
— Полюбуйся на этихъ китайцевъ.

Зонтикъ принялъ видъ большой китайской чашки съ синими деревьями, треугольными мостиками и съ маленькими китайцами, кивавшими своими головами.

— Къ завтраму надо весь свѣтъ хорошенько вычистить, сказалъ Оле-Люкь-Ойе; завтра, вѣдь, праздникъ, Воскресенье, мнѣ надо побывать на колокольнѣ, посмотрѣть, вычистили ли маленькіе кобольды колокола, чтобы они лучше звонили. Надо заглянуть и на поле, посмотрѣть, сдули ли вѣтры всю пыль съ травы и листьевъ. А что всего труднѣе — мнѣ надо снять всѣ звѣздочки и хорошенько ихъ вычистить. Я соберу ихъ въ передникъ, но предварительно надо перенумеровать ихъ, а также и тѣ углубленія, въ которыхъ онѣ

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

сидять. Если я этого не сдѣлаю, онѣ не придутся по отверстіямъ, не будутъ держаться, и у насъ окажется много падающихъ звѣздъ.

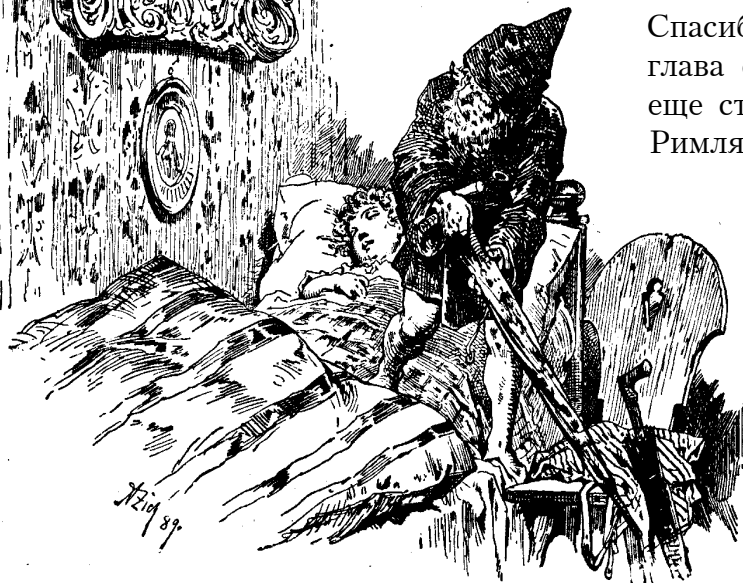

— Послушайте, почтеннѣйшій Оле-Люкь-Ойе, знаете ли что? — заговорилъ старый портретъ висѣвшій на стѣнѣ, у которой стояла кровать Ялмара. Я прадѣдушка, мальчика и очень радъ, что вы рассказываете ему исторіи, но только вы не должны набивать ему голову вздорными понятіями. Звѣздъ нельзя снимать съ неба; звѣзды, міровыя тѣла, такія же, какъ и наша земля.

— Спасибо, старый прадѣдушка! Спасибо! — сказалъ Оле Люкь-Ойе: ты глава семьи, ты самый старшій; но я еще старѣе тебя. Я старый язычникъ! Римляне и греки называли меня богомъ сна. Я вхожу въ знатнѣйшіе дома и умѣю обращаться съ бѣдными и богатыми; а теперь я предоставляю рассказы вать тебѣ вмѣсто себя.

Оле-Люкь-Ойе сложилъ зонтикъ и ушелъ.

— Ну, ну, проворчалъ старый портретъ. будто бы ужъ нельзя высказать своего

мнѣнія. Ялмаръ проснулся.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

— Добраго вечера! — сказалъ Оле-Люкь-Ойе. Ялмаръ кивнулъ головою, потомъ вскочилъ, перевернулъ портретъ прадѣдушки лицомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ опять не вмѣшался въ разговоръ, какъ вчера.

Теперь ты мнѣ расскажешь сказки: о пяти горошинахъ въ одномъ стручкѣ, о штопальной иглѣ, воображавшей себя швейною, о Дюймовочкѣ, объ аистахъ.

— Хорошенькаго понемножку! — отвѣчалъ Оле-Люкь-Ойе. Ты, вѣдь, знаешь, что я всего охотнее тебе что-нибудь показываю. Сегодня я тебѣ покажу своего брата. Онъ тоже называется Оле-Люкь-Ойе; но онъ никого не посѣщаетъ болѣе одного раза, а къ кому придетъ, того беретъ къ себѣ на коня и рассказываетъ ему сказки. Онъ знаетъ только двѣ сказки; одна такъ хороша, что никто ничего подобнаго не можетъ себѣ представить, а другая такая ужасная, такая страшная, что и описать ее невозможно.

Потомъ Оле-Люкь-Ойе поднялъ маленькаго Ялмара къ окну и сказалъ:

— Вотъ сейчасъ ты увидишь моего брата, другого Оле-Люкь-Ойе. Люди его называютъ смертью. Онъ вовсе не такъ некрасивъ, какъ его рисуютъ въ книгахъ, и вовсе не похожъ на скелетъ. Одежда его заткана серебромъ, какъ самый лучшій гусарскій мундиръ, а на плечахъ у него черная бархатная мантия. Смотри, какъ онъ скачетъ галопомъ!

Ялмаръ увидѣлъ скачущаго Оле-Люкь-Ойе: онъ сажалъ на коня и молодыхъ, и старыхъ; однихъ онъ сажалъ спереди, дру гихъ сзади и спрашивалъ:

— А каковы отмѣтки?

— Хороши! — отвѣчали они.

— А дайте-ка, я самъ погляжу.

И каждый показывалъ ему свою тетрадочку. Тѣхъ, у кого за поведеніе было «отлично» и «очень хорошо», онъ сажалъ спереди, и они слушали прекрасную сказку; а у кого было за поведеніе «довольно хорошо» и «посредственно», тѣхъ онъ сажалъ сзади, и они слушали ужасную сказку. Они тряслись, плакали, пробовали соскочить съ коня, но не могли, они чувствовали, что приросли къ его спинѣ.

— Да смерть — чудеснѣйшій Оле-Люкь-Ойе: я ея совсѣмъ не боюсь! — сказалъ Ялмаръ.

— И не слѣдуетъ, подтвердилъ Оле-Люкь-Ойе: смотри только, чтобы у тебя были всегда хорошія отмѣтки.

— Вотъ это поучительно! — пробормоталъ портретъ прадѣдушки. Все-таки помогло, что я высказалъ свое мнѣніе.

И онъ вполнѣ остался доволенъ.

Такъ вотъ какова сказка объ Оле-Люкь-Ойе. Пускай же онъ самъ къ тебѣ придетъ вечеромъ и расскажетъ больше.

ЧАЙНИКЪ.

Вналь я чайникъ. Прегордый былъ этотъ чайникъ: гордился онъ и своимъ фарфоромъ, и своимъ длиннымъ носикомъ, и широкою ручкою. Объ всемъ этомъ онъ говорилъ съ увлеченіемъ, молчалъ только о крышкѣ. Въ ней были свои недостатки, а о своихъ недостаткахъ никто охотно не распространяется, о нихъ довольно говорятъ и другіе. Чайникъ тоже хорошо зналъ, что чашки, сахарница, сливочникъ, словомъ, весь чайный приборъ не позабудутъ указать на уродливую крышку и, навѣрное, будутъ о ней говорить больше, чемъ о прѣкрасной ручкѣ и о великолѣпномъ носикѣ.

— Что же, я сознаю свои недостатки, говорилъ самъ съ собою чайникъ, и достаточно показываю свое смиреніе. Недостатки есть у всехъ насъ; вотъ особенный достоинства, это другое дѣло. У чашки есть ручка, у сахарницы крышка; у меня есть то и другое, да еще и носикъ. Вотъ почему я и занимаю первое мѣсто на чайномъ столѣ. Чашка и сахарница играютъ только служебную роль. Я же распространяю свои блага жаждущему человѣчеству. Я въ себѣ перерабатываю чайные листья съ кипяткомъ въ благодѣтельный, утоляющій жажду напитокъ. Но такъ говорилъ чайникъ въ беззаботную пору юности.

Тогда онъ стоялъ на чисто накрытомъ столѣ, его поднимала нѣжная ручка...

Однако, эта нѣжная ручка оказалась очень неловкою: она уронила чайникъ, носикъ отбился, ручка тоже, не говоря уже о крышкѣ. Чайникъ лежалъ на полу, и изъ него текла горячая вода.

— Никогда я не забуду этого ужаснаго мгновенія, рассказывалъ онъ потомъ. Меня назвали инвалидомъ, поставили въ уголъ, а потомъ подарили бѣдной женщинѣ. Я спустился въ подвалъ, гдѣ царила нищета, и долго стоялъ безъ употребленія, до самаго того момента, когда началась настоящая моя жизнь: меня наполнили землей, а въ землю положили цвѣточную луковицу. Я не знаю, кто былъ моимъ благодѣтелемъ, кто подарилъ мнѣ эту луковицу; но съ тѣхъ поръ, какъ она лежала во мнѣ, она стала моимъ сердцемъ, живымъ сердцемъ, какого у меня никогда прежде не было. Во мнѣ проснулись жизнь и сила. Зародышъ въ луковицѣ развивался, крѣпъ и распустился въ прекрасный цвѣтокъ. Я видѣлъ этотъ цвѣтокъ, я держалъ его, я забывалъ самого себя въ его красотѣ. Онъ не благодарилъ меня за мои заботы о немъ, онъ даже не думалъ обо мнѣ. Всѣ имъ восхищались, всѣ его хвалили, а я искренно радовался за него. Но, наконецъ, стали говорить, что такой прекрасный цвѣтокъ заслуживаетъ лучшаго горшка. Меня разбили на куски. Ахъ, какъ это было больно! Зато цвѣтокъ посадили въ прекрасную вазу. А я? Меня выбросили на дворъ, и я лежу, превратившись въ кучу черепковъ. Но зато во мнѣ живетъ воспоминаніе, и этого воспоминанія никто у меня не отниметъ.

ЦВѢТОЧКИ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ.

ои бѣдные цвѣточки совсѣмъ умирають, сказала маленькая Ида. Какіе они были вчера пышные, теперь-же всѣ листья завяли и висятъ. Отчего это? — спросила она студента, сидѣвшаго на софѣ.

Студентъ этотъ очень ее любилъ; онъ рассказывалъ ей прекрасныя сказки и вырѣзывалъ изъ бумаги преинтересныя вещицы: сердца, а въ сердцахъ маленькихъ танцующихъ дѣвочекъ, цвѣты и большіе замки съ отворявшимися дверями. Превеселый былъ студентъ.

— Почему сегодня цвѣты заболѣли? — спросила она и показала ему завядшій букетъ.

— Знаешь, что съ ними? — сказалъ студентъ. Цвѣты были ночью на балу, вотъ почему они и повѣсили свои головки.

— Да развѣ цвѣты могутъ танцовать? — спросила Ида.

— Разумѣется, могутъ, отвѣчалъ студентъ. Въ темнотѣ, когда мы всѣ спимъ, они превесело скачутъ, у нихъ почти каждый вечеръ балъ.

— А дѣти могутъ быть на этомъ балу?

— Да! — отвѣчалъ студентъ. Маленькіе маргаритки и ландыши.

— А гдѣ-же они танцуютъ? — спросила Ида.

— Ты, вѣдь, была за городскими стѣнами и видѣла прекрасный замокъ, гдѣ король живетъ лѣтомъ; тамъ еще такой прекрасный садъ со множествомъ цвѣтовъ. Ты, вѣдь, видѣла лебедей; они подплывали къ тебѣ, когда ты имъ бросала крошки хлѣба. Вотъ тамъ-то и бываетъ большой цвѣточный балъ.

— Я еще вчера была тамъ съ мамой, сказала Ида; но деревья стоятъ безъ листьевъ, и нѣтъ ни одного цвѣточка. Гдѣ-же они? Лѣтомъ ихъ было такъ много.

— Они въ замкѣ, отвѣтилъ студентъ. Только-что король переѣдетъ со своею свитою въ городъ, цвѣты тотчасъ бѣгутъ въ замокъ и веселятся тамъ. Двѣ самыя пышныя розы садятся на тронъ, это король съ королевою. Всѣ красныя пѣтушьи гребни становятся около трона и кланяются имъ, это ихъ камеръ-пажи. Собираются въ залъ всѣ прелестныя цвѣточки, и тогда откры вается балъ. Синія фіалки, это морскіе кадеты, они танцуютъ съ гіацинтами и крокусами и называютъ ихъ барышнями. Тюльпаны и большія огненные лиліи — старыя дамы; онѣ смотрятъ за порядкомъ и не позволяютъ дурно танцовать.

— Но развѣ никто не забранитъ цвѣтовъ за то, что онѣ танцуютъ въ замкѣ короля? — спрашивала Ида.

— Никто ничего объ этомъ не знаетъ, отвѣчалъ студентъ. Иногда, конечно, приходитъ ночью старый кастелянъ съ большою связкою ключей; но какъ только ключи зазвенятъ, цвѣты притихнутъ и попрячутся за занавѣски. «Что это? Здѣсь, какъ будто, пахнетъ цвѣтами?» — скажетъ кастелянъ, но увидѣтъ онъ ихъ не можетъ.

— Какъ это чудесно! — вскричала маленькая дѣвочка и захлопала въ ладоши. А мнѣ можно было-бы увидѣтъ цвѣты.

— Да, отвѣчалъ студентъ. Когда ты опять туда пойдешь, не забудь посмотрѣтъ въ окно, и ты ихъ увидишь. Я сегодня тоже заглянулъ въ окошко. На софѣ лежала длинная желтая лилія и потягивалась: это фрейлина.

— А могутъ туда притти цвѣты изъ ботаническаго сада? Имъ не трудно пройти такой длинный путь.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Да, конечно! Когда они захотят, они и летают. Ты, вѣдь, видѣла хорошенькихъ бабочекъ, красныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ. Онѣ точно цвѣты и были прежде цвѣтами. Онѣ слетѣли со стебля на воздухъ и затрепетали листочками, какъ маленькими крыльями; такъ онѣ стали летать, а за хорошее поведеніе имъ позволили летать и днемъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть дома на стеблѣ. Такъ ихъ листочки и стали настоящими крыльями. Это ты, впрочемъ, и сама видѣла.

— Ахъ, какъ смѣшно! — сказала дѣвочка и засмѣялась.

— Можно-ли ребенку болтать такой вздоръ, замѣтилъ старый ворчунъ-совѣтникъ, сидѣвшій на софѣ.

Онъ терпѣть не могъ студента и всегда ворчалъ, когда тотъ вырѣзывалъ свои смѣшныя картинки; но маленькой Идѣ очень понравилось то, что студентъ рассказывалъ ей о цвѣтахъ. Она много объ этомъ думала. Значитъ, цвѣты ея повѣсили головки оттого, что устали танцовать ночью; они, вѣрно, заболѣли.

Въ кукольной кроваткѣ спала кукла Софи.

Маленькая Ида сказала ей:

— Ты должна встать, Софи, полежать сегодня ночью въ ящикѣ; бѣдные цвѣточки больны, ихъ надо уложить въ твою кроватку; можетъ быть. они тогда опять станутъ свѣжими и

здоровыми.

Съ этими словами она взяла куклу изъ постели. Видъ Софи былъ очень сердитый, она не сказала ни слова. Ей было досадно, что ее не оставили въ кровати.

Ида положила цвѣточки въ кукольную кроватку, совсѣмъ укрыла ихъ одѣяломъ, сказала имъ, что бы они лежали совсѣмъ смирно: она приготовитъ имъ чаю, они выздоровѣютъ и завтра опять встанутъ. Потомъ она затянула кроватку занавѣской, чтобы солнце не свѣтило имъ въ глаза. Весь вечеръ она думала о томъ, что ей рассказалъ студентъ. Наконецъ, пришло время ей самой лечь въ кроватку. Она заглянула мимоходомъ за окна, за занавѣси, гдѣ стояли чудесные гіацинты и тюльпаны ея матери, и тихонько шепнула имъ:

— Я знаю, сегодня ночью вы пойдете на балъ. Но цвѣточки не шевельнули ни однимъ листикомъ, они сдѣлали видъ, что ничего не понимаютъ. А маленькую Иду не такъ-то легко было обмануть; она знала, что знала. Въ кровати она долго лежала и думала, какъ-бы хорошо было посмотрѣть на танцующіе цвѣты въ королевскомъ замкѣ.

— Неужели мои цвѣты тоже тамъ были? — прошептала она и уснула.

Ночью она вдругъ проснулась. Она только-что видѣла цвѣты, студента, стараго совѣтника; онъ ворчалъ и говорилъ, что студентъ только обманываетъ дѣвочку.

Въ комнатѣ, гдѣ спала Ида, было тихо; на столѣ горѣла ночная лампа. Отецъ съ матерью тоже спали. «Лежатъ-ли мои цвѣты въ кровати Софи?» — сказала сама себѣ Ида. «Какъ-бы мнѣ хотѣлось это знать!»

Она приподнялась немного и взглянула въ приотворенную дверь въ комнату, гдѣ лежали цвѣты и игрушки... Вдругъ ей показалось, что тамъ кто-то играетъ на фортепіано, но такъ тихо, такъ чудесно; никогда прежде не слыхала она ничего подобнаго.

— Теперь, навѣрно, цвѣты тамъ всѣ танцуютъ, проговорила она. Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось посмотреѣть!

Но она не смѣла встать, она боялась разбудить отца съ матерью.

— Вотъ-бы они вошли сюда, прошептала Ида.

Цвѣты, однако, не приходили.

Чудесная музыка продолжала играть. Дѣвочка не выдержала, потихоньку сползла съ кровати, на цыпочкахъ подошла къ двери и заглянула въ комнату. И что только она увидѣла!

Мѣсяцъ ярко освѣщалъ полъ. Въ комнатѣ было почти такъ же свѣтло, какъ днемъ. Гіацинты и тюльпаны стояли двумя длинными рядами на полу, а на окошкахъ оставались лишь пустые горшки. Цвѣты прелестно кружились, сцѣпившись длинными зелеными листьями, какъ руками, сходились и расходились, образуя цѣпи. За фортепіано сидѣла длинная желтая лилія. Маленькая Ида вспомнила, что видѣла ее лѣтомъ. Еще студентъ сказалъ:

— Посмотрите-ка, какъ она похожа на мадемуазель Мину! Тогда Ида смѣялась, но теперь она видѣла, что длинная желтая лилія совсѣмъ походила на Мину, даже такъ же покачивалась за клавишами.

Цвѣты не замѣтили маленькой дѣвочки. Вдругъ большой синій крокусъ вскочилъ на столъ, гдѣ стояли игрушки, подошелъ къ кукольной кровати и отодвинулъ занавѣсъ.

Больные цвѣты были еще въ постели; но они тотчасъ-же подняли головки и закивали остальнымъ. Имъ тоже хотѣлось танцевать.

Старичекъ на сигарномъ ящикѣ со сломанною челюстью всталъ и весело поклонился цвѣтамъ. Они были совсѣмъ здоровы, соскочили со стола и стали веселиться.

Что это? Идѣ показалось, что со стола вдругъ что-то упало на полъ. Ида взглянула. Это соскочила верба, она считала себя тоже принадлежащею къ цвѣтамъ. На верхушкѣ ея сидѣла маленькая восковая куколка въ такой широкой шляпѣ, какъ у совѣтника. Верба поскакала на своихъ трехъ красныхъ подставкахъ къ цвѣтамъ и пристукивала въ тактъ по полу; она танцевала мазурку. Другіе цвѣты не могли за нею слѣдовать: ихъ ножки и стебельки были слишкомъ нѣжны и не умѣли посту кивать.

Вдругъ, восковая кукла на вербѣ вытянулась надъ бумажными цвѣтами и громко закричала:

— Какъ можно болтать ребенку такіе пустяки, все это глу посты!

Въ эту минуту восковая кукла въ широкой шляпѣ совсѣмъ походила на совѣтника. Она была такая же желтая и такъ же ворчала.

Но бумажные цвѣты хлеснули его по тонкимъ ногамъ, онъ съежился и сталъ снова маленькою восковою куклою. Это было такъ комично, что маленькая Ида не могла удержаться отъ смѣха.

Въ ту-же минуту что-то громко застучало въ ящикѣ, гдѣ лежала Софи и другія игрушки. Старичекъ съ сигарнаго ящика побѣжалъ къ столу, растянулся во всю длину и началъ понемногу вытягивать ящикъ.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Софи поднялась и съ удивленіемъ оглядѣлась.

— Тутъ, кажется, балъ! — проговорила она. Что-же это мнѣ никто ничего объ этомъ не сказалъ?

— Хочешь со мною танцевать? — спросилъ старичекъ.

— Вотъ еще! Очень мнѣ пристало съ тобою танцевать! — отвѣчала она и повернулась къ нему спиною.

Потомъ она сѣла на ящикъ и ждала, что придутъ ее приглашать. Но цвѣты ее не замѣчали. Она кашлянула разъ, другой, третій, все никто не приходилъ. Старичекъ съ сигарнаго ящика танцовалъ одинъ и вовсе не такъ плохо. Наконецъ, Софи надобло ждать, она соскользнула съ ящика и шлепнулась на полъ. Всѣ обернулись на шумъ, цвѣты тотчасъ же окружили ее, спрашивали, не ушиблась ли она, вообще были къ ней очень внимательны, особенно тѣ цвѣты, которые лежали въ ея кроваткѣ. Они благодарили ее за прекрасную кровать и всячески старались выказать ей свое расположеніе. Цвѣты увлекли ее съ собою туда, где свѣтилъ мѣсяцъ, образовали около нея кругъ и танцовали вмѣстѣ съ нею. Софи совсѣмъ развеселилась и сказала, что они могутъ пользоваться ея кроваткою, ей хорошо и въ ящикѣ.

Но цвѣты печально отвѣчали:

— Мы тебѣ очень благодарны, но жить намъ осталось не долго, къ завтраму мы всѣ умремъ. Скажи маленькой Идѣ, что бы она похоронила насъ въ саду, тамъ, гдѣ лежитъ ея маленькая канарейка. Лѣтомъ мы расцвѣтемъ еще роскошнѣе.

— Нѣтъ, вы не умрете! — сказала Софи и поцѣловала ихъ. Въ ту же минуту дверь въ зало отворилась, и въ комнату вбѣжало, танцуя, множество прекрасныхъ цвѣтовъ.

Ида не могла себѣ представить, откуда они явились. Должно быть, изъ королевскаго замка. Во главѣ шли двѣ прекрасныя розы съ золотыми коронами на головѣ, это были король съ королевою. За ними слѣдовали махровые левкой и гвоздики, раскланивавшіеся на всѣ стороны. Они привезли съ собою и музыку. Большіе маки и піоны трубили на гороховыхъ стручьяхъ. Они такъ усердствовали, что даже покраснѣли. Синіе колокольчики и бѣлые подснежники звонили, точно у нихъ были бубенчики. Пресмѣшная это была музыка. Пришло еще много цвѣтовъ, и всѣ затанцовали. Синія фіалки съ красными гвоздиками, маргаритки съ ландышами. Наконецъ, цвѣты пожелали другъ другу доброй ночи. Маленькая Ида тоже прокралась въ свою кроватку и видѣла во снѣ то же, что и наяву.

На другое утро, только-что она встала, тотчасъ же подошла къ маленькому столику посмотреть, тамъ ли еще цвѣты. Она отодвинула занавѣсъ. Да, они тамъ лежали, но совсѣмъ завяли, гораздо больше вчерашняго. Софи лежала въ игрушечномъ ящикѣ, куда ее положила Ида, и имѣла заспанный видъ.

— Помнишь, что ты мнѣ должна сказать? — спросила ее Ида.

Но Софи сдѣлала глупое лицо и не сказала ни слова.

— Ты совсѣмъ не умница! — замѣтила ей дѣвочка, а еще всѣ они съ тобою танцовали.

Потомъ она взяла коробочку съ нарисованною на ней птичкою и положила туда мертвые цвѣты.

— Это будетъ вашъ гробъ, сказала она. Когда придутъ двою родные братья Іонъ и Адольфъ, мы устроимъ вамъ похороны въ саду затѣмъ, чтобы лѣтомъ вы могли опять расти и стали бы еще прекраснѣе.

Іонъ и Адольфъ были постоянными товарищами Иды въ игрѣ. Сегодня они принесли самострѣлы, подаренные отцомъ, и показали ихъ Идѣ.

Г.Х.АНДЕРСЕНЪ

Она разсказала имъ о бѣдныхъ умершихъ цвѣтахъ, и втроемъ они отправились ихъ хоронить. Мальчики шли впереди, каждый со своимъ самострѣломъ на плечъ, а Ида слѣдовала за ними и несла коробку съ мертвыми цвѣтами. Въ саду дѣти вырыли могилку. Ида въ послѣдній разъ поцѣловала свои цвѣты и похоронила ихъ.

За неимѣніемъ ружей и пушокъ Іонъ и Адольфъ стрѣляли на могилѣ изъ своихъ самострѣловъ.

ДѢВОЧКА СО СПИЧКАМИ

стоялъ страшный морозъ. Въ воздухѣ носились ледяныя иглы. Непроницаемою тьмою спустился на землю послѣдній вечеръ стараго года. По улицамъ плелась бѣдная маленькая дѣвочка съ непокрытою головою и босыми ногами. Когда она вышла изъ дому, на ногахъ ея были туфли. Но что въ томъ толку! Туфли эти носила ея мать, и ей онѣ были велики. Дѣвочка потеряла ихъ, когда перебѣгала улицу, спасаясь отъ двухъ мчавшихся на нее во весь опоръ каретъ. Одна туфля такъ и не нашлась, а другую схватилъ маленькій мальчишка и убѣжалъ съ нею. Бѣдные босыя ножонки посинѣли отъ холоду. Дѣвочка въ передникѣ несла цѣлую кучу спичекъ и держала одну коробку въ рукѣ. За цѣлый день никто ничего у нея не купилъ, никто не далъ ей ни копѣйки. Дрожа отъ холода и отъ голода, шла малютка по улицѣ. Блестящія снѣжинки серебрились въ ея бѣлокурыхъ локонахъ, падавшихъ на шею; но ей было не до нихъ. Изъ всѣхъ оконъ блестѣлъ свѣтъ, всюду чудесно пахло жаренымъ гусемъ: былъ канунъ новаго года. Вотъ объ этомъ такъ она думала.

Въ уголку между двумя домами присѣла она на землю и скорчилась. Она поджала подъ себя ноги, и ей стало еще холоднѣе. Итти домой она не рѣшалась: она не продала спичекъ и не могла принести ни одной копѣйки. Отецъ, навѣрное, побилъ бы ее, да дома было также холодно: они жили подъ самой крышей, и, какъ ни затыкали щелей соломой и тряпьемъ, вѣтеръ все-таки врывается къ нимъ со свистомъ. У дѣвочки руки заоченѣли отъ холода.

— Ахъ, если бы вытащить хоть одну спичку изъ коробки, чиркнуть ею по стѣнѣ, зажечь и погрѣть пальцы; вѣдь только одну!

Она взяла одну спичку. Чиркъ!... Ахъ, какъ спичка заблестѣла и загорѣлась! Она горѣла такимъ яснымъ, теплымъ пламенемъ, точно свѣчка, и дѣвочка съ наслажденіемъ грѣла на ней руки. Что за чудная была свѣчечка! Дѣвочка мечтала, что она сидитъ передъ большою желѣзною печкою съ полированными мѣдными ножками и мѣдною крышкою. Какъ ярко пылалъ въ ней огонь и какъ она грѣла! Дѣвочка протянула было къ ней ноги, но вдругъ пламя погасло, печка пропала, а въ руки остались обгорѣлые остатки спички.

Дѣвочка чиркнула второю спичкою по стѣнѣ. Пламя вспыхнуло, осветило стѣну, и вдругъ, стѣна стала прозрачною, такъ что можно было видѣть комнаты.

На столѣ была покрыта бѣлая скатерть, стоялъ блестящій фарфоровый сервизъ и дымился жареный гусь, начиненный яблоками и черносливомъ. Гусь соскочилъ съ блюда и съ воткнутыми въ него ножомъ и вилкою, переваливаясь съ боку на бокъ, прямо направился къ бѣдной дѣвочкѣ.

Но и вторая спичка сгорѣла; осталась только сырая, холодная стѣна.

Дѣвочка поспѣшила зажечь еще спичку. Вотъ она сидитъ подъ чудесною елкою, гораздо больше и наряднѣе той, которую она видѣла черезъ стеклянную дверь у богатаго купца. Между зелеными вѣтвями горятъ тысячи свѣчей, виситъ множество пестрыхъ картинокъ, такихъ, какъ въ окнахъ магазиновъ. Дѣвочка протягиваетъ къ нимъ руки... Но спичка гаснетъ, — свѣчки улетаютъ на небо... Это звѣздочки. Одна изъ нихъ покатила внизъ и оставила за собою длинный огненный слѣдъ.

— Вотъ теперь кто-нибудь умираетъ, прошептала дѣвочка. Старушка-бабушка, единственное любившее ее существо, рассказывала ей, когда еще была жива, что если

звѣздочка падаетъ съ неба, чья-нибудь душа улетаетъ на небо къ Богу. Она снова чиркнула по стѣнѣ, снова все освѣтилось, и въ темномъ проходѣ стояла теперь старая бабушка, такая ясная, прозрачная, съ доброю любящею улыбкою.

— Бабушка! — воскликнула малютка. Возьми меня съ собою; я знаю, что ты исчезнешь, какъ только догоритъ спичка, какъ исчезла теплая печка, жареный гусь и роскошная елка.

И она быстро зажгла всю пачку спичекъ: ей хотѣлось удержать бабушку. Спички запылали съ такимъ блескомъ, что стало свѣтлѣе, чѣмъ днемъ. Бабушка еще похорошѣла, выросла, она взяла маленькую дѣвочку на руки, и обѣ онѣ блестящія, радостныя, понеслись высоко, высоко надъ землею.

Тамъ не было ни холоду, ни голоду, ни страха: онѣ улетѣли къ Богу.

А въ углу, скорчившись у стѣнки, неподвижно сидѣла маленькая дѣвочка съ красными щеками и улыбкою на устахъ. Она замерзла въ послѣдній день стараго года.

Ясное солнце освѣтило въ новый годъ маленькій трупъ. Въ окоченѣлой рукѣ была пачка обгорѣлыхъ спичекъ.

— Она хотѣла согрѣться! — говорили люди.

Никому и въ голову не приходило, сколько чудныхъ вещей показали ей эти спички, съ какимъ блескомъ поднялась она со своею любимою бабушкою туда, гдѣ нашла на новый годъ радость и счастье.

ДИКІЕ ЛЕБЕДИ

алеко, далеко отсюда, тамъ, куда ласточки улетають на зиму, жилъ король, а у короля было одиннадцать сыновей и одна дочь, Элиза.

Всѣ одиннадцать братьевъ были принцы и ходили въ школу съ звѣздою на груди и съ саблею на боку. Они писали алмазными грифелями на золотыхъ доскахъ; а наизусть учили, точно по книгѣ читали, тотчасъ можно было услышать, что это принцы крови.

Сестрица ихъ сидѣла на маленькой зеркальной скамеечкѣ и занималась книжкой съ картинками, а книжка эта куплена была за полъ королевства.

О, дѣтямъ этимъ было чрезвычайно хорошо! Но не надолго.

Отецъ ихъ, король, вторично женился на злой королевѣ, и она не взлюбила бѣдныхъ дѣтей. Съ перваго дня они это почувствовали. Въ замкѣ на свадьбѣ было множество гостей, и дѣти стали играть въ «гости». Прежде, бывало, давали имъ для игры столько пирожного и столько печеныхъ яблокъ, сколько можно найти; а теперь мачиха дала имъ только песку въ чашечкѣ и сказала, что они могутъ себѣ представить, будто это пирожное и печеные яблоки.

Черезъ недѣлю сестрицу Элизу увезли въ деревню и отдали крестьянину съ женою на воспитаніе. А скоро послѣ того мачиха стала столько лгать на бѣдныхъ принцевъ, такія выдумывала провинности, что король махнулъ на нихъ рукою.

— Летите же, куда глаза глядятъ, и кормитесь, чѣмъ знаете! — сказала злая королева. Будьте большими птицами безъ голоса!

Но ей не удалось превратить ихъ во что-нибудь дурное, какъ ни хотѣлось этого: они стали одиннадцатью чудными дикими лебедями. Съ рѣзкимъ крикомъ они вылетѣли изъ оконъ замка, взвились надъ паркомъ и скрылись въ лѣсу.

Рано утромъ пролетали они надъ избушкою крестьянина, гдѣ въ колыбелькѣ спала сестрица Элиза. Покружились лебеди надъ крышею, повертѣли длинными шеями, похлопали мощными крыльями, но никто ихъ не видѣлъ, не слышалъ. Они должны были летѣть дальше, высоко, высоко подъ облака, куда глаза глядятъ, и они полетѣли въ большой черный лѣсъ къ самому синему морю.

А бѣдная маленькая Элиза играла въ избушкѣ крестьянина съ зеленымъ листомъ; другихъ игрушекъ у нея не было. Она проколола въ листѣ дырку, посмотрѣла на солнышко, и ей по казалось, что она видитъ ясныя очи своихъ братьевъ. А когда теплые лучи солнца играли на ея щекахъ, ей вспоминались ихъ поцѣлуи.

Дни шли за днями. Вѣтеръ, что вѣялъ въ розовыхъ кустахъ, шепталъ розамъ:

— Есть ли кто прекраснѣ васъ?

А розы качали головками и отвѣчали:

— Элиза прекраснѣ насъ.

Перелистывалъ вѣтеръ листы молитвенника у старушки на колѣняхъ и спрашивалъ его:

— Есть ли кто благочестивѣ тебя? И молитвенникъ отвѣчалъ:

— Элиза благочестивѣ меня.

Исполнилось Элизѣ пятнадцать лѣтъ, и ее взяли во дворецъ. Увидѣла королева, какою красавицей стала дѣвочка, и возненавидѣла ее. Охотно превратила бы она и ее въ дикаго лебедя, но не смѣла: король очень любилъ свою дочь.

Рано утромъ пошла королева въ купальню, а купальня была мраморная, съ мягкими подушками и дорогими коврами. Взяла королева трехъ жабъ, поцѣловала ихъ и сказала первой:

— Сядь Элизѣ на голову, когда она придетъ купаться, и пусть она станетъ такою-же глупою, какъ ты. А ты садись ей на лобъ, чтобы она стала такою-же безобразною, какъ ты, тогда отецъ ее не узнаетъ. — Прильни къ ея сердцу, шепнула она третьей: пусть она унаслѣдуетъ отъ тебя злость, а злость эта принесетъ ей несчастье.

Она посадила всѣхъ трехъ жабъ въ чистую прозрачную воду, и вода тотчасъ же зазеленѣла. Потомъ позвала Элизу, раздѣла ее и велѣла ей купаться.

Элиза нырнула въ воду, и тогда одна жаба вцѣпилась въ волосы, другая прилипла ко лбу, а третья прильнула къ груди. Но Элиза какъ будто ихъ и не замѣтила. Какъ только она вы нырнула, по водѣ поплыли три красныхъ мака.

Если бы колдунья не отравила жабъ, то онѣ обратились бы въ розы; но все таки онѣ должны были сдѣлаться цвѣтами, такъ какъ лежали на головѣ, на лбу и на груди такой невинной и благочестивой дѣвушки. Колдовство не имѣло надъ нею силы.

Злая королева тогда придумала другое. Она натерла Элизу орѣховымъ сокомъ, такъ что кожа ея стала темно-коричневою; лицо вымазала ей вонючею мазью, а волоса такъ спутала, что нельзя было узнать красавицу.

Отецъ испугался, когда увидѣлъ ее, и сказалъ, что это не его дочь. Никто не признавалъ ее, только цѣпная собака визжала и лаяла, да ласточки вились около бѣдной дѣвушки; но это были животныя, на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Бѣдная Элиза заплакала и вспомнила о братьяхъ. Печальная прокралась она изъ замка и пошла, куда глаза глядятъ. Цѣлый день шла она по полямъ и лугамъ и, наконецъ, пришла въ большой дремучій лѣсъ. Куда она шла, она сама не знала. Она чувствовала жгучую тоску по братьямъ и рѣшила во что бы то ни стало найти ихъ.

Настала ночь. Принцесса совсѣмъ потеряла слѣдъ, прилегла на мягкій мохъ, прошептала вечернюю молитву и склонилась на лову на древесные корни.

Въ лѣсу царствовала глубокая тишина, Въ воздухѣ вѣяло тепломъ, а въ травѣ и во мху блестяли сотни зеленыхъ огоньковъ, это были свѣтлячки.

Принцесса тихонько дотронулась рукою до одной изъ вѣтокъ, и на нее посыпался цѣлый дождь блестящихъ насѣкомыхъ. Всю ночь она видѣла во снѣ своихъ братьевъ; снова они были дѣтьми, писали на золотыхъ доскахъ алмазными грифелями и разсматривали чудную книжку съ картинками, стоившую полцарства. Но на доскѣ они писали не кружечки и черточки, а славные подвиги, ими совершенные, все, что они пережили и видѣли на свѣтѣ. Въ книжкѣ съ картинками все ожило, птицы пѣли, люди сходили со страницъ и говорили съ Элизою и съ ея братьями. Но стоило только Элизѣ перевернуть листь, и они снова прыгали на страницы, чтобы не нарушить порядка.

Солнце стояло высоко, когда Элиза проснулась. Она не видѣла его сквозь густые листья высокихъ деревьевъ; но лучи его образовали надъ нею цѣлую золотую сѣтку, зелень благоухала, птицы вились около нея и чуть не сажались ей на плечи.

Невдалекѣ былъ слышенъ плескъ воды; въ лѣсу было много ручейковъ, текущихъ въ большое озеро съ чистымъ песчанымъ дномъ. Берегъ озера заросъ сплошною массою кустарника, но въ одномъ мѣстѣ олени проложили тропинку, и Элиза прошла къ водѣ. На

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

зеркальной поверхности озера отражались вѣтви деревьевъ и кусты; если бы они не колыхались, можно было бы подумать, что они нарисованы.

Отразилось въ водѣ и лицо Элизы; она сама испугалась, увидя себя черною и некрасивою. Быстро погрузила она свою маленькую ручку въ воду, провела ею по глазамъ и по лбу; бѣлая нѣжная кожа опять засвѣтилась.

Принцесса поспѣшно раздѣлась и погрузилась въ свѣжія волны. Она стала еще прекраснѣе, чѣмъ была. Она одѣлась, заплела свои длинные волосы въ косы, пошла къ журчавшему источнику, напилась изъ горсти и побрела въ глубину лѣса, сама не зная куда. Въ сердцѣ ея жила надежда на Бога, она была увѣрена, что найдетъ своихъ братьевъ.

И Господь не оставилъ ея. По дорогѣ она встрѣтила дикую яблоню, вѣтви которой клонились подъ тяжестью плодовъ. Она утолила свой голодъ, подперла вѣтви и потомъ углубилась въ самую темную чащу лѣса. Тамъ было такъ тихо, что она слышала свои шаги, шелестъ сухого листа, шуршавшаго подъ ногою. Ни одной птицы не было видно, ни одинъ солнечный лучъ не проникалъ сквозь густыя темныя вѣтви, а большіе стволы стояли такъ близко другъ къ другу, что издали казались сплош ною изгородью.

Какъ темно стало ночью! Во мху не копошился ни одинъ свѣтлякъ. Печальная Элиза легла спать, и ей показалось, что Господь, окруженный ангелами, смотритъ на нее сверху.

Проснувшись утромъ, она пошла дальше и встрѣтила старушку съ ягодами въ корзинкѣ. Старушка угостила ее, а Элиза спросила, не проѣзжали ли по лѣсу одиннадцать принцевъ?

— Нѣтъ, отвѣчала старушка, принцевъ я не видала, а вчера видѣла одиннадцать лебедей съ золотыми коронами на головахъ; они плескались вчера тутъ въ рѣчкѣ.

Она привела Элизу къ скалѣ; у подошвы ея извивалась рѣчка; деревья на обоихъ берегахъ простирали другъ къ другу свои длинные кудрявыя вѣтви, точно хотѣли обняться.

Элиза распростилась со старушкою и пошла вдоль рѣчки къ ея устью, впадавшему въ море.

Едва колеблющаяся громадная морская поверхность предстала глазамъ молодой дѣвушки; не виднѣлось ни одного паруса, ни одной лодочки. Какъ ей итти дальше? Она посмотрѣла на безчисленные маленькіе камешки, валявшіеся на морскомъ берегу, и замѣтила, что они всѣ имѣли круглую форму: вода ихъ всехъ отшлифовала.

— Да, проговорила она, море безъ устали катитъ свои волны и преодолагаетъ твердый камень. Я тоже буду неутомимо искать своихъ братьевъ, и мнѣ удастся преодолѣть всѣ препятствія.

На прибрежномъ пескѣ лежали одиннадцать бѣлыхъ лебединыхъ перьевъ. На нихъ дрожали прозрачныя капельки: можетъ быть — роса, можетъ быть — слезы.

Элиза собрала ихъ въ одинъ пучекъ и сѣла на морскомъ берегу. Она не чувствовала одиночества: море каждую минуту мѣнялось и тѣшило ее своимъ разнообразіемъ; то поднималась густая темная туча, точно море хотѣло показать, что и оно можетъ быть мрачно; вѣтеръ крѣпчалъ, а волны покрывались бѣлыми гребнями, то облака окрашивались въ яркій пурпуръ, вѣтеръ стихалъ, море блестѣло пурпурной поверхностью; то оно становилось зеленымъ, то бѣлымъ. Но какъ бы оно ни стихало, на берегъ набѣгали легкія волны.

Передъ солнечнымъ закатомъ Элиза увидѣла одиннадцать бѣлыхъ лебедей съ золотыми коронами на головахъ; они плавно неслись по воздуху и въ видѣ бѣлой ленты направлялись къ берегу.

Элиза поднялась на скалу и спряталась за кустомъ. Лебеди спустились вблизи отъ нея и замахали большими бѣлыми крыльями.

Какъ только скрылось солнце, упали съ нихъ лебединыя оболочки, и одиннадцать чудныхъ принцевъ, Элизиныхъ братьевъ, стояли передъ нею. Она испустила крикъ радости. Хотя они очень перемѣнились, но она тотчасъ узнала ихъ, бросилась къ нимъ въ объятія и назвала ихъ по именамъ.

Принцы съ восторгомъ смотрѣли на красавицу-сестру. Они и смѣялись, и плакали, и рассказывали другъ другу, что сдѣлала съ ними злая мачиха.

— Днемъ мы летаемъ въ видѣ лебедей, говорилъ старшій; но какъ солнце закатится, мы принимаемъ человѣческій образъ. Вотъ почему передъ закатомъ мы и торопимся на берегъ. Если бъ темнота застала насъ въ облакахъ, мы, превратившись въ людей, потонули бы въ пучинѣ морской. Живемъ мы за моремъ, въ чудной странѣ, но путь туда длиненъ, а по дорогѣ нѣтъ ни одного островка, гдѣ мы могли бы переночевать; только одна скала торчитъ среди моря, и намъ едва хватаетъ мѣста на ней улечься. Когда море неспокойно, насъ заливаютъ вода, но мы и за этотъ отдыхъ благодаримъ Бога. Если бы не было этой скалы, мы никогда не могли бы увидѣть нашей милой родины, такъ какъ для этого путешествія намъ нужно два самыхъ длинныхъ дня въ году. Только разъ въ годъ мы можемъ посѣтить родную землю и остаемся здѣсь одиннадцать дней. Тогда мы кружимся надъ замкомъ, гдѣ мы родились, и гдѣ живетъ нашъ отецъ, видимъ и высокую колокольню, гдѣ схоронена матушка. Намъ кажутся и деревья, и кусты родными; мы любуемся степными конями, какъ и въ дни нашего дѣтства, слышимъ знакомую пѣсню угольщика и вспоминаемъ, какъ мы, дѣти, танцевали подъ эти звуки. А теперь нашли и тебя, милая, добрая сестрица! Два дня мы еще можемъ здѣсь остаться, а тамъ намъ надо опять летѣть за море, въ чудную страну, гдѣ мы все-таки чужіе. Какъ намъ взять тебя съ собою?

— Нельзя-ли мнѣ васъ какъ-нибудь избавить отъ чаръ. — спросила сестра.

Они проговорили почти всю ночь и только передъ разсвѣтомъ заснули.

Элиза проснулась, услыша трепетанье лебединыхъ крыльевъ.

Братья ея обратились въ птицъ и взвились надъ нею, но младшій остался съ нею. Онъ положилъ ей голову на колѣни, а она гладила его крылья. Такъ и провели они весь день вмѣстѣ. Къ вечеру прибыли и другіе братья и съ солнечнымъ закатомъ стали людьми.

— Завтра мы улетимъ отсюда на цѣлый годъ, сказали они но тебя мы не покинемъ. Рѣшаешься ли за нами слѣдовать?

Крылья наши достаточно сильны, мы перенесемъ тебя черезъ море.

— Да, да! Возьмите меня съ собою! — сказала Элиза. Всю ночь плели они сѣть изъ гибкаго камыша и прочной ивовой коры. Сѣть вышла на славу. Элиза легла на нес и уснула. Съ солнечнымъ восходомъ братья обратились въ лебедей, взяли сѣть со спящей сестры въ клювы и полетѣли въ облака. Солнечные лучи падали ей прямо въ лицо, тогда одинъ изъ лебедей взвился надъ нею и защитилъ ее отъ солнца своими широкими крыльями.

Когда Элиза открыла глаза, земли уже не было видно. Она висѣла высоко въ воздухѣ надъ безконечнымъ моремъ, и ей казалось все это сномъ; но подлѣ нея лежала вѣтка съ прекрасными спѣлыми ягодами и пучекъ вкусныхъ кореньевъ. Это ей приготовилъ младшій изъ братьевъ. Она съ благодарностью улыбнулась ему: это онъ летѣлъ надъ нею и осѣнялъ ее своими крыльями. Они неслись такъ высоко въ воздухѣ, что громадный корабль казался чайкою, колыхавшеюся на волнахъ. Когда они пролетали мимо большого облака, Элиза увидѣла на немъ свою тѣнь и тѣнь одиннадцати лебедей исполинской величины. Но скоро солнце поднялось выше, облако осталось далеко назади, и всѣ тѣни исчезли.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Цѣлый день летѣли лебеди безъ устали съ быстротою стрѣлы, и все-таки ихъ путешествіе шло медленнѣе: имъ надо было нести сестру. Къ вечеру поднялись тучи. Элиза со страхомъ видѣла, что солнце садится, а скалы нѣтъ, какъ нѣтъ. Ей казалось, что лебеди сильнѣе взмахивали крыльями, и она упрекала себя, зачѣмъ рѣшилась летѣть. Вотъ зайдетъ солнце, они станутъ людьми, упадутъ въ воду и утонутъ.

Изъ глубины сердца молилась она Богу, но скала все не показывалась.

Свинцовыя тучи нависли надъ ними, заблестѣла молнія, загремѣлъ громъ. Солнце уже однимъ краемъ погрузилось въ море. Сердце Элизы содрогнулось; но въ этотъ моментъ лебеди бросились внизъ, такъ что у нея закружилась голова; она думала, что они падаютъ; но они опять полетѣли на своихъ могучихъ крыльяхъ; а внизу виднѣлась небольшая точка, будто тюлень выставилъ голову изъ воды... Это и была скала.

Отъ солнца оставался еще одинъ маленькій краешекъ, но нога принцессы стояла на твердой почвѣ... Угасъ и послѣдній лучъ, и Элиза упала въ объятія братьевъ.

Тѣсно имъ было на скалѣ. Буря не унималась. Море катило черезъ нихъ свои бушующія волны, но они крѣпко держались другъ за друга и молились Богу. Передъ разсвѣтомъ гроза унялась, и съ первыми солнечными лучами лебеди съ Элизою полетѣли дальше. Когда солнце поднялось выше, Элиза увидѣла передъ собою въ воздухѣ прекрасную гористую страну, съ громаднымъ замкомъ, колоннадами, пальмовыми садами и чудными цвѣтниками. Она спросила лебедей, не въ этой ли странѣ они живутъ. Но лебеди отрицательно покачали головами. Нѣтъ, это только замки Фата Морганы, гдѣ никогда не бывала нога человѣческая. Черезъ минуту и горы, и лѣса, и замокъ рушились, а на мѣстѣ ихъ стояли церкви съ высокими колокольнями и стрѣльчатыми окнами. Ей казалось, что она слышитъ звуки органа, но это гудѣло внизу расхолившееся море. Такъ чередовались измѣнчивыя картины Фата Морганы, пока Элиза не увидѣла настоящую землю съ синеватыми горами, съ кедровыми лѣсами, городами и замками.

Задолго еще до солнечнаго заката сидѣла она на скалѣ передъ пещерою, обросшею прелестными вьющимися растеніями.

— Посмотримъ, что ты сегодня увидишь во снѣ? — сказалъ ей младшій братъ, показывая ей спальню.

— Дай Богъ мнѣ увидѣть во снѣ, какъ можно васъ изба вить отъ чаръ! — отвѣтила она.

Мысль эта не давала ей покоя. Она усердно молилась Богу о помощи и даже во снѣ шептала молитву.

Вдругъ, ей представилось, что она летитъ въ замокъ Фата Морганы. Прелестная, блестящая фея вышла къ ней навстрѣчу; но она ей напомнила старушку, давшую ей ягоду и рассказавшую о лебедяхъ съ золотыми коронами.

— Ты можешь избавить твоихъ братьевъ отъ чаръ, только хватить ли у тебя мужества и терпѣнія? Это правда, что вода мягче твоихъ рукъ, а все-таки шлифуетъ камни; но вода не чувствуетъ такой боли, какую придется испытать твоимъ пальцамъ; у воды нѣтъ сердца, она не знаетъ ни страха, ни мученій, какія выпадутъ на твою долю. Видишь, я держу крапиву; ея много растетъ у той пещеры, гдѣ ты спишь, только эта крапива и годится, да еще та, что растетъ на кладбищахъ между могилами. Ты должна рвать ее, хотя бы руки твои покрылись пузырями; потомъ ты растопчешь ее ногами и получишь пряжу. Изъ этой пряжи надо тебѣ соткать одиннадцать рубашекъ съ длинными рукавами. Стоить только бросить ихъ на лебедей, и чары исчезнутъ. Только помни, что съ той минуты, когда ты начнешь эту работу, и до тѣхъ поръ, пока ее не кончишь, ты не должна сказать ни слова, хотя бы прошли годы.

Каждое, сказанное тобою, слово, отзовется смертельнымъ ударомъ въ сердцахъ твоихъ братьевъ. На твоихъ устахъ будетъ висѣть волосокъ ихъ жизни.

Фея дотронулась до руки Элизы крапивою. Элиза почувствовала жгучую боль и проснулась.

Было уже свѣтло. Подлѣ нея лежала крапива такая же, какую она видѣла во снѣ.

Она упала на колѣни, благодарила Бога за его откровеніе и вышла изъ пещеры, чтобы тотчасъ же приняться за работу.

Нѣжными руками срывала она жгучіе стебли. Больше бѣлые пузыри вскакивали на нѣжной кожѣ. Она была готова все стерпѣть, только бы освободить своихъ братьевъ. Она топтала крапиву голыми ногами и, получивъ зеленую пряжу, принялась пряхъ рубашки.

Солнце закатилось. Вернулись братья и испугались, что сестра стала нѣмою, они подумали о новыхъ чарахъ злой мачихи. Но увидѣвъ ея руки, они поняли, что она это дѣлаетъ для нихъ. Младшій братъ заплакалъ, и тамъ, куда падали его слезы, пузыри тотчасъ пропадали, и Элиза не чувствовала боли.

Всю ночь просидѣла она за работой: ей хотѣлось скорѣе спасти милыхъ братьевъ.

На другой день лебеди улетѣли; она осталась одна, но никогда время не мчалось съ такою быстротою. Одна рубашка была готова, она принималась уже за вторую.

Вдругъ, въ горахъ послышался звукъ охотничьяго рога. На принцессу напалъ страхъ. Звукъ все приближался; послышался лай собакъ. Въ страхъ принцесса бросилась въ пещеру, свѣ зала всю крапиву въ одинъ пучекъ и сѣла на него.

Въ этотъ моментъ изъ оврага выскочила одна, другая, третья собака; онѣ бросились къ пещерѣ, потомъ убѣжали и черезъ нѣсколько минутъ вернулись съ охотниками.

Впереди охотниковъ шелъ высокій стройный красавецъ, самъ король. Онъ взглянулъ на Элизу; никогда онъ не видалъ такой красавицы.

— Какъ ты сюда попала, чудесное дитя? — спросилъ онъ. Элиза покачала головой: она не смѣла говорить, она знала, что это будетъ стоить жизни ея братьямъ. Быстро спрятала она руки подъ передникъ, чтобы король не видалъ ея обжоговъ.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

— Пойдемъ со мною! — сказалъ ей король. Если ты такъ же добра, какъ прекрасна, я наряжу тебя въ шелкъ и бархатъ, вѣнчаю золотою короною, ты будешь жить въ моемъ лучшемъ замкѣ и царствовать надъ всѣми.

Дѣвушка заплакала и, ломая руки, бросилась передъ королемъ на колѣни; но онъ поднялъ ее, посадилъ на коня и проговорилъ:

— Я хочу твоего же счастья! Когда-нибудь ты меня поблагодаришь.

Съ этими словами онъ вскочилъ сзади нея на сѣдло, погналъ коня, а охотники поскакали за ними.

Солнце уже закатилось, когда они прискакали въ столицу короля, чудный городъ со множествомъ церквей и куполовъ. Король ввелъ ее въ замокъ съ прекрасными мраморными залами, съ журчащими фонтанами, росписными потолками и множествомъ картинъ на стѣнахъ. Но она ни на что не хотѣла смотрѣть, плакала и горевала. На нее одѣли роскошное платье, въ волосы вплели жемчугъ, а обожженные руки прикрыли перчатками изъ тонкой кожи.

Въ этомъ пышномъ нарядѣ она ослѣпила всѣхъ своею красотою, и придворные почтительно поклонились ей.

Король провозгласилъ ее своей невѣстой; но архіепископъ сомнительно качалъ головою и шепталъ:

— Лѣсная дѣвушка, навѣрное, колдунья; она ослѣпила глаза короля и зачаровала его сердце.

Король ничего не хотѣлъ слышать, велѣлъ позвать музыкантовъ, подать самыя лучшія блюда и окружилъ свою невѣсту прелестными дѣвушками. Ее повели въ великолѣпные залы, въ благоухающіе сады; но на устахъ ея не скользнуло ни одной улыбки, въ глазахъ виднѣлась все та же горькая печаль.

Тогда король открылъ маленькую комнату подлѣ ея спальни. Вся комната эта была завѣшена зелеными коврами и походила на пещеру; на полу лежала крапивная пряжа, а подъ потолкомъ висѣла готовая сотканная рубашка; все это захватилъ съ собою одинъ изъ охотниковъ, какъ рѣдкостную диковинку.

— Здѣсь ты можешь мечтать о прежней своей родинѣ! — сказалъ король. Вотъ и работа, которою ты занималась. Можетъ быть, среди окружающаго тебя великолѣпія тебѣ будетъ пріятно иногда перенестись въ прошлое.

Когда Элиза увидѣла все, что было дорого ея сердцу, улыбка озарила ея уста, и прежній румянецъ вспыхнулъ у нея на щекахъ. Она подумала, что освободить своихъ братьевъ, горячо поцѣловала руку короля, а онъ прижалъ ее къ своему сердцу и велѣлъ звонить во всѣ колокола, чтобы возвѣстить народу о своемъ бракосочетаніи. Прекрасная нѣмая лѣсная дѣвушка станетъ королевою всей страны.

Архіепископъ попробовалъ было передать ему свои опасенія, но король велѣлъ ему готовиться къ совершенно таинства. Тогда архіепископъ такъ сердито надвинулъ ей вѣнецъ на голову, что золотой обручъ крѣпко врѣзался въ ея нѣжное тѣло, но она не чувствовала боли: на сердцѣ у нея лежалъ еще тяжелѣйшій обручъ — глубокая тоска по братьямъ. Она не смѣла открыть рта, одно слово могло убить ея братьевъ; но зато въ глазахъ ея засвѣтилась нѣжная любовь къ молодцу красавцу королю, который всячески старался ее радовать. День ото дня онъ ей становился все дороже. Если бы только она могла ему довѣриться и передать свои страданія; но она должна была оставаться нѣмою, чтобы докончить начатое дѣло.

Ночью тайкомъ она уходила въ маленькую комнатку и ткала рубашки, одну за другою; но для седьмой не хватило пряжи. На кладбищѣ росла та крапива, изъ которой она могла прясть. Но ей самой надо было ее нарвать, а какъ уйти изъ замка?

— Я должна рѣшиться, проговорила она, — Богъ не оставитъ меня.

Со страхомъ, какъ будто совершая дурное дѣло, прокралась она въ лунную ночь черезъ садъ по безлюднымъ улицамъ на кладбище. Тамъ на могилахъ сидѣли вѣдьмы и пристально смотрѣли на нее; но она съ тихою молитвою собрала жгучую крапиву и вернулась въ замокъ. Только одинъ человекъ, архіепископъ, видѣлъ ее, возвращающуюся съ кладбища. Теперь онъ вполнѣ убѣдился, что королева вѣдьма и обворожила и короля, и народъ.

Онъ разсказалъ королю то, что онъ видѣлъ. Сомнѣніе заползло въ сердце короля. Нѣсколько ночей подрядъ онъ дѣлалъ видъ, что спитъ, а между тѣмъ, слѣдилъ за Элизой и видѣлъ, какъ она вставала и исчезала въ своей комнаткѣ. Съ каждымъ днемъ онъ становился сумрачнѣе. Элиза видѣла это, но не понимала причины. Безотчетный страхъ напалъ на нее, горячія слезы лились на королевскій пурпуръ и блестѣли, какъ алмазы. А всѣ, кто смотрѣли на эти дорогія одежды, въ сердцѣ своемъ желали быть королевою.

Работа ея подходила уже къ концу, недоставало одной только рубашки; но зато не было и пряжи, и надо было еще разъ, въ послѣдний разъ, сходить на кладбище за крапивою. Со страхомъ думала она объ этомъ путешествіи, о страшныхъ вѣдьмахъ; но итти было нужно, и она пошла.

Король съ архіепископомъ слѣдили за нею издали. Они видѣли, какъ она исчезла за рѣшеткою кладбища и хотѣли тоже итти туда, но на первой могилѣ сидѣла цѣлая толпа вѣдьмъ, и король съ отвращеніемъ отвернулся; онъ думалъ, что и Элиза вмѣстѣ съ ними.

— Пусть народъ судитъ ее! — сказалъ онъ.

Народъ произнесъ свой приговоръ: она должна была сгорѣть на кострѣ.

Ее вывели изъ прекрасныхъ королевскихъ залъ и бросили въ темную тюрьму. Вмѣсто подушки дали ей связку крапивы, собранной ею на кладбищѣ, а вмѣсто покрывала — колючія рубашки, ею самою сотканныя. Но для нея онѣ были всего дороже; она снова принялась за работу.

Вечеромъ она услышала шумъ лебединыхъ крыльевъ у тюремной рѣшетки. Это былъ младшій братъ. Онъ нашелъ сестру. Она громко зарыдала отъ радости, она знала, что эта ночь будетъ послѣднею; но зато и работа была почти окончена, и братья нашлись.

Пришелъ архіепископъ; онъ обѣщалъ королю остаться съ грѣшницей до самой ея смерти. Элиза отрицательно качала головою, съ мольбою складывала руки и знаками просила его уйти. Въ эту ночь ей непременно надо было кончить работу. Не даромъ она пролила столько слезъ, вынесла столько страданій, столько ночей не смыкала глазъ.

Архіепископъ разразился противъ нея цѣлымъ потокомъ упрековъ и ушелъ.

Элиза знала, что она невинна и съ радостнымъ сердцемъ принялась снова за свой трудъ. Маленькія мышки помогали ей, какъ могли, онѣ таскали крапиву къ ея ногамъ, а черный дроздъ сѣлъ на рѣшетку окна и пѣлъ всю ночь чудныя пѣсни, вливая въ сердце Элизы бодрость и надежду.

За часъ до восхода солнца стояли у воротъ замка одинънадцать братьевъ и требовали, чтобы ихъ представили королю.

— Нельзя, отвѣчали имъ. Еще ночь, король спитъ, и будить его нельзя.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Братья просили, умоляли, угрожали, подняли на ноги всю стражу; цѣлый часъ длились переговоры, отъ шума самъ король проснулся, вышелъ на крыльцо и спросилъ, что это значить?

Но въ эту минуту взошло солнце, отъ братьевъ не осталось и слѣда, только одиннадцать дикихъ лебедей взвились надъ крышей замка.

Толпы народа стремились за городскія ворота: всѣмъ хотѣлось видѣть, какъ сожгутъ вѣдьму. Въ телѣгу запрягли старую клячу, посадили Элизу, въ грубой холщевой одеждѣ, съ распущенными волосами, и повезли ее за городъ. Блѣдная, какъ мертвецъ, она тихо шевелила губами и торопилась окончить послѣднюю рубашку. Десять готовыхъ рубашекъ лежали у нея въ ногахъ.

Толпа осыпала ее насмѣшками.

— Посмотрите, вѣдьма шепчетъ свои заклинанія, говорили вокругъ нея. Даже передъ смертью она не можетъ оставить своей адской работы. Надо разорвать ея ткань въ куски.

Тысячи рукъ потянулись къ рубашкѣ; но въ эту минуту съ высоты небесной спустилось одиннадцать бѣлыхъ лебедей; они сѣли на край телѣги вокругъ Элизы и захлопали крыльями.

Толпа испуганно отхлынула назадъ.

— Это небесный знакъ! Она невинна, шептали многіе, но никто не смѣлъ сказать этого громко.

Палачъ схватилъ Элизу за руку. Въ ту же минуту она торопливо бросила одиннадцать рубашекъ на лебедей. Лебеди пропали. вмѣсто нихъ стояли одиннадцать красавцевъ-принцевъ, только у младшаго изъ нихъ было лебединое крыло вмѣсто руки. Элиза не успѣла соткать послѣдняго рукава рубашки.

— Теперь я могу говорить, воскликнула Элиза. Я невинна! Народъ преклонился предъ нею, какъ предъ святой, а она замертво упала на руки братьевъ.

— Да, она невинна! — сказалъ старшій братъ и рассказалъ все, что случилось.

Пока онъ говорилъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ: каждое полѣно костра дало корни и вѣтви; цѣлая куча кустовъ стояла теперь на его мѣстѣ, и каждый кустъ былъ усыянъ красными розами, а наверху надъ всѣми цвѣтами возвышалась одна роза бѣлая, блестящая, какъ звѣзда.

Король сорвалъ ее и положилъ на грудь Элизѣ. Она ожила, и сердце ея исполнилось мирнаго тихаго счастья.

Колокола на всѣхъ церквахъ сами собою зазвонили. Со всѣхъ сторонъ слетались стаи птицъ. Во дворецъ вернулся такой торжественный поѣздъ, какого не видалъ ни одинъ король въ мирѣ.

СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ.

Какіе у насъ самыя большіе листья?

Конечно, лопуха! Такой листъ можно повязать вмѣсто передника, а когда идетъ дождь, употребить его вмѣсто дождевого зонтика. Лопухъ не любитъ одиночества: гдѣ растетъ одинъ, тамъ, навѣрно, растутъ и другіе. Просто великолѣпіе! И все это великолѣпіе — любимое лакомство улитокъ.

Большія бѣлыя улитки, поѣдающія лопухъ, служили, однако же, въ былые дни сами лакомствомъ для знатныхъ людей. Изъ нихъ дѣлали фрикассэ, ѣли, облизывались и говорили:

— Гмъ, какъ это вкусно!

И, дѣйствительно, вѣрили, что это было вкусно. Вотъ почему и сѣяли лопухи.

Стоялъ старый рыцарскій замокъ, гдѣ улитокъ больше не ѣли. Улитки вымерли, но лопухи остались; они покрывали всѣ, проходы, всѣ грядки, превратились въ цѣлый лѣсъ, и ничѣмъ нельзя было ихъ остановить. Если бы не яблони и не сливы, торчавшія изъ этого моря лопуховъ, никому и въ голову бы не пришло, что здѣсь когда-то былъ фруктовый садъ. Все обратилось въ лопухи, а въ нихъ жили двѣ послѣднія древнія-предревнія улитки. Онѣ сами не знали своихъ лѣтъ, но хорошо помнили, что ихъ прежде было гораздо больше, что они происходили отъ семьи, вывезенной изъ чужихъ странъ, и что лопушинный лѣсъ насадили для нихъ и для ихъ семейства. Онѣ никогда не были дальше своего лопушника; но онѣ знали, что на свѣтѣ есть нѣчто, и что это нѣчто зовется господскимъ замкомъ. Тамъ ихъ варятъ, онѣ становятся черными, и ихъ подаютъ на серебряномъ блюдѣ. Что же дальше, онѣ и сами не знали. Вообще онѣ не могли себѣ ясно представить, что значитъ свариться и попасть на серебряное блюдо; но это должно быть очень хорошо, а главное очень почетно. Кого онѣ объ этомъ ни спрашивали, никто не могъ дать положительнаго отвѣта. Ни майскій жукъ, ни жаба, ни дождевой червякъ, потому что никого изъ нихъ никогда не варили и не подавали на серебряномъ блюдѣ.

Старыя бѣлыя улитки были самыя знатныя на свѣтѣ, это онѣ хорошо чувствовали. Лопухи существовали для нихъ, чтобы можно было ихъ варить и подавать на серебряномъ блюдѣ. Онѣ жили скромно и счастливо, и такъ какъ были бездѣны, то взяли къ себѣ обыкновенную маленькую улитку и воспитывали ее, какъ свое собственное дитя. Но маленькій сынокъ никакъ не хотѣлъ расти: онъ, вѣдь, былъ изъ простого рода, хотя старикамъ, особенно улиткѣ-матери, казалось, что она замѣчаетъ, какъ онъ выросъ. Отецъ не могъ этого видѣть, — онъ былъ слѣпъ; но мать настаивала, чтобы онъ ощупалъ раковину. Онъ щупалъ и находилъ, что мать права.

Какъ-то разъ шелъ сильный дождь.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Послушай-ка, какъ барабанить дождь по листьямъ, сказалъ отецъ.

— Вотъ такъ капли! — замѣтила мать. По стеблю такъ и бѣжитъ вода. Хорошо, что у насъ прочные домики, и у сыночка тоже есть свой собственный. Для насъ, право, сдѣлано больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ твореній въ мірѣ. Ясно, что мы призваны царствовать надъ всѣмъ. Съ самаго рожденія у насъ есть дома, и для насъ посѣянъ цѣлый лѣсъ лопуховъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ далеко онъ простирается, и что лежитъ тамъ дальше за нимъ.

— Ничего тамъ нѣтъ! — сказалъ отецъ. По крайней мѣрѣ, такого, что лучше нашихъ владѣній; да я и не желаю ничего лучшаго.

— Да, сказала мать. А я бы очень желала, чтобы меня снесли въ замокъ, сварили и подали на серебряномъ блюдѣ.

Наши предки всѣ удостоились этой чести, и я себѣ представляю, что это нѣчто чрезвычайное.

— Господскій замокъ, можетъ быть, уже разрушился, замѣтилъ отецъ; а можетъ быть, лопухи его заглушили, такъ что люди не могутъ изъ него выйти. Да это и не къ спѣху. Это только ты все спѣшишь, и нашъ малютка начинаетъ тебѣ подражать. Вотъ онъ уже три дня ползетъ по стеблю, и у меня голова кружится, когда я объ этомъ думаю.

— Не брани его! — сказала мать. Онъ, вѣдь, ползетъ осторожно. Онъ, навѣрно, доставитъ намъ въ будущемъ много радостей, у насъ, стариковъ, ничего нѣтъ въ жизни, кромѣ него. Но думаль ли ты о томъ, откуда мы возьмемъ ему жену? Какъ ты полагаешь, нѣтъ ли тамъ дальше въ лѣсу еще кого изъ нашей породы?

— Черныя улитки, я думаю, тамъ есть, отвѣтилъ отецъ. Черныя улитки безъ раковины; но онѣ слишкомъ просты для нашего сына, хотя и воображаютъ о себѣ многое. Мы можемъ поручить муравьямъ разузнать объ этомъ. Они вѣчно суетятся, какъ будто у нихъ ни вѣсть какія дѣла. Имъ всего легче разыскать жену нашему сыну.

— Конечно, я знаю красавицу, отвѣчалъ одинъ изъ муравьевъ; только боюсь, что это дѣло неподходящее, такъ какъ она королева.

— Это ничего не значить, отвѣчали старики. Есть ли у нея домъ?

— У нея цѣлый замокъ, отвѣчалъ муравей. Прекраснѣйшая муравьиная куча съ семью сотнями ходовъ.

— Благодаримъ покорно! Не доставало, чтобы нашъ сыночекъ отправился въ муравьиную кучу. Лучше мы поручимъ это дѣло комарамъ, они летаютъ повсюду и знаютъ нашъ лѣсъ вдоль и поперекъ.

— У насъ есть жена для него! — протрубили комары. Въ ста человѣческихъ шагахъ отсюда на можжевелевомъ куствѣ сидитъ маленькая улиточка съ домомъ. Она сиротка и въ такомъ воз растѣ, чтобы вытти замужъ.

— Да, да, пусть она придетъ сюда! — сказали старики. У него цѣлый лѣсъ, а у нея одинъ только куствъ.

Послали за маленькою барышнею-улиткою. Она шла цѣлыхъ восемь дней; но въ этомъ-то и было ея достоинство, по этому можно было судить, что она самой чистой крови.

Сыграли свадьбу. Шесть свѣтлячковъ свѣтили, какъ могли. Все остальное прошло довольно чинно, потому что старыя улитки не любили шума и не выносили громкаго веселья. Но зато улитка-мать сказала прекрасную рѣчь; отецъ не могъ говорить, онъ былъ слишкомъ растроганъ. Старики отказали молодымъ въ наслѣдство весь лѣсъ лопуховъ и повторили при этомъ то, что они всегда говорили: что этотъ лѣсъ лучшее, что только можетъ быть на свѣтѣ, и если онѣ будутъ жить честно и добропорядочно, то могутъ попасть

впослѣдствіи со своими дѣтьми въ господскій замокъ, гдѣ ихъ сварятъ и подадутъ на серебряномъ блюдѣ.

Послѣ этой рѣчи старики ушли въ свои домики и никогда больше не показывались: — они уснули.

Молодая чета царствовала теперь въ лѣсу и расплодила большое потомство. Никого изъ нихъ не сварили, никто изъ нихъ не попалъ на серебряное блюдо. Изъ этого онѣ заключили, что господскій замокъ разрушился, и что всѣ люди на свѣтѣ повымерли. Никто имъ не возражалъ, слѣдовательно, это была истина.

Дождь падалъ на лопухи для нихъ, чтобы барабанить имъ музыку. Солнце свѣтило тоже для нихъ и окрашивало лопухи въ зеленый цвѣтъ. Сами же онѣ чувствовали себя очень сча стливыми, и все семейство ихъ пользовалось счастіемъ, безконечнымъ счастіемъ.

АНГЕЛЬ.

Каждый разъ, когда умираетъ доброе дитя, ангелъ Божій слетаетъ на землю, беретъ умершее дитя на руки, распускаетъ широкія бѣлыя крылья, летитъ надъ всѣми любимыми мѣстами ребенка и срываетъ пучекъ цвѣтовъ. Эти цвѣты онъ несетъ на небо къ Богу, чтобы они цвѣли еще пышнѣе, чѣмъ на землѣ. Милосердный Богъ прижимаетъ всѣ цвѣты къ сердцу, а тотъ цвѣтокъ, который Ему пріятнѣе всѣхъ остальныхъ, Онъ цѣлуетъ, и цвѣтокъ получаетъ голосъ и поетъ вмѣстѣ съ другими ангелами. Все это рассказывалъ ангелъ ребенку, котораго онъ несъ на небо, и ребенокъ слушалъ его, какъ во снѣ. Они пролетали надъ тѣми мѣстами, гдѣ ребенокъ игралъ, и видѣли сады съ прекрасными цвѣтами.

— Которые же изъ этихъ цвѣтовъ мы возьмемъ на небо? — спросилъ ангелъ.

Они увидѣли прекрасную стройную розу, но недобрая рука сломала ея стебель, и всѣ вѣтви съ полураспустившимися бутонами висѣли засохшія.

— Бѣдная роза! — сказало дитя. Возьми ее, пусть она распустится тамъ у Бога.

Ангелъ взялъ розу, поцѣловалъ ребенка, а малютка полуоткрылъ глаза. Они сорвали пышные цвѣты, но взяли съ собой и скромный одуванчикъ, и дікую фіалку.

— Вотъ сколько у насъ теперь цвѣтовъ, сказали ребенокъ. Ангелъ кивнулъ головой, но не полетѣлъ еще къ Богу. Надъ городомъ стояла глубокая тихая ночь, и они спустились въ одинъ изъ узкихъ переулковъ, гдѣ лежали кучи соломы, пепла и мусора въ перемежку съ разбитыми тарелками, кусками гипса, тряпками и всякимъ старьемъ.

Ангелъ показалъ на разбитый горшокъ и на комокъ земли съ корнями засохшаго полевого цвѣтка.

— Эти корни мы тоже возьмемъ съ собою, сказалъ ангелъ, и я расскажу тебѣ почему. Въ этомъ узенькомъ переулкѣ въ подвальномъ этажѣ жилъ бѣдный больной мальчикъ; съ дѣтства онъ не вставалъ съ постели, только когда онъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, онъ могъ разъ, два пройти на костыляхъ по комнатѣ, вотъ и все.

Въ лѣтніе дни солнечные лучи съ полчаса виднѣлись на полу подвала; тогда бѣдный мальчикъ просилъ посадить его на солнце, подымалъ руку и смотрѣлъ, какъ просвѣчивала кровь въ тонкихъ прозрачныхъ пальцахъ. Въ эти дни мальчикъ говорилъ обыкновенно, что «гулялъ». Онъ зналъ лѣсъ съ чудною его весеннею зеленью только по рассказамъ сына сосѣда, приносившего ему первую букую вѣтвь. Вѣтвь эту онъ держалъ

надъ споею головою и мечталъ, что гуляетъ подъ буковыми деревьями, гдѣ сіяетъ солнце и поютъ птицы. Разъ какъ-то весною сосѣдъ, принесъ ему пучекъ полевыхъ цвѣтовъ;и одинъ изъ нихъ оказался съ корнемъ! Его посадили въ цвѣточный горшокъ и поставили у самой кровати на окно. Съ легкой руки посадили цвѣтокъ. Онъ сталъ расти, пустилъ новые побѣги и цвѣлъ каждый годъ. Для больного мальчика это былъ цѣлый цвѣтникъ, единственное сокровище на землѣ.Онъ поливалъ его, лелѣялъ и заботился, чтобы цвѣтокъ получилъ всѣ солнечные лучи, которые проникали въ низенькое окно. Онъ даже и во снѣ видѣлъ свой цвѣтокъ, для него онъ цвѣлъ, благоухалъ, радовалъ его взоры. Съ него не спускалъ онъ глазъ и въ часъ смерти, когда Господь позвалъ его къ Себѣ.

Цѣлый годъ онъ былъ уже у Бога, цѣлый годъ забытый цвѣтокъ стоялъ на окнѣ и засохъ; его выбросили, при переѣздѣ, на улицу, въ кучу мусора. И этотъ бѣдный засохшій цвѣтокъ мы взяли въ свой букетъ; онъ доставилъ больше радости, чѣмъ самый пышный въ королевскомъ саду.

— Откуда ты все это знаешь? — спросило дитя.

— Я знаю это, сказалъ ангелъ, потому что я самъ бѣдный больной мальчикъ на костыляхъ, я хорошо знаю свой цвѣтокъ.

Дитя широко открыло глаза и посмотрѣло въ чудные радостные глаза ангела.

Въ это мгновеніе они были уже у Бога на небѣ, гдѣ царствовали радость и блаженство. Богъ прижалъ мертвое дитя къ сердцу, у него выросли крылья, какъ у другого ангела, и онъ полетѣлъ съ нимъ рука объ руку. Богъ прижалъ также къ сердцу и цвѣты, а бѣдный засохшій полевой цвѣтокъ поцѣловалъ. У него явился голосъ, и онъ запѣлъ съ ангелами, окружавшими Бога. И всѣ они пѣли, и маленькіе, и большіе, и доброе благословенное дитя, и бѣдный выброшенный въ узкомъ переулкѣ засохшій цвѣтокъ.

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИКЪ.

Жили были двадцать пять братьевъ, оловянныхъ солдатиковъ, связанныхъ узами родства, такъ какъ они всѣ родились изъ одной старой оловянной ложки. Они держали ружье въ рукѣ и смотрѣли прямо. Мундиры ихъ были синіе съ краснымъ.

Первое, что они услышали, когда сняли крышку съ ихъ ящика, было: «Оловянные солдатики!» — такъ воскликнулъ маленькій мальчикъ: онъ получилъ ихъ въ подарокъ въ день своего рожденія и разставилъ на столѣ.

Всѣ солдаты походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды, только на одного изъ нихъ, на послѣдняго, не хватило олова; впрочемъ, онъ и на одной

ногѣ стоялъ такъ же стойко, какъ другіе на двухъ, и онъ-то именно и оказался самымъ замѣчательнымъ.

На столѣ, гдѣ ихъ разставили, было много другихъ игрушекъ; но всего больше бросался въ глаза прелестный картонный замокъ. Въ маленькія окошечки можно было видѣть его залы, а передъ нимъ стояли деревца вокругъ маленькаго зеркала, имевшаго видъ прозрачнаго озера. Восковые лебеди плавали по озеру и смотрѣлись въ него. Все это имѣло прелестный видъ; но всего прелестнѣе была маленькая дама, стоявшая въ открытыхъ дверяхъ замка. Она тоже была изъ бумаги, но въ тонкомъ бѣломъ батистовомъ платьѣ и съ узенькою голубою лентою на плечахъ; на лентѣ сидѣла блестка въ видѣ розетки такой же

величины, какъ лицо маленькой дамы. Она простирала руки впередъ, потому что была танцовщицей, и высоко подняла одну ногу. Оловянный солдатикъ подумаль, что у нея, какъ и у него, только одна нога.

— Вотъ бы была мнѣ жена, подумаль онъ. Но она слишкомъ знатна, она живетъ въ замкѣ, а у меня только ящичекъ, да и въ немъ насъ двадцать пять. Тамъ ей не мѣсто. Но все-таки я съ нею познакомлюсь.

Онъ легъ во всю длину за табакеркою, стоявшею на столѣ. Отсюда онъ могъ спокойно любоваться маленькою прекрасною дамою, стоявшею на одной ногѣ, не теряя равновѣсія.

Насталь вечеръ. Оловянныхъ солдатиковъ убрали въ ящикъ. Въ домѣ всѣ легли спать. Тогда игрушки сами стали играть и въ гости, и въ войну, и въ балъ. Оловянные солдатикъ шумѣли въ ящикѣ, имъ тоже хотѣлось къ другимъ, но они не могли поднять крышки. Щелкунъ кувырчался, грифель забавлялся съ доской; отъ шума проснулась канарейка и стала сочинять стихи. Только оловянный солдатъ и танцовщица не трогались съ мѣста. Она стояла на носкѣ съ распростертыми руками, онъ стойко держался на одной ногѣ и не сводилъ съ нея глазъ.

Часы пробили двѣнадцать. Хлопъ! Открылась табакерка, и оттуда вмѣсто табаку выскочилъ маленькій черный кобольдъ. Это была табакерка съ фокусомъ.

— Оловянный солдатикъ, проговорилъ кобольдъ: не смотри на то, что до тебя не касается.

Но солдатикъ сдѣлаль видъ, что ничего не слышитъ.

— Ну, подожди только до завтра! — крикнулъ кобольдъ. Утромъ, когда дѣти встали, оловяннаго солдатика поставили на окно. По волѣ ли кобольда, или отъ сквозного вѣтра, только окно распахнулось, и солдатикъ полетѣлъ изъ третьяго этажа внизъ. Это было ужасное путешествіе, онъ поднялъ ногу вверхъ, а штыкомъ завязъ между камнями мостовой.

Маленькій мальчикъ въ сопровожденіи горничной тотчасъ же сошелъ внизъ, чтобы искать солдатика; они были такъ близко къ нему, что чуть не наступили на него и все-таки его не видали. Если бы солдатикъ крикнулъ имъ: «Я здѣсь!», они навѣрное нашли бы его. Но онъ считаль неприличнымъ кричать, такъ какъ былъ въ мундирѣ.

Пошелъ дождь. Капли падали все чаще, и наконецъ разразился ливень. Когда дождь прошелъ, прибѣжали двое уличныхъ мальчишекъ.

— Смотри, смотри! — сказалъ одинъ: оловянный солдатикъ, онъ будетъ путешествовать въ лодкѣ.

Они сдѣлали изъ газеты лодку, посадили въ нее солдатика, и онъ поплылъ по водосточной канавкѣ. Мальчишки бѣжали рядомъ и хлопали въ ладоши. Боже мой! Что за волны вздымались въ канавкѣ, цѣлый штормъ! Бумажная лодка колыхалась изъ стороны въ сторону и такъ быстро вертѣлась, что оловянный солдатикъ невольно содрогался. Но онъ остался стойкимъ, не измѣнился въ лицѣ, смотрелъ прямо впередъ и держаль ружье въ рукѣ.

Вдругъ, лодка попала въ длинный проходъ подъ мостикомъ, гдѣ было такъ же темно, какъ въ прежнемъ его ящикѣ.

— Куда я теперь попаду? — думаль онъ. Да, да! во всемъ виноватъ кобольдъ!

Въ эту минуту онъ увидалъ большую водяную крысу, жившую въ темномъ проходѣ.

— Есть у тебя паспортъ? — спросила крыса. Давай его сюда!

Но оловянный солдатикъ промолчалъ и только крѣпче прижалъ ружье.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Лодка поплыла дальше, а крыса послѣдовала за ней. Ухъ, какъ она щелкала зубами и кричала щепкамъ и соломинкамъ:

— Держите, держите его! Онъ не заплатилъ пошлины, онъ не показалъ паспорта!

Течение становилось все сильнѣе и сильнѣе. Темный проходъ кончился, и опять стало свѣтло. Но оловянный солдатикъ услыхалъ шумъ падающей воды, а это могло устроить и самого храброго человѣка. Водосточная труба вливалась въ большую канаву. Для солдатика это было такъ же опасно, какъ для насъ плыть внизъ по громадному водопаду.

Лодка попала въ водоворотъ. Бѣдный солдатикъ собралъ всѣ свои силы и держался прямо, онъ не моргнулъ и глазомъ. Лодка повернулась разъ, другой, третій и наполнилась водою до краевъ; она должна утонуть. Вода поднялась солдатiku до горла; бумага все больше размокала; лодка опускалась все глубже, и, наконецъ, солдатика покрыло съ головою.

Онъ подумалъ о маленькой прелестной танцовщицѣ, которую онъ никогда не увидитъ. Въ ушахъ его звучало:

— «О, славный воинъ, тебя ждетъ гибель!» Онъ пошелъ ко дну, но въ ту же минуту проглотила его большая рыба. Какъ темно было въ рыбьемъ желудкѣ, гораздо темнѣе, чѣмъ подъ водосточнымъ мостикомъ и притомъ было такъ тѣсно. Но оловянный солдатикъ не потерялъ стойкости и лежалъ во всю длину съ оружіемъ въ рукахъ.

Рыба плавала взадъ и впередъ, дѣлала всевозможныя движенія и, наконецъ, затихла. Въ глазахъ у солдатика блеснула точно молнія, потомъ стало свѣтло, и какой-то голосъ воскликнулъ:

— Да это оловянный солдатикъ!

Рыбу поймали, продали на рынкѣ и принесли въ кухню, гдѣ кухарка разрѣзала ее большимъ ножомъ. Она взяла солдатика двумя пальцами поперекъ туловища и принесла въ комнаты, гдѣ всемъ хотѣлось посмотреть на человѣчка, путешествовавшего въ рыбьемъ желудкѣ.

Но солдатикъ не возгордился. Его поставили на столъ и, — вотъ какія чудеса бывають на свѣтѣ! — онъ очутился въ той же комнатѣ, гдѣ онъ былъ и прежде. Онъ видѣлъ тѣхъ же дѣтей, тѣ же игрушки, тотъ же чудный замокъ съ прелестною маленькою танцовщицею. Она все еще стояла на одной ногѣ и поднимала другую высоко въ воздухъ; она тоже отличалась стойкостью. Это растрогало оловянного солдатика, онъ готовъ былъ заплакать оловянными слезами, но это было бы неприлично. Онъ смотрѣлъ на нее, но она ничего не говорила.

Тогда одинъ изъ маленькихъ мальчиковъ схватилъ солдатика и, самъ не зная зачѣмъ, бросилъ его въ пѣчку. Вѣроятно, злой кобольдъ былъ всему виною.

Солдатикъ стоялъ озаренный свѣтомъ и чувствовалъ страшный жаръ. Съ него сошли краски, и никто не могъ сказать, случилось ли это во время путешествія или теперь отъ горя. Онъ смотрѣлъ на танцовщицу, она на него, и онъ чувствовалъ, что таетъ, но все-таки стойко держался съ оружіемъ въ рукахъ. Вдругъ открылась дверь, вѣтеръ подхватилъ танцовщицу, и она, какъ сильфида, полетѣла въ печку. Тамъ ее охватило пламя, и въ одну секунду ея не стало. Тогда и оловянный солдатикъ растаялъ и обратился въ комокъ. На другой день горничная нашла въ золѣ только маленькое оловянное сердечко, а отъ танцовщицы осталась только розетка, черная, какъ уголь.

СОЛОВЕЙ

то случилось давно, много лѣтъ тому назадъ, но потому-то и стоитъ послушать эту исторію, пока она еще не позабылась. Въ Китаѣ, ты, вѣдь, знаешь, и императоръ китаецъ, и всѣ окружающіе его тоже китайцы. Такъ вотъ у китайскаго императора былъ великолѣпнѣйшій дворецъ изъ самаго тонкаго, самаго драгоцѣннаго фарфора, но такого ломкаго, что страшно было до него до тронуться. Въ саду красовались чудеснѣйшіе цвѣты, и къ самымъ пышнымъ изъ нихъ были привѣшены серебряные колокольчики; они постоянно звенѣли, чтобы никто не прошелъ мимо, не замѣтивъ этихъ цвѣтовъ. Да, все въ императорскомъ саду было устроено съ тонкимъ расчетомъ. А про стирался садъ такъ далеко, что даже самъ садовникъ не зналъ, гдѣ его конецъ. За садомъ былъ прекрасный лѣсъ съ высокими деревьями и глубокими озерами; лѣсъ же тянулся до самаго синяго моря. Большіе корабли проплывали подъ вѣтвями деревьевъ, а въ вѣтвяхъ этихъ жилъ соловей.

Онъ такъ прекрасно пелъ, что даже бѣдный рыбакъ, выѣзжавшій въ море закидывать сѣти, оставлялъ свое дѣло и слушалъ.

— Ахъ, Господи, какъ это хорошо! — говорилъ рыбакъ. Но долго слушать ему не приходилось, онъ брался за сѣти и забывалъ о птицѣ. Когда на слѣдующую ночь соловей опять пѣлъ свои чудныя пѣсни, рыбакъ опять восклицалъ:

— Ахъ, Господи, какъ это хорошо!

Со всѣхъ концовъ свѣта пріѣзжали путешественники въ городъ императора, восхищались и городомъ, и дворцомъ, и садомъ, но, если имъ удавалось слышать пѣніе соловья, всѣ они говорили:

— Это лучше всего!

По возвращеніи домой, путешественники рассказывали обо всемъ, что видѣли, а ученые писали много книгъ и о городѣ, и о дворцѣ, и о садѣ; не забывали они и соловья, хвалили его больше всего. Поэты же писали звучные стихи о соловьѣ въ лѣсу, у глубокаго моря.

Книги странствовали по свѣту; нѣкоторыя изъ нихъ попали къ императору. Онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ и читалъ, и читалъ. Каждую минуту онъ кивалъ головою, его радовали прекрасныя описанія города, дворца и сада. Но въ книгахъ говорилось, что «лучше всего этого — соловей!»

— Что это? — сказалъ императоръ. Соловья-то я вовсе не знаю. Такая птица живетъ въ моей имперіи, даже въ моемъ саду, а я ничего объ этомъ не слыхалъ, узнаю ней только изъ книгъ!

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Онъ позвалъ своего камергера. Камергеръ былъ такъ гордъ, что если кто-нибудь ниже его чиномъ рѣшался съ нимъ заговорить или спросить его о чемъ-нибудь, онъ отвѣчалъ только «Пъ»! А это равно ничего не значило.

— Здѣсь, говорятъ, въ высшей степени замѣчательная птица, ее называютъ соловьемъ? — сказалъ императоръ. Говорятъ, что онъ лучше всего существующаго въ моей обширной имперіи. Отчего же мнѣ никто объ этомъ не доложилъ?

— Я никогда не слышалъ этого имени, отвѣчалъ камергеръ, онъ никогда не былъ представленъ при дворѣ.

— Я желаю, чтобы сегодня вечеромъ онъ явился во дворецъ и пропѣлъ мнѣ. Весь свѣтъ знаетъ, что у меня есть такая рѣдкость, а я самъ этого не знаю.

— Я никогда ничего про него не слыхивалъ, оправдывался камергеръ, но я буду искать его, я найду его!

Но гдѣ было его найти? Камергеръ бѣгалъ сверху внизъ по лѣстницамъ, пробѣгалъ по заламъ и корридорамъ; но никто изъ тѣхъ, кого онъ встрѣчалъ, ничего не слыхалъ о соловьѣ.

Тогда камергеръ снова явился къ императору и сказалъ, что это, вѣроятно, сказки, сочиненныя тѣми, кто писалъ книги.

— Ваше императорское величество не можете себѣ представить, что пишутъ въ книгахъ, и все это выдумки, и все это не что иное, какъ чернокнижье.

— Книга, въ которой я прочелъ это, прислана мнѣ могущественнѣйшимъ императоромъ Японіи, слѣдовательно, въ ней не можетъ быть лжи. Я хочу слышать соловья; сегодня вечеромъ онъ долженъ быть здѣсь; онъ пользуется высшимъ моимъ благорасположеніемъ. Если же его не будетъ, весь дворъ послѣ ужина попробуетъ бамбуковъ.

— Дзингъ пе! — отвѣчалъ камергеръ.

Онъ снова побежалъ сверху внизъ по лѣстницѣ, бѣгалъ по заламъ и корридорамъ, весь дворъ вмѣстѣ съ нимъ бѣгалъ, никому не хотѣлось попробовать бамбуковъ. Всѣхъ спрашивали объ удивительномъ соловьѣ, котораго зналъ весь свѣтъ и о которомъ никто ничего не слыхалъ при дворѣ. Наконецъ, въ кухнѣ наткнулись они на маленькую бѣдную дѣвочку. Она отвѣчала:

— Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ не знать соловья! Ужъ и какъ же онъ поетъ! Каждый день позволяютъ мнѣ носить остатки отъ стола моей бѣдной матери! Живетъ она на самомъ берегу моря. На возвратномъ пути я сажусь въ лѣсу отдохнуть и слушаю тогда соловьиныя пѣсни. Отъ этихъ пѣсенъ слезы выступаютъ у меня на глазахъ, и мнѣ кажется, что мать моя цѣлуетъ меня.

— Послушай, дѣвочка, сказалъ камергеръ, я выхлопочу тебѣ мѣсто на кухнѣ и позволеніе смотрѣть, какъ императоръ обѣдаетъ, только сведи насъ скорѣе къ соловью; онъ приглашенъ сегодня во дворецъ.

Весь дворъ послѣдовалъ за дѣвочкой въ лѣсъ, гдѣ соловей обыкновенно пѣлъ свои пѣсни.

Вдругъ, гдѣ-то на пути замычала корова.

— О! — сказали придворные. Вотъ онъ! Какая удивительная сила въ такомъ маленькомъ животномъ! Но это мы и прежде слышали...

— Нѣтъ, это мычитъ корова, сказала дѣвочка. Мы еще далеко отъ соловья.

Тутъ заквакали лягушки въ ближнемъ болотѣ.

— Превосходно! — замѣтилъ китайскій проповѣдникъ. Это непременно соловей! Онъ звенить, какъ маленькій колокольчикъ.

— Нѣтъ, это лягушка! — сказала дѣвочка. Но теперь мы скоро услышимъ соловья.

Въ эту минуту раздалась соловьиная трель.

— Вотъ онъ! — сказала дѣвочка. Слушайте, слушайте! Вотъ онъ сидитъ.

Она указала на маленькую сѣрую птичку въ вѣтвяхъ дерева.

— Возможно ли? — воскликнулъ камергеръ, такимъ я его совсѣмъ не представлялъ. Какой онъ безцвѣтный! Онъ, вѣрно, поблѣднѣлъ отъ того, что видитъ столько знатныхъ людей.

— Соловушка! — закричала дѣвушка. Его величество, милостивый нашъ императоръ, желаетъ слышать твое пѣніе.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! — отвѣчалъ соловей. Онъ такъ запѣлъ, что все хотѣлось его слушать.

— Его пѣсня звучитъ, какъ стеклянные колокольчики, сказалъ камергеръ. Посмотрите, какъ онъ работаетъ своимъ маленькимъ горлышкомъ. Удивительно, что мы его до сихъ поръ никогда не слышали. Онъ будетъ имѣть большой успѣхъ при дворѣ.

— Пѣть мнѣ еще что-нибудь его величеству? — спросилъ соловей.

Онъ думалъ, что императоръ тоже его слушаетъ.

— Милѣйшій соловушко! — сказалъ камергеръ. Я имѣю особое удовольствіе пригласить васъ сегодня вечеромъ на придворный праздникъ. Тамъ вы, навѣрное, очаруете вашимъ прелестнымъ пѣніемъ его императорское величество.

— Мое пѣніе всего лучше слушать въ лѣсу! — отвѣчалъ соловей.

Но онъ все-таки очень охотно полетѣлъ съ ними, услышавъ, что императоръ желаетъ познакомиться съ нимъ.

Во дворцѣ все приняло праздничный видъ. Нѣсколько тысячъ золотыхъ лампъ отражались въ блестящихъ фарфоровыхъ стѣнахъ, въ потолокъ и въ полу. Самые роскошные цвѣты съ серебряными колокольчиками были разставлены въ проходахъ. Повсюду бѣготня, повсюду сквозной вѣтеръ и такой звонъ колокольчиковъ, что нельзя было слышать своихъ собственныхъ словъ.

Посреди большого зала, гдѣ сидѣлъ императоръ, поставили золотой нашествъ для соловья.

Весь дворъ былъ налицо, и даже маленькая дѣвочка, получившая званіе дѣйствительной придворной кухарки, стояла за дверью. Всѣ были въ парадной одеждѣ, всѣ смотрѣли на маленькую сѣрую птичку, а императоръ кивнулъ ей головою.

Соловей пѣлъ такъ хорошо, что у императора выступили на глазахъ слезы и потекли по щекамъ. Тогда соловушко запѣлъ еще лучше, его пѣсня доходила до сердца.

Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ; онъ пожаловалъ пѣвца своею золотою туфлею и разрѣшилъ носить ее на шеѣ.

Соловей поблагодарилъ и сказалъ, что онъ и такъ достаточно вознагражденъ.

— Я видѣлъ слезы на глазахъ моего императора, и это для меня высшая награда. Слезы императора обладаютъ особою сплюю; Богъ видитъ, что я достаточно вознагражденъ.

Онъ опять запѣлъ своимъ чуднымъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Это прелестнѣйшее кокетство въ свѣтѣ! — говорили дамы. Онѣ набрали въ ротъ воды, чтобы выдѣлывать трели по соловьиному, когда съ ними заговарятъ.

Даже лакеи и горничныя остались довольны, а это много значить, ихъ-то труднее всего удовлетворить. Словомъ, соловей имѣлъ полнѣйшій успѣхъ. Онъ долженъ былъ

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

теперь остаться при дворѣ, имѣть свою собственную клѣтку и пользоваться свободною прогулкою два раза въ день и одинъ разъ ночью. При этомъ его сопровождали двѣнадцать слугъ, и всѣ они крѣпко его держали за шелковую ленточку, привязанную къ ногѣ. Нельзя сказать, чтобы подобныя прогулки были особенно пріятны.

Весь городъ говорилъ объ удивительной птицѣ, и если встрѣчались двое, то одинъ произносилъ «соло», другой под хватывалъ «вей», оба они вздыхали и понимали другъ друга!

Разъ какъ-то императоръ получилъ большой пакетъ; на немъ стояло «соловей».

— Вотъ и еще одна новая книга о нашей знаменитой птицѣ, сказалъ императоръ.

Но это была не книга, а маленькое чудо искусства, лежавшее въ ящикѣ: искусственный соловей, совсѣмъ похожій на настоящаго, только украшенный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Какъ только заводили искусственную птичку, она начинала пѣть, какъ настоящая, причемъ двигала хвостомъ вверхъ и внизъ и блестяла серебромъ и золотомъ. Вокруг, шеи висѣла ленточка, на ней было написано: «Соловей императора Японіи ничто передъ соловьемъ китайскаго императора».

— Это прекрасно! — сказали всѣ.

Тотъ, кто доставилъ искусственную птицу, получилъ званіе «оберъ-соловьеносителя».

— Пусть оба соловья споютъ вмѣстѣ. Это будетъ прекрасный дуэтъ! — сказалъ императоръ.

И они запѣли вмѣстѣ, но изъ этого ничего не вышло. На стоящій соловей пѣлъ по-своему, а искусственный по-заведенному.

— Это не его вина, говорилъ оберъ-соловьеноситель, мой соловей особенно вѣрно держитъ тактъ; онъ поетъ по моей школѣ.

Тогда заставили искусственнаго соловья пѣть одного. Онъ имѣлъ такой же успѣхъ, какой настоящій, и былъ при этомъ гораздо красивѣе: онъ блестялъ, какъ браслеты и брошки.

Тридцать три раза онъ спѣлъ одну и ту же пѣсню и не усталъ. Всѣ охотно послушали бы его и еще, но императоръ нашелъ, что теперь можетъ спѣть что-нибудь и живой.

Но гдѣ же онъ? Никто не замѣтилъ, какъ онъ улетѣлъ черезъ открытое окно въ зеленые лѣса.

— Что это такое? — возразилъ императоръ. Всѣ придворные разразились упреками, находя, что соловей — неблагоприятное животное.

— Но лучшая птица осталась у насъ, утѣшали они себя. Искусственный соловей долженъ былъ опять пѣть, и въ тридцать четвертый разъ они услышали одну и ту же пѣсню. Но они все-таки не знали ея наизусть, она была слишкомъ замысловата.

Оберъ-соловьеноситель чрезвычайно хвалилъ свою птицу. онъ увѣрялъ, что она лучше соловья, не только по наружности. по множеству бриллиантовъ, но и по внутреннему своему устройству.

— Видите ли вы, ваше императорское величество, и вы всѣ, господа, у настоящаго соловья никогда нельзя впередъ разсчитать, что будетъ, а у искусственной птицы все впередъ опредѣлено и разсчитано; все можно объяснить, можно открыть его; показать валики, какъ они вертятся, и какъ одно слѣдуетъ изъ другого.

— Мы тоже такъ думаемъ, подтвердили всѣ. Оберъ-соловьеноситель получилъ позволеніе въ слѣдующее воскресенье показать соловья народу.

— Пусть народъ тоже слышитъ его пѣсни! — приказалъ им ператоръ.

И народъ услышалъ соловья. Онъ пришелъ въ такой восторгъ, какъ будто опился чаемъ. Всѣ сказали: «О!» подняли указательные пальцы кверху и закивали головами. Только бѣдные рыбаки, слышавшіе настоящаго соловья, шептали:

— Это тоже очень мило! И напѣвъ какъ будто похожъ, а все-таки чего то недостаетъ. А чего? Мы и сами не знаемъ.

Настоящаго соловья изгнали изъ имперіи, искусственному же назначили мѣсто на шелковой подушкѣ у самой императорской кровати. Около него лежали всѣ полученные имъ подарки, золото и драгоценные камни. Его произвели въ званіе «придворнаго императорскаго ночного пѣвца», и по рангу онъ имѣлъ номеръ первый съ лѣвой стороны, такъ какъ у императора самую знатною стороною считается та, гдѣ сердце, а сердце и у императоровъ лежитъ слѣва.

Оберъ-соловьеноситель написалъ цѣлое сочиненіе въ двадцать пять томовъ объ искусственномъ соловьѣ. Оно было учено, длинно, полно самыхъ трудныхъ китайскихъ словъ. Всѣ говорили, что читали его и понимали, иначе ихъ назвали бы дураками, да еще, пожалуй, угостили бы бамбукомъ.

Такъ прошелъ годъ. Императоръ, весь дворъ и всѣ другіе китайцы знали наизусть каждое колѣно пѣсни искусственнаго соловья; и это-то именно имъ лучше всего и нравилось. Они могли сами подпѣвать, что они и дѣлали. Уличные мальчишки пѣли «чѣи-чи-чи, клюкъ-клюкъ-клюкъ!» и императоръ пѣлъ тоже. Да, это было просто великолѣпно!

Какъ-то вечеромъ, какъ только соловей распѣлся, а императоръ лежалъ въ постели и слушалъ его, вдругъ, внутри что-то щелкнуло. Пружина соскочила, трръ, всѣ колеса завертѣлись, и музыка смолкла.

Императоръ соскочилъ съ кровати и велѣлъ позвать лейбъ-медика, но чѣмъ онъ могъ помочь? Тогда привели часовщика и, послѣ долгихъ переговоровъ и осмотровъ, онъ кое-какъ починилъ птицу; но замѣтилъ, что ее надо беречь: шипы на валикахъ пообтерлись, и невозможно вставить новые такъ, чтобы музыка играла попрежнему.

Всѣ были въ большомъ горѣ. Только разъ въ годъ заводили искусственнаго соловья; но и этого было много.

Прошло пять лѣтъ. Страну постигло великое несчастье. Любимый китайскій императоръ лежалъ больной, и поговаривали, что ему недолго осталось жить. Уже избрали новаго императора, а народъ стоялъ на улицѣ и спрашивалъ камергера, каково себя чувствуетъ старый?

— «Пъ!» отвѣчалъ онъ и покачалъ головою.

Холодный, блѣдный лежалъ императоръ на своей большой великолѣпной постели. Весь дворъ думалъ, что онъ умираетъ, и каждый поспѣшилъ сбѣгать на поклонъ къ новому императору.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Камердинеры выбѣжали изъ залъ и болтали о событіяхъ дня, а у камерфрау собралось цѣлое общество гостей. Въ залахъ и переднихъ постлали сукно, чтобы не слышать шаговъ, и потому вездѣ царствовала тишина.

Но императоръ не умеръ. Неподвижный, съ закрытыми глазами, лежалъ онъ въ постели съ длинными бархатными занавѣсами и съ тяжелыми золотыми кистями.

Высоко сверху въ открытое окно свѣтилъ мѣсяцъ и освѣщалъ императора и искусственного соловья. Бѣдный императоръ едва дышалъ; ему казалось, что что-то сидитъ у него на груди. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ у себя на груди смерть. Она надѣла себѣ на голову его золотую корону, взяла въ одну руку его саблю, а въ другую — прекрасное его знамя. Изъ всѣхъ складокъ бархатныхъ занавѣсей выглядывали странные головы: однѣ безобразныя, другія милыя и кроткія. Это были добрыя и дурныя дѣла императора, смотрѣвшія на него теперь, когда смерть сидѣла у него на сердцѣ.

— Помнишь ты это? Вспоминаешь ты то? — шептали они одно за другимъ.

Отъ ихъ разсказовъ холодный потъ струился по лбу императора.

— Такой муки я никогда не знавалъ! — проговорилъ императоръ. Музыку, музыку! Большой барабанъ, чтобы заглушить ихъ разговоры!

Но они продолжали говорить свое, а смерть, какъ китаецъ, кивала головою на ихъ рѣчи.

— Маленькая, чудная золотая птичка! Пой же, пой! Я подарилъ тебѣ золото и драгоценности, пожаловалъ тебя даже своею золотою труфлею... Пой же, пой!

Но птица молчала: некому было ее завести, а иначе она не умѣла пѣть. Смерть таращила на императора свои большіе пустые глаза, а въ комнатѣ царствовала тишина, невыносимая, ужасная тишина.

Вдругъ, сверху изъ окна раздалось чудное пѣніе. На вѣткѣ сидѣлъ маленькій: живой соловей. Онъ слышалъ о болѣзни императора и прилетѣлъ пропѣть ему надежду и утѣшеніе. Отъ его пѣсни стали блѣднѣть призраки. Кровь быстрѣе заструилась въ слабомъ тѣлѣ императора. Даже сама смерть заслушалась.

— Пой еще, соловушко! Пой еще! — говорила она.

— А отдашь ты мнѣ прекрасную золотую саблю, отдашь дорогое знамя, отдашь императорскую корону?

Смерть за каждую новую пѣсню отдавала требуемое, а соловей все пѣлъ. Онъ пѣлъ о тихомъ кладбищѣ, гдѣ цвѣтутъ бѣлыя розы, благоухаетъ липа, гдѣ свѣжій дернъ орошаютъ слезы оставшихся въ живыхъ.

Тогда смерть почувствовала тоску по своему родному саду и, какъ холодный бѣлый туманъ, медленно вылетѣла изъ окошка.

— Благодарю, благодарю тебя, небесная птичка! — сказалъ императоръ. Я узнаю тебя, я изгналъ тебя изъ своихъ владѣній а ты своею пѣснью избавила меня отъ злыхъ привидѣній, отогнала отъ моего сердца смерть. Чѣмъ мнѣ тебя вознаградить?

— Ты уже вознаградилъ меня, — отвѣчалъ соловей. Я извлекъ изъ глазъ твоихъ слезы, когда пѣлъ первый разъ, и этого я никогда не забуду. Это драгоценные камни для сердца пѣвца. Спи же спокойно и встань свѣжимъ и бодрымъ. Я же тебѣ еще что-нибудь спою.

Онъ запѣлъ, а императоръ погрузился въ сладкій сонъ. Ахъ, какой это былъ тихій, благодѣтельный сонъ!

Солнце свѣтило въ окна, когда онъ проснулся свѣжимъ и бодрымъ. Ни одинъ изъ его слугъ не пришелъ къ нему; они думали, что онъ уже умеръ. Только соловей сидѣлъ и пѣлъ.

— Останься у меня навсегда, соловушко! — сказалъ императоръ. Ты будешь пѣть, когда захочешь, а сдѣланнаго соловья я разобью на тысячи кусковъ.

— Зачемъ? Не надо, отвѣчалъ соловей, онъ служилъ, пока могъ. Оставь его у себя. Я не могу свить гнѣзда во дворцѣ и жить тутъ. Позволь мнѣ прилетать къ тебѣ, когда мнѣ захочется. Я сяду вечеромъ на вѣтку, передъ окномъ, и буду тебѣ пѣть, чтобы повеселить тебя и навести на новыя мысли. Я спою тебѣ и о счастливыхъ, и о несчастныхъ, и о злыхъ, и о добрыхъ, обо всемъ, что отъ тебя скрыто. Маленькій пѣвецъ летаетъ по всюду, знаетъ и бѣднаго рыбака, и крестьянина, и всехъ, кто далекъ отъ тебя и отъ твоего двора. Сердце твое я люблю больше твоей короны, но и корона имѣетъ въ себѣ нѣчто священное. Я буду прилетать и пѣть тебѣ, но ты долженъ мнѣ обѣщать одно.

— Все, — сказалъ императоръ.

Онъ стоялъ въ императорскомъ одѣяніи, которое самъ на себя возложилъ, и прижималъ къ сердцу тяжелую золотую саблю.

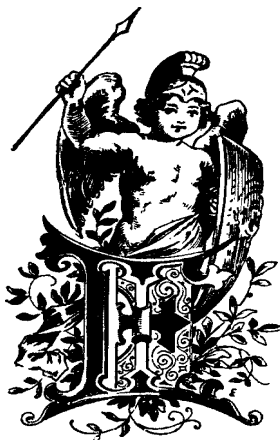
— Объ одномъ прошу тебя, не говори никому о маленькой птичкѣ, которая тебѣ все говорить, тогда все пойдетъ еще лучше.

Соловей улетѣлъ. Слуги вошли взглянуть на мертваго императора. А онъ стоялъ передъ ними бодрый и здоровый и говорилъ имъ: «Здравствуйте!».

ЛЕДЯНИЦА

Сказка въ семи исторіяхъ.

Исторія первая. Волшебное зеркало.

Есть у нашей исторіи начало, будетъ и конецъ; а при концѣ мы узнаемъ больше, чѣмъ при началѣ. Поэтому и начнемъ съ начала.

Жиль-быль на свѣтѣ злой кобольдъ. Вздумалось ему сдѣлать зеркало, да такое, чтобы все хорошее и доброе, что въ немъ отражалось, обращалось бы въ ничто, а то, что никуда не годилось и имѣло дурной видъ, казалось еще хуже, еще рѣзче выступало. Прекраснѣйшіе пейзажи казались варенымъ шпинатомъ, а самые лучшіе люди принимали отвратительный видъ: лицо перекашивалось, какая-нибудь веснушка распространялась на весь носъ или закрывала всю щеку.

Кобольдъ пришелъ въ самое лучшее настроеніе, когда ему удалось создать такое зеркало; а ученики его, потому что у него была цѣлая школа, рассказывали повсюду, что свершилось чудо.

— Теперь только можно видѣть свѣтъ, какъ онъ есть, и людей въ ихъ настоящемъ видѣ.

Они повсюду бѣгали со своимъ зеркаломъ, и, наконецъ, не осталось ни одной страны, ни одного человѣка, которыхъ бы они не увидали искаженными. Захотѣлось имъ взлетѣть на небо, чтобы поглумиться надъ ангелами. Но, чѣмъ выше они взлетали, тѣмъ сильнѣ дрожало зеркало въ ихъ рукахъ. Наконецъ, оно вырвалось и упало на землю, гдѣ и разбилось на сотни миллионовъ кусковъ. Теперь оно причинило еще больше несчастія: кусочки его, величиною съ песчинку, летали по свѣту и попадали въ глаза людямъ. Тогда люди все видѣли наизуворотъ, потому что каждый осколочекъ сохранялъ свою силу не хуже всего зеркала. Всего же ужаснѣе было, если осколокъ попадалъ въ сердце людское, тогда сердце становилось кускомъ льда. Много, много маленькихъ осколковъ летало въ воздухѣ, и мы услышимъ, что изъ этого вышло.

Исторія вторая **Мальчикъ и дѣвочка.**

Въ большомъ городѣ, гдѣ такъ много людей, что нѣтъ мѣста для маленькаго садика, гдѣ люди довольствуются цвѣтами въ горшкахъ, жили-были мальчикъ съ дѣвочкой, а у нихъ былъ садикъ немножко больше цвѣточнаго горшка. Они любили другъ друга, какъ братъ сестру, хотя ими и не были. Родители ихъ жили другъ противъ друга на чердакахъ двухъ сосѣднихъ домовъ. Крыши прилегали одна къ другой, и у самаго водосточнаго желоба, лежавшаго между ними, было по окошечку; стоило только перешагнуть жолобъ, и можно было попасть изъ одного окошечка въ другое.

У каждой семьи стояло на крышѣ по большому деревянному ящику, куда сѣяли овощи для домашняго употребленія, и кромѣ того въ каждомъ ящикѣ росло по небольшому розовому кусту. Семьямъ пришлось къ голову поставить ящики поперекъ жолоба, такъ что они почти хватали отъ одного окошка до другого и имѣли видъ двухъ цвѣточныхъ изгородей. Ползучія вѣтви гороха свѣшивались изъ ящика, а вѣтви розовыхъ кустовъ обрамляли окна и казались триумфальной аркой изъ листьевъ и цвѣтовъ.

Дѣти вылѣзали изъ своихъ окошекъ, сѣдѣли подѣ розовыми кустами на скамейкахъ; тамъ имъ было отлично играть.

Зимою, однако, это удовольствіе кончалось. Иногда окна совсѣмъ замерзали. Тогда дѣти грѣли мѣдныя копѣечки и прикладывали ихъ къ замерзшимъ стекламъ. Тотчасъ оттаивала круглая дырочка, а въ ней блестяль веселый глазокъ, въ одномъ окнѣ мальчика, въ другомъ — дѣвочки.

Мальчика звали Каемъ, а дѣвочку — Гердой.

Лѣтомъ они могли попасть другъ къ другу однимъ прыжкомъ, зимою имъ надо было спускаться и подыматься по высокимъ лѣстницамъ; на дворѣ же бушевала метель.

— Это бѣлыя пчелки роятся, — сказала старушка-бабушка.

— А есть у нихъ и пчелиная царица? — спросилъ мальчикъ.

— Есть, — отвѣчала бабушка: — она тамъ, гдѣ пчелки всего гуще роятся. Она самая большая изъ всѣхъ и никогда не остается на землѣ, а улетаетъ опять въ черное облако. Въ полночь, когда всѣ спятъ, пролетаетъ она по городскимъ улицамъ и заглядываетъ въ окошки. Куда заглянетъ, тамъ на стеклахъ являются чудные рисунки съ ледяными цвѣтами.

— Да, да, мы ихъ видѣли! — вскричали дѣти въ одинъ голосъ. Теперь они вполне увѣрились, что бабушка рассказываетъ правду.

— А можетъ царица войти сюда къ намъ? — спросила дѣвочка.

— Пусть-ка попробуетъ! — сказалъ мальчикъ. Я посажу ее на теплую печку, и она растаетъ.

Но бабушка пригладила его волосики и стала рассказывать другую сказку.

Вечеромъ маленькій Кай, полуодѣтый, взлѣзъ на стулъ у окна и заглянулъ въ дырочку.

На улицѣ валились снѣжные хлопья, одинъ изъ нихъ самый большой остался лежать на краю цвѣточного ящика. Онъ выросъ, вытянулся и сталъ, наконецъ, дѣвушкой въ одеждѣ изъ тонкаго прозрачнаго флера, состоявшаго изъ милліона звѣздочекъ-снѣжинокъ. Она была прекрасная, нѣжная, но ледяная, изъ блестящаго ослѣпительнаго льда. Что она жила, видно было по ея глазамъ: они блестяли, какъ двѣ ясныя звѣздочки, но блескъ этотъ былъ беспокойный, непостоянный. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчикъ испугался, соскочилъ со стула на полъ; а мимо окна что-то пролетѣло, будто большая птица.

Слѣдующій день былъ ясный, морозный, а тамъ уже и весна пришла.

Солнце засіяло, появилась зелень, ласточки вили гнѣзда, окна открыли, и дѣти опять стали сидеть въ своемъ маленькомъ садикѣ, у водосточнаго жолоба, надъ всѣми этажами.

Какъ прекрасно цвѣли розы въ это лѣто! Дѣти держались за руки, целовали цвѣты, смотрели на ясное Божье солнышко и разговаривали съ нимъ.

Какіе это были чудные лѣтніе дни! Какъ хорошо было подѣ свѣжими розовыми кустами! Казалось, они будутъ вѣчно цвѣсти.

Кай и Герда смотрѣли книжку съ картинками, со звѣрями и птицами, какъ вдругъ — на городской колокольнѣ пробило пять. Кай сказалъ:

— Ахъ, мнѣ что-то кольнуло въ сердце, влетѣло что-то въ глазъ!

Дѣвочка обняла его. Онъ поморгаль глазами, ничего не было.

— Кажется, прошло, сказалъ онъ.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Но пройти, ничего не прошло. Это былъ одинъ изъ осколковъ волшебнаго зеркала, того гадкаго зеркала, которое дѣлало безобразнымъ все великое и прекрасное, выставляло на видъ все дурное, каждую ошибку.

Бѣдный Кай получилъ такой осколочекъ въ сердце. Сердце его скоро должно было обратиться въ ледяной комокъ; у него ничего не болѣло, а все таки осколочекъ въ немъ сидѣлъ!

— Зачѣмъ ты плачешь? — спросилъ онъ. Въ слезахъ ты стала такою безобразною; у меня, вѣдь, ничего не болитъ. Фи! — воскликнулъ онъ, на той розѣ червоточина, а эта совсѣмъ кривая! Эти розы прегадкія; онъ похожи на ящикъ, въ которомъ сидятъ.

Онъ двинулъ ногой ящикъ и сорвалъ обѣ розы.

— Кай, что ты дѣлаешь? — воскликнула дѣвочка. Но онъ, увидавъ ее испугъ, сорвалъ еще розу, вскочилъ въ свое окошко и скрылся отъ маленькой доброй Герды.

Послѣ, когда она приносила книжку съ картинками, онъ говорилъ, что это книжка для грудныхъ дѣтей. Когда бабушка рассказывала исторіи, ему теперь всегда надо было вставить свое «но». Онъ надѣвалъ за ее спиною очки, говорилъ точно такъ же, какъ она, и выходило такъ похоже, что люди смѣялись. Скоро онъ могъ подражать походкѣ и голосу всѣхъ живущихъ въ этой улицѣ. Кай умѣлъ передразнить въ нихъ все, что было дурного и некрасиваго. А люди говорили про него:

— У этого мальчика замѣчательная голова! А дѣло-то было не въ головѣ: во всемъ было виновато стеклышко, сидѣвшее въ сердцѣ. Вотъ почему онъ дразнилъ даже и маленькую Герду, которая любила его всею душою.

Игры его совсѣмъ измѣнились: онъ стали слишкомъ умными. Какъ-то зимою шелъ снѣгъ; Кай пришелъ къ Гердѣ съ большимъ стеклышкомъ, поймалъ нѣсколько снѣжинокъ на уголокъ своей синей курточки и сказалъ дѣвочкѣ:

— Посмотри-ка теперь въ стекло!

Каждая снѣжинка стала больше, имѣла видъ цвѣтка, или многоугольной звѣзды. Это было очень красиво.

— Видишь ли, какъ это вкусно! — сказалъ Кай. Гораздо лучше настоящихъ цвѣтовъ, онъ совершенно правильны, въ нихъ нѣтъ ни одной ошибки, по крайней мѣрѣ, пока онъ не растаютъ.

Потомъ Кай прибѣжалъ въ большихъ рукавицахъ, съ саночками за плечами и крикнулъ Гердѣ подъ самое ухо:

— Мнѣ позволили кататься на большой площади съ другими мальчиками.

На площади самые смѣлые мальчики часто привязывали свои санки къ крестьянскимъ санямъ и катились заными. Это имъ очень нравилось. Въ самомъ разгарѣ игры вдругъ показались большія бѣлыя сани; въ нихъ сидѣлъ кто-то, закутанный въ толстую бѣлую шубу, съ бѣлою шапкою на головѣ. Сани два раза проѣхали по площади. Кай ловкимъ движеніемъ быстро привязалъ къ нимъ свои саночки. Онѣ понеслись все быстрѣе, прямо въ сосѣднюю улицу.

Сидѣвшій въ саняхъ обернулся, ласково кивнулъ Каю, какъ старый знакомый. Каждый разъ, когда Кай хотѣлъ отвязать свои саночки, ѣхавшій кивалъ ему, и Кай оставался сидѣть. Такъ они выѣхали за городскія ворота.

Пошелъ такой густой снѣгъ, что маленькій мальчикъ ни чего передъ собой не видѣлъ. Онѣ поторопился отвязать веревку, чтобы оставить большія сани, но это не помогло: его санки точно приросли къ большимъ санямъ, и онѣ стремился впередъ съ быстротою вихря. Онѣ громко закричалъ, но никто его не слышалъ. Метель не унималась, сани неслись все дальше. Онѣ дѣлали большіе скачки, какъ будто ѣхали по рвамъ и холмамъ.

Мальчикъ совсѣмъ испугался, онѣ хотѣлъ прочесть «Отче нашъ», а вспомнилъ только большую таблицу умноженія.

Вдругъ всѣ они разлетѣлись въ стороны; сани остановились, и сидѣвшая въ нихъ особа поднялась. Это была высокая стройная женщина въ снѣжной шубѣ и такой-же шапкѣ, бѣлая, прозрачная царица Ледяница.

Она посадила его подлѣ себя и закутала своею шубою. Ему показалось, что онѣ погружается въ снѣжный сугробъ.

— Холодно тебѣ еще? — спросила она и поцѣловала его въ лобъ.

Этотъ поцѣлуй былъ холоднѣе льда. Онѣ проникъ ему прямо въ сердце, а оно и безъ того уже на половину обратилось въ ледяной комокъ. Ему показалось, что онѣ умираетъ, но только съ минуту. Потомъ ему стало такъ хорошо, онѣ совсѣмъ не чувствовалъ холода.

— Санки мои, не забудь мои санки! — крикнулъ онѣ. Обѣ нихъ онѣ больше всего помнилъ. Ихъ привязали къ одной изъ бѣлыхъ курочекъ, и она летѣла сзади, неся ихъ на спинѣ.

Ледяница еще разъ поцѣловала Кая; тогда онѣ забылъ и маленькую Герду, и бабушку, и всехъ домашнихъ.

— Теперь довольно съ тебя, сказала она, если бы я тебя поцѣловала третій разъ, ты бы умеръ.

Кай взглянулъ на нее, она была такъ прекрасна, онѣ не могъ себѣ, представить болѣе умнаго, болѣе привлекательнаго лица. Теперь она не казалась ему болѣе ледяною, какъ тогда, когда она сидѣла за окошкомъ и манила его. Въ глазахъ его она была совершенствомъ, онѣ не чувствовалъ къ ней никакого страха. Онѣ рассказывалъ ей, что можетъ рѣшать устные задачи и даже съ дробями, что онѣ знаетъ, сколько квадратныхъ миль въ странѣ и сколько жителей. Она при этомъ только улыбалась. Тогда онѣ понялъ, что знанія его скудны. Онѣ взглянулъ кверху въ безконечное пространство. Они летѣли прямо на черное облако, а буря гудѣла и бушевала, точно пѣла старинную пѣсню. Они пролетали надъ лѣсами и озерами, надъ морями и различными странами. Подъ ними свистѣлъ холодный вѣтеръ, выли волки, трещалъ снѣгъ; надъ ними летали и каркали черныя вороны, а тамъ высоко, высоко свѣтилъ большой ясный мѣсяцъ. Кай любовался длинною, длинною зимнею ночью. Когда насталъ день, онѣ уснулъ у ногъ Ледяницы.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Исторія третья. **Цвѣтникъ колдуньи.**

Каково же было маленькой Гердѣ, когда Кай не вернулся? Куда онъ дѣлся? Никто не зналъ, никто не могъ дать отвѣта. Мальчишки рассказывали только, что видѣли, какъ онъ привязалъ свои санки къ другимъ большимъ санкамъ и поѣхалъ по улицѣ за городскія ворота. Никто не зналъ, куда онъ потомъ дѣлся. Много слезъ о немъ было пролито, но особенно горевала Герда, горевала много и долго. Потомъ она увѣрила себя, что онъ умеръ. Онъ, навѣрное, утонулъ въ рѣкѣ, протекавшей мимо школы. Ахъ, какъ долго тянулись посмурные зимніе дни! На конецъ, солнечные лучи засвѣтили тепло, по весеннему.

— А Кай умеръ, его нѣтъ! — сказала маленькая Герда.

— Этого не можетъ быть! — отвѣчалъ ей солнечный лучъ.

— Онъ умеръ, нѣтъ его! — сказала она ласточкамъ.

— Не можетъ этого быть! — отвѣчали онѣ.

Наконецъ, и сама Герда повѣрила, что этого быть не можетъ.

— Я надѣну свои новые красные башмаки, которыхъ Кай еще не видалъ, сказала она какъ-то утромъ, и пойду къ рѣкѣ, спрошу о немъ.

Было еще очень рано. Она поцѣловала спящую бабушку, надѣла новые красные башмаки и пошла за городскія ворота къ рѣкѣ.

— Правда ли, что ты взяла у меня моего маленькаго товарища? Я подарю тебѣ мои красные башмаки, только отдай его мнѣ назадъ.

Ей показалось, что волны ей закивали. Тогда она сняла свои любимые башмачки и бросила ихъ въ воду. Но они упали у самага берега, и волны выбросили ихъ опять на берегъ. Рѣка не хотѣла брать у дѣвочки ея башмачки, потому что у нея не было

маленькаго Кая.

Герда подумала, что надо башмачки бросить дальше, тогда ихъ рѣка возьметъ; она забралась въ лодку, лежавшую въ камышахъ, дошла до самага конца ея и оттуда бросила башмаки въ воду. Лодка не была привязана; она колыхнулась разъ, другой и поплыла. Герда хотѣла было выпрыгнуть, но не успѣла, и лодку понесло по теченію.

Бѣдная Герда испугалась и горько заплакала, но ее слышали только воробы; они, однако, не могли ей помочь. Они только летали вдоль берега и чирикали:

— Мы здѣсь, мы тутъ! Мы здѣсь, мы тутъ!

А лодку все несло, да несло по теченію. Герда въ однихъ чулочкахъ совсемъ притихла, красные башмачки плыли за лодкой, но не могли ее догнать.

— Можетъ быть, рѣка несетъ меня къ Каю? — подумала Герда и повеселѣла.

Она стала любоваться чудными зелеными берегами, пестрыми лужайками, развѣсистыми деревьями; наконецъ, увидѣла большой вишневый садъ, а посреди него маленькій домикъ съ красными и синими окнами и соломенной крышей. У дверей домика стояли два деревянныхъ солдата, они отдали ей честь.

Герда думала, что они живые. Она громко крикнула имъ, но они ничего не отвѣтили. Лодку же несло прямо къ берегу. Герда крикнула еще громче. Изъ домика вышла старенькая старушка, опиравшаяся на костыль. На головѣ у нея была большая соломенная шляпа, разрисованная прекрасными цвѣтами.

— Бѣдная маленькая дѣвочка! — сказала старушка. Какъ ты попала въ такой быстрый потокъ?

Старушка вошла въ воду, зацѣпила лодку клюкою, притянула ее и высадила Герду на берегъ.

Герда очень обрадовалась; но она побаивалась старушки.

— Приди-ка сюда и Расскажи мнѣ, кто ты такая и какъ ты сюда попала, сказала старушка,

Герда рассказала ей все и спросила, не видала ли она Кая?

Старушка качала головой и многозначительно говорила:

— Гмъ! Гмъ!

Она успокоила дѣвочку, сказавъ, что Кай не приходилъ, но, навѣрное, придетъ. А пока Герда можетъ лакомиться вишнями и любоваться цвѣтами. Цвѣты эти лучше книжки съ картинками. Каждый изъ нихъ можетъ рассказать какую-нибудь исторію.

Она взяла Герду за руку, привела въ свой домикъ и заперла дверь. Въ высокихъ окнахъ были красныя, синія и желтыя стекла, и солнечные лучи отражались яркими полосами въ комнатѣ. На столѣ стояли прекрасныя вишни, и старушка позволила Гердѣ ѣсть, сколько она хотѣла, сама же стала чесать ей волосы золотою гребенкою.

— Такой хорошенькой маленькой дѣвочки давно мнѣ не доставало, сказала старушка; теперь мы отлично заживемъ вдвоемъ.

Чѣмъ дольше она чесала волосы дѣвочки, тѣмъ больше Герда забывала Кая, потому что старушка была колдунья, но только не злая; она немного колдовала для своего удовольствія; ей очень хотѣлось удержать у себя Герду.

Она вышла въ садъ и дотронулась костылемъ до каждого розоваго куста; тѣ тотчасъ же исчезли подъ землею, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда. Старушка боялась, что розы напомнятъ Гердѣ Кая, и дѣвочка отъ нея убѣжитъ.

Теперь она смѣло повела дѣвочку въ цвѣтникъ. Герда весело прыгала и играла, пока солнце не скрылось за высокими вишневыми деревьями.

Тогда старушка уложила дѣвочку въ прелестную постельку съ красными шелковыми подушками, набитыми сухими фіалками.

Прошло много дней. Герда знала каждый цвѣтокъ; но какъ ни много ихъ было въ саду, Гердѣ все казалось, что какого-то недостаетъ, но какого, она не знала.

Какъ-то она сидѣла и разсматривала шляпу старушки съ нарисованными на ней цвѣтами. Самый красивый изъ всѣхъ цвѣтовъ былъ розанъ. Старуха забыла стереть его со шляпы.

— Ахъ, здѣсь въ саду нѣтъ розъ! — воскликнула Герда. Она побѣжала въ садъ, искала, искала, нѣтъ! ни одной розы не нашла.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Она горько заплакала, слезы ее потекли какъ разъ на то мѣсто, гдѣ исчезъ розовый кустъ. Кустъ тотчасъ появился, душистый и цвѣтушій. Герда цѣловала его, вспомнила свои розы въ родномъ домѣ, а вмѣстѣ съ ними и маленькаго Кая.

— Ахъ, какъ я много времени потеряла, я, вѣдь, хотѣла найти Кая. Не знаете ли вы, гдѣ онъ? — спросила она у розъ. Не умеръ ли онъ?

— Нѣтъ, не умеръ, отвѣчали розы. Мы были на землѣ, тамъ всѣ мертвецы, но Кая между ними нѣтъ.

— Благодарю васъ! — отвѣтила Герда.

Она стала спрашивать у другихъ цвѣтовъ, не видали ли они Кая?

Но каждый цвѣтокъ зналъ только одну свою сказочку и ничего не слыхалъ о маленькомъ Каѣ.

— Напрасно я спрашиваю цвѣты, они знаютъ только свое! — сказала Герда.

Она подобрала платьице, чтобы скорѣе бѣжать, и поспѣшила вонъ изъ саду. Калитка была заперта; но она нажала изо всей силы ржавую задвижку, и та поддалась. Герда выскочила на дорогу и босоногая побѣжала впередъ, куда глаза глядятъ. Три раза оглядывалась она, не догоняетъ ли ее кто, но никого не было. Наконецъ, она не могла больше бѣжать и сѣла на большой камень; когда же осмотрѣлась, увидѣла, что лѣто уже прошло, стояла поздняя осень; въ чудномъ саду этого нельзя было замѣтить, тамъ во всякое время достаточно было солнца и душистыхъ цвѣтовъ.

— Господи! Какъ я опоздала! — сказала Герда. Ужъ осень!

Некогда мнѣ отдыхать...

Она опять поднялась и пошла впередъ. Какъ устали ее израненія, исколотыя маленькія ножки! Какимъ мрачнымъ и непривѣтливымъ показался ей Божій міръ!

Исторія четвертая. Принцъ и принцесса.

Герда снова присѣла отдохнуть. На снѣгу передъ нею скакала ворона и говорила ей:

— Карръ-карръ! Добрый день, добрый день!

Она спросила маленькую дѣвочку, куда она идетъ совсѣмъ одна.

Слово «одна» Герда отлично понимала, она глубоко чувствовала его значеніе. Она передала воронѣ свое горе и спросила ее, не видала ли она Кая?

Ворона многозначительно кивнула головой и сказала:

— Можетъ быть, можетъ быть!

— Какъ, ты думаешь, что ты его видѣла? — воскликнула дѣвочка.

Она такъ обняла ворону, что чуть не задавила ее.

— Потихе, потихе! — остановила ее та. — Я думаю, что это и будетъ твой маленькій Кай, только онъ тебя теперь совсемъ позабылъ. Я бы тебѣ все рассказала, да мнѣ трудно говорить по-твоему, можетъ быть, ты понимаешь по-вороньи?

— Нѣтъ, этому я не училась, отвѣчала Герда. А вотъ бабушка моя такъ знала вороній языкъ.

— Ну, ничего, ничего! — закаркала ворона. Расскажу тебѣ, какъ умѣю.

— «Въ томъ королевствѣ, въ которомъ мы съ тобой сидимъ, очень умная принцесса. Вздумалось ей какъ-то выдти замужъ. Ей хотѣлось имѣть такого мужа, который сумѣлъ бы отвѣчать, когда съ нимъ заговаряютъ, и не служилъ бы только для выставки. Она позвала всѣхъ своихъ фрейлинъ и объявила имъ свою волю. «Вотъ это хорошо, говорили онѣ: объ этомъ мы и сами думали». Въ газетахъ появился указъ: каждому молодому человѣку недурной наружности должно было явиться въ замокъ, говорить съ принцессою. Кто всѣхъ

лучше поддержать разговоръ, тотъ и будетъ избранъ мужемъ принцессы. Со всѣхъ сторонъ стекались женихи, но ни въ первый, ни во второй день никому не посчастливилось. Пока они стояли на улицѣ, они отлично болтали, но какъ только попадали въ замокъ, гдѣ тѣлохранители и прислуга блестяли серебромъ и золотомъ въ большихъ освѣщенныхъ залахъ, они тотчасъ же смущались и, очутившись передъ трономъ принцессы, повторяли только ея слова, что ей, конечно, не нравилось».

— А Кай, а маленькій Кай? спрашивала Герда. Былъ онъ тоже тамъ?

— Постой, постой! Не спѣши!

— «На третій день пришелъ маленькій человѣчекъ пѣшкомъ, безъ коня и экипажа; веселый и довольный, прошелъ онъ прямо въ замокъ. Глаза его блестяли, какъ твои, на головѣ вились чудные локоны, но одѣтъ онъ былъ очень бѣдно».

— Это былъ Кай! — обрадовалась Герда. Теперь я его нашла!

И она захлопала въ ладоши.

— У него была маленькая котомка за плечами, сказала ворона.

— Нѣтъ, это, навѣрное, его санки! — отвѣчала Герда: съ ними онъ ушелъ изъ дому.

— Очень можетъ быть! — замѣтила ворона. Я подробно не разсматривала. Знаю только, что онъ вошелъ въ замокъ, ни сколько не испугался ни серебряной стражи, ни золотыхъ лакеевъ. Онъ кивнулъ имъ мимоходомъ и сказалъ:

— Скучно стоять здѣсь на лѣстницѣ, я лучше войду. «Залы во дворцѣ были ярко освѣщены. Тайные совѣтники и генералы ходили на цыпочкахъ. Можно было сконфузиться! Сапоги его громко скрипѣли; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія».

— Это непременно Кай! — воскликнула Герда. У него были новые сапоги, они страшно скрипѣли, когда онъ вошелъ къ бабушкѣ.

— «Принцесса сидѣла на жемчужинѣ величиною съ доброе колесо. Вокругъ стояли фрейлины со своими фрейлинами и съ фрейлинами ихъ фрейлинъ и всѣ придворные со своими слугами и со слугами ихъ слугъ, у которыхъ тоже были ихъ слуги».

— Ой, какъ страшно! — сказала Герда. И Кай все-таки же нился на принцессѣ?

— Да, подтвердила ворона: потому что сумѣлъ съ нею хорошо разговаривать.

— Ну, конечно, это былъ Кай, подтвердила Герда. Онъ такой умный, онъ въ умѣ можетъ рѣшать задачи съ дробями.

Веди меня скорѣе въ замокъ!

— Легко сказать! — возразила ворона; да какъ мы туда попадемъ? Такую маленькую дѣвочку, какъ ты, туда никогда непустятъ.

— Пустятъ, пустятъ! — воскликнула Герда. Если Кай услышитъ обо мнѣ, онъ самъ тотчасъ выйдетъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Подожди меня вонъ тамъ, у забора, сказала ворона. Она кивнула головой и улетѣла.

Вернулась она, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

— Каррь-каррь! — проговорила она. Съ главнаго входа тебѣ никакъ не попасть въ замокъ, оттого что ты босоногая. Стража въ серебряныхъ одеждахъ и слуги въ золотыхъ ливреяхъ этого не допустятъ. Но я нашла другой путь. У меня есть кума, ручная ворона, она давно живетъ въ королевскомъ замкѣ и знаетъ всѣ ходы и выходы. Она принесетъ ключъ отъ потайной двери и проведетъ прямо въ спальню принцессы.

Онѣ пошли въ садъ, дождались, пока всѣ въ замкѣ улеглись спать, и огни были погашены; тогда ворона привела Герду къ маленькой едва притворенной двери.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

У Герды сердце застучало отъ страху, точно она хотѣла сдѣлать что-нибудь дурное. Но потомъ она представила себѣ умные глаза Кая, длинные его волосы, пріятную его улыбку и ободрилась. Онъ, навѣрное, ей обрадуется; а она расскажетъ ему, какой далекій путь ей пришлось пройти, чтобы его увидѣть, и какъ о немъ всѣ дома плакали.

Онѣ поднялись по лѣстницѣ. На шкафу была лампа, а на площадкѣ стояла кумушка вороны.

Герда почтительно поклонилась ей, а ворона внимательно осмотрѣла ее съ головы до ногъ.

— Я ужъ много слышала о васъ, милая барышня, покровительственно сказала ручная ворона. Кумушка рассказала уже о вашемъ горѣ. Возьмите лампу, а я пойду впередъ. Здѣсь мы никого не встрѣтимъ.

— Мнѣ кажется, что насъ кто-то догоняетъ, сказала Герда. И, дѣйствительно, мимо нихъ что-то промчалось. На стѣнѣ промелькнули катая-то тѣни, коня съ развивающимися гривами, егеря, кавалеры и дамы верхомъ на коняхъ.

— Это только сны! — отвѣчала ворона. Они уносятъ мысли высокихъ особъ на охоту.

Онѣ вступили въ первый залъ. Онъ былъ обитъ алымъ атласомъ и убранъ искусственными цвѣтами. Сны опередили ихъ и промчались такъ быстро, что Герда не могла рассмотреть знатныхъ охотниковъ. Онѣ прошли цѣлый рядъ великолѣпныхъ залъ со множествомъ драгоценностей. Наконецъ, ворона ввела ихъ въ спальню. Потолокъ ея походилъ на листья большой пальмы, сдѣланные изъ прекраснаго стекла. Посреди комнаты возвышался толстый золотой стебель, на немъ висѣли двѣ кровати, имѣвшія форму лилій. Въ одной изъ нихъ, бѣлой, лежала принцесса, въ другой, красной, Герда должна была найти маленькаго Кая. Она отогнула въ сторону одинъ изъ красныхъ лепестковъ лиліи и увидѣла загорѣлый затылокъ. Да это былъ Кай! Она громко назвала его по имени и подняла лампу такъ, что свѣтъ упалъ ему въ лицо. Сны опять влетѣли въ комнату... Онъ проснулся, и... это былъ не маленькій Кай. Принцъ походилъ на него только съ затылка. Былъ, впрочемъ, молодъ и красивъ.

Изъ бѣлой кровати выглянула принцесса и спросила:

— Что случилось?

Тогда маленькая Герда заплакала, рассказала всю свою исторію, не забыла упомянуть и про воронъ, оказавшихъ ей помощь.

— Ахъ, ты, бѣдная малютка! — сказали принцъ и принцесса. Они похвалили воронъ, увѣрили ихъ, что нисколько на нихъ не сердятся, но приказали впредь ничего подобнаго не дѣлать.

— Какую вы хотите награду? — спросила принцесса у воронъ. Хотите вы получить свободу или мѣсто придворныхъ воронъ и довольствоваться съ королевской кухни?

Обѣ вороны поклонились и просили мѣста при дворѣ; на старости лѣтъ имъ пріятно было жить безъ заботъ.

Принцъ уступилъ свою кровать Гердѣ, больше онъ пока ничего не могъ сдѣлать.

Она сложила свои маленькія ручки и прошептала:

— Какіе и люди, и звѣри добрые!

Потомъ закрыла глазки и сладко уснула.

На другой день ее съ головы до ногъ одѣли въ шелкъ и бархатъ. Ей милостиво предложили остаться въ замкѣ и раздѣлить веселую и счастливую жизнь. Но она попросила дать ей маленькую колясочку, лошадку и теплые сапожки. Она рѣшила ѣхать дальше искать Кая.

Ей дали сапожки и даже муфту, а у дверей ее ждала новая колясочка изъ чистаго золота съ блестящимъ, какъ звѣзда, гербомъ принца и принцессы. Кучеръ, лакей и форрейторъ были на своихъ мѣстахъ съ золотыми коронами на головахъ.

Принцъ и принцесса сами усадили Герду въ коляску и пожелали ей всякаго счастья.

— Прощай, прощай! — кричали они ей вслѣдъ. Маленькая Герда плакала и вороны тоже; дикая ворона три мили провожала ее. Она сидѣла съ нею рядомъ, потому что не могла ѣхать спиною къ кучеру. Коляска была нагружена сахарными крендельками, а подъ сиденьемъ въ ящикахъ находилось много плодовъ и орѣховъ. Проѣхавъ три версты, ворона тоже распрощалась съ Гердою, и прощанье было очень тяжелое. Она взлетѣла на дерево и махала свои черными крыльями до тѣхъ поръ, пока блестящая коляска не скрылась изъ виду.

Исторія пятая. **Маленькая разбойница.**

Герда ѣхала по темному лѣсу; но коляска ярко свѣтилась среди густой зелени. Она тотчасъ бросилась въ глаза разбойникамъ, подстерегавшимъ добычу.

— Золото, золото! — закричали они.

Бросились къ коляскѣ, остановили лошадей, убили форрейтора, кучера и лакея и вытащили маленькую Герду изъ коляски.

— Э, да она жирная, на орѣхахъ выкормлена! — сказала старая разбойница съ длинною щетинистою бородою и нависшими бровями. Она все равно что маленькая жирная овечка, какова-то будетъ на вкусъ?

Старуха вытащила блестящій ножъ; но въ ту же минуту вскрикнула:

— Ай, ай!

На спинѣ у нея сидѣла ея маленькая дочь, порядочная дикарка и шалунья; она укусила мать въ ухо.

— Это дѣвочка будетъ со мною играть; она отдастъ мнѣ свою муфту, свое хорошенькое платьѣ и ляжетъ со мною спать въ мою кроватку. Я хочу сѣсть въ коляску, прибавила она.

И мать должна была сдѣлать по ней, потому что очень избаловала маленькую упрямыцу. Обѣ онѣ съ Гердой сидѣли въ коляскѣ и мчались вглубь лѣса.

Маленькая разбойница была почти ровесница Гердѣ; но сильнѣе, шире въ плечахъ и смуглѣе. Она обняла Герду за талью и сказала:

— Они не посмѣютъ убить тебя, пока я на тебя не разсержусь. Ты, вѣрно, принцесса?

— Нѣтъ! — отвѣчала дѣвочка.

Она рассказала ей все, что пришлось ей пережить, и какъ она любила маленькаго Кая.

Наконецъ, коляска остановилась. Онѣ пріѣхали въ разбойничій замокъ. Онъ весь сверху до низу былъ въ трещинахъ, и изъ нихъ вылетали вороны и совы; большія злыя собаки прыгали на цѣпяхъ, какъ будто хотѣли проглотить cadaго; но лаять не смѣли, это было имъ запрещено.

На каменномъ полу большого стараго зала былъ разведенъ костеръ, дымъ подымался къ потолку и уходилъ черезъ множество трещинъ.

Въ большомъ котлѣ варился супъ, а на вертелахъ жарили зайцевъ и кроликовъ.

— Эту ночь ты будешь спать со мною и съ моими звѣрьками, сказала дочь разбойницы.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Имъ обѣимъ дали ѣсть и пить, послѣ чего они пошли въ уголь, гдѣ была настлана солома и лежали покрывала. Наверху на жердяхъ и на шестахъ сидѣло до ста голубей, всѣ они спали, но при появленіи дѣвочекъ начали шевелиться.

— Это все мои собственные голуби, — сказала дочь разбойницы. Схвативъ одного за ноги, она стала его такъ трясти, что съ испуга тотъ забилъ крыльями.

— А вотъ и мой старый, милый Бе! сказала она, схвативъ за рога лося съ блестящимъ мѣднымъ кольцомъ на шеѣ. Его надо держать взаперти, а то онъ тотчасъ ускачетъ. Я каждый вечеръ его щекочу острымъ ножомъ. Этого онъ не любитъ.

Дѣвочка вытащила изъ щели длинный ножикъ и стала имъ водить по шеѣ животнаго. Бѣдный лось задрожалъ и забилъ копытами, а маленькая разбойница со смѣхомъ потащила Герду въ свою постель.

— Развѣ ты и ножикъ возьмешь съ собою? спросила Герда со страхомъ.

Я всегда сплю съ ножомъ, отвѣчала дѣвочка: мало ли что можетъ случиться. А теперь расскажи мнѣ о маленькомъ Каѣ и о своихъ приключеніяхъ.

Герда снова начала свой рассказъ. Голуби ворковали надъ нею, а дочь разбойницы обняла ее за шею и громко захрапѣла съ ножомъ въ другой рукѣ. Герда не могла сомкнуть глазъ, она не знала, оставятъ ли ее въ живыхъ, или убьютъ. Разбойники сидѣли вокругъ огня, пили и пѣли пѣсни, маленькой дѣвочкѣ страшно было на нихъ смотрѣть. А лѣсные голуби между тѣмъ ворковали:

— Гуррь — гуррь! Мы видѣли маленькаго Кая. Бѣлая курица везла его санки, а онъ сидѣлъ на саняхъ у Ледяницы. Она промчалась черезъ лѣсъ, мимо нашего гнѣзда,дохнула на насъ птенчиковъ, и всѣ перемерли, кромѣ насъ двоихъ. Гуррь — гуррь.

— Что вы говорите? воскликнула Герда. Куда ѣхала Ледяница?

Знаете-ли вы что-нибудь объ этомъ?

— Она уѣхала, вѣроятно, въ Лапландію, тамъ всегда снѣгъ и ледъ. Спроси лося, онъ, навѣрное, знаетъ.

— Тамъ снѣгъ и ледъ! Тамъ чудесная, благословенная страна! сказалъ лось. Тамъ можно прыгать на свободѣ по обширнымъ блестящимъ снѣжнымъ равнинамъ. Тамъ стоитъ лѣтній шалашъ Ледяницы; но ея крѣпкій замокъ гораздо сѣвернѣе, у самаго полюса, на островѣ Шпицбергенѣ.

— О, Кай! милый Кай! вздыхала Герда.

— Лежи смирно! прикрикнула на нее спросонку дочь разбойницы, не то я приколю тебя своимъ ножомъ.

Утромъ Герда рассказала ей все, что сказали лѣсные голуби.

Маленькая разбойница имѣла очень серьезный видъ, она кивала головой и говорила:

— Это все равно, все равно!

— Знаешь ты Лапландію? спросила она вдругъ лося.

— Кому же и знать ее, какъ не мнѣ! отвѣчалъ лось. Глаза его ярко загорѣлись при одномъ воспоминаніи.

— Тамъ я родился и выросъ, тамъ я скакалъ на свободѣ по снѣжнымъ полямъ.

— Послушай! обратилась тогда дѣвочка къ Гердѣ. Никого изъ нашихъ нѣтъ теперь дома. Мать приметъ въ полдень за большую бутылку и потомъ заснетъ, тогда я что-нибудь для тебя и сдѣлаю.

Мать, дѣйствительно, заснула; а дѣвочка подошла къ лосю и сказала:

— Мнѣ хотѣлось бы еще разъ пощекотать тебя ножомъ, ты тогда такой смѣшной; но все равно, я развяжу твою веревку и отпущу тебя въ твою Лапландію. Но ты долженъ

бѣжать какъ можно скорѣе и доставить эту дѣвочку въ замокъ Ледяницы, гдѣ живетъ ея товарищъ. Вѣдь, ты слышалъ, что она рассказывала?

Лось отъ радости высоко прыгнулъ. Дѣвочка помогла Гердѣ усѣсться на него, подложила ей подушку и сказала:

— Все равно, на ужъ тебѣ и мѣховые сапожки, теперь холодно, а муфту я не отдамъ; она очень мнѣ нравится. Но ты не должна мерзнуть. Вотъ большія рукавицы моей матери! Надѣнь ихъ, онѣ будутъ тебѣ по локоть.

Герда плакала отъ радости.

Вотъ ужъ такого хныканья я совсѣмъ не выношу. Тебѣ теперь слѣдуетъ радоваться, а не плакать. Вотъ тебѣ еще два хлѣба и окорокъ, чтобы ты не голодала.

И то, и другое она привязала къ лосю. Потомъ она созвала въ комнату всѣхъ собакъ, обрѣзала веревку и сказала лосю:

— Бѣги, только береги мнѣ дѣвочку.

Герда простерла руки въ большихъ рукавицахъ къ своей спасательницѣ, простилась съ нею и помчалась по кустамъ и зарослямъ, по лесамъ, по болотамъ, по пустынямъ, гдѣ были волки и каркали вороны. Вдали слышался легкій трескъ, и яркія молніи озаряли пустыню.

— Это мое родимое сѣверное сіяніе, сказалъ лось. Посмотри, какъ оно свѣтитъ.

И онъ побѣжалъ еще быстрѣе, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью.

Хлѣбы были съѣдены, окорокъ пришелъ къ концу. Они очутились въ Лапландіи.

Исторія шестая. Лапландка и Финка.

Они остановились передъ маленькою невзрачною хижиною: крыша наклонилась до земли, а дверь была такъ низка, что можно было пройти въ нее только ползкомъ. Кромѣ лапландки, варившей рыбу при свѣтѣ рыбьяго жира, горѣвшаго въ лампочкѣ, никого не было. Лось рассказалъ исторію Герды, но прежде сообщилъ о томъ, что касалось его самого и казалось ему гораздо важнѣе. Герда такъ перемерзла, что не могла го ворить.

— Ахъ, вы бѣдные! сказала лапландка. Вамъ еще очень далеко надо бѣжать. Вамъ придется еще миль въ сотню пройти по Финмаркену. Тамъ проводитъ царица Ледяница все лѣто и зажигаетъ каждый вечеръ синее пламя. За неимѣніемъ бумаги я нацарапаю вамъ пару словъ на сухой трескѣ. Вы отправитесь на северъ къ финкѣ; она лучше меня укажетъ вамъ путь.

Лапландка отогрѣла, накормила, напоила Герду, написала пару словъ на сухой рыбѣ, велѣла Гердѣ хорошенько спрятать свое посланіе, помогла ей сѣсть на лося, и они отправились въ путь.

Въ воздухѣ трещало отъ холода, всю ночь горѣли чудные сине огни сѣвернаго сіянія. Наконецъ, они прибѣжали въ Финмаркенъ и постучались въ трубу дома финки, такъ какъ у нея не было даже и двери.

Въ избушкѣ ея была страшная жара, она ходила почти безъ одежды. Грязная, маленькая женщина сейчасъ же сняла съ Герды большія ея рукавицы, платье и ея мѣховые сапожки, иначе она не могла бы перенести жары. Лосю положила кусокъ льда на голову и тогда только принялась за чтеніе посланія.

— Ты очень умна! сказалъ ей лось. Я знаю, что ты на, одну нитку можешь навязать всѣ вѣтры на свѣтѣ. Развяжетъ морякъ одинъ узелъ, и подуетъ попутный вѣтеръ, развяжетъ другой, и подымется рѣзкій ветеръ, развяжетъ третій и четвертый, и забушуетъ буря,

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

поломаетъ деревья въ лѣсу. Не дашь ли ты и дѣвочкѣ какого-нибудь питья, что бы у нея явилась сила двѣнадцати человѣкъ, чтобы она могла побороть Ледяницу?

— Сила двѣнадцати человѣкъ? повторила финка. Ну, такой силы недостаточно.

Потомъ она подошла къ полкѣ, взяла большую свернутую кожу, развернула ее и углубилась въ чтеніе странныхъ знаковъ, причемъ крупныя капли пота выступили у нея на лбу.

Лось усердно просилъ за маленькую дѣвочку, а Герда смотрѣла на финку такими умоляющими, полными слезъ глазами, что та, наконецъ, сжалилась, отвела лося въ уголь и шепнула ему:

— Маленькій Кай, дѣйствительно, у Ледяницы. Онъ всѣмъ доволенъ и считаетъ себя счастливымъ всѣхъ на свѣтѣ. Это про исходитъ оттого, что ему въ сердце попался осколокъ зеркала, а въ глазъ зеркальное зернышко. И то, и другое надо вытащить, иначе Ледяница будетъ имѣть всегда надъ нимъ власть.

— Но развѣ ты не можешь дать что-нибудь Гердѣ, чтобы она получила силу и власть?

— Я не могу дать другого имущества, кромѣ того, которымъ она уже обладаетъ. Развѣ ты не видишь, какъ оно велико? Развѣ ты не видишь, какъ люди и звѣри подчиняются ей? Какъ она босыми ногами прошла такой длинный путь? Ей ничего другого не надо, кромѣ той силы, которая живетъ въ ея сердцѣ, и эта сила — ея невинность. Если она сама не найдетъ средствъ проникнуть въ замокъ Ледяницы и освободить Кая отъ зеркальных осколковъ, то мы ничѣмъ не можемъ помочь ей. Въ двухъ миляхъ отсюда начинается садъ Ледяницы. Вези туда маленькую дѣвочку, посади ее подъ кустъ, покрытый красными ягодами, а самъ вернись сюда.

Сказавъ это, финка посадила Герду на лося, и тотъ со всѣхъ ногъ пустился бѣжать дальше.

— Сапожки мои, рукавички мои! кричала Герда, чувствуя, что морозъ все усиливается.

Но лосю некогда было останавливаться, онъ бѣжалъ безъ передышки, пока не увидѣлъ куста съ красными ягодами. Тогда онъ опустил Герду на землю, поцѣловалъ ее въ губы, и крупныя горячія слезы потекли по его щекамъ.

Онъ вернулся назадъ, а бѣдная Герда безъ теплыхъ сапогъ и рукавицъ стояла посреди негостепріимнаго суроваго Финмаркена.

Она побѣжала впередъ такъ скоро, какъ могла. Вдругъ, на нее посыпались цѣлыя тучи снѣжныхъ хлопьевъ. Хлопья эти не падали съ неба. Оно было ясно, на немъ ярко сіяло сѣверное сіяніе. Они летѣли прямо по землѣ и, приближаясь къ ней, становились все больше и больше. Герда вспомнила, что такими она ихъ видѣла подъ увеличительнымъ стекломъ. Теперь же они принимали совсѣмъ иной видъ, это были живыя существа, передовые отряды царицы Ледяницы. Одни изъ нихъ имѣли видъ отвратительныхъ большихъ дикобразовъ, другіе казались змѣями, свернувшимися въ комокъ съ торчащими вверхъ головами; третьи принимали форму маленькихъ толстыхъ медвѣжатъ съ ошетилившимися волосами. Всѣ были бѣлаго цвѣта, всѣ блестѣли, всѣ они были живые снѣжные хлопья.

Маленькая Герда прочла «Отче Нашъ»! Отъ холода дыханіе ея превращалось въ паръ. Этотъ паръ, вылетая изо рта, сгущался, сгущался и превратился въ цѣлый сонмъ ангеловъ. Какъ только они касались земли, они росли, оказывались вооруженными съ головы до ногъ, въ шлемахъ, съ копьями и щитами въ рукахъ. Когда Герда прочла «Отче Нашъ», она была окружена цѣлыми легіонами небесныхъ тѣлохранителей. Они копьями

поражали страшныхъ снѣжныхъ чудовищъ, тѣ распадались на сотни кусковъ, а маленькая Герда безопасно шла впередъ. Ангелы гладили ей руки и ноги, она не чувствовала холода и быстро достигла замка Ледяницы.

Теперь посмотримъ, что дѣлалъ Кай. Онъ, дѣйствительно, не думалъ о Гердѣ и не предполагалъ, что она стояла передъ замкомъ.

Исторія седьмая. Въ замкѣ Ледяницы.

Стѣны замка воздвигла метель изъ снѣга, а рѣзкіе холодные вѣтры пробили въ нихъ окна и двери. Цѣлыя сотни залъ стояли, кое-какъ сбитыя въ кучи, какъ это вздумалось метелицѣ. Самая большая изъ нихъ простиралась на несколько миль.

Всѣ онѣ были освѣщены яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ; во всѣхъ было пусто, холодно, скучно. Никто въ нихъ не веселился, да и некому было, развѣ только медвѣдямъ, причемъ вихрь могъ бы отлично замѣнять оркестръ.

Посреди безконечнаго снѣжнаго зала стояло замерзшее озеро; оно растрескалось на тысячи кусковъ, но каждый кусокъ походилъ одинъ на другой, а всѣ вмѣстѣ были настоящимъ чу домъ искусства.

Когда Ледяница была дома, то она сидѣла посреди озера и говорила, что сидитъ въ зеркалѣ разума, и что этому зеркалу нѣтъ равнаго во всемъ мірѣ.

Маленькій Кай совсѣмъ посинѣлъ отъ холода, даже почернѣлъ, но онъ этого не замѣчалъ. Ледяница своими поцѣлуями лишала его способности чувствовать холодъ, а сердце его превратилось въ кусокъ льда. Онъ ходилъ и собиралъ плоскіе куски льда и складывалъ изъ нихъ по рисункамъ разныя фигуры, какъ дѣти изъ дощечекъ въ китайской головоломкѣ. Но фигуры, складываемый Каемъ, были очень замысловаты, онъ игралъ въ ледяную игру разума. Въ глазахъ его фигуры эти были верхомъ совершенства, онъ имѣли высшее значеніе. Это происходило отъ зеркальнаго зернышка, попавшаго ему въ глазъ. Изъ фигуръ онъ составлялъ слова, но никакъ не могъ составить того слова, которое онъ желалъ, слова: «вѣчность». Ледяница ска зала ему:

— Если ты составишь это слово, тогда ты будѣшь самъ себѣ господиномъ, я подарю тебѣ весь свѣтъ и въ прибавку пару новыхъ коньковъ.

Но какъ онъ ни старался, ничего у него не выходило.

— Теперь я полечу въ теплыя страны, сказала ему Ледяница: посмотрю свои чугуны.

Такъ она называла огнедышащія горы: Везувій и Этну.

— Я побѣлю ихъ немного, это такъ слѣдуетъ и необходимо для лимоновъ и винограду.

Ледяница улетѣла, а Кай сидѣлъ одинъ въ огромной ледяной залѣ, тянувшейся на нѣсколько миль, разсматривалъ ледяныя пластинки и думалъ, и думалъ такъ, что у него мозгъ трещалъ. Онъ сидѣлъ такъ тихо и неподвижно, что можно было его принять за замерзшаго.

Въ эту минуту Герда вошла черезъ ворота въ замокъ. Рѣзкіе вѣтры дули ей навстрѣчу, но она прочла вечернюю молитву, и вѣтры улеглись, какъ будто захотѣли спать. Она вошла въ большую холодную залу, увидѣла Кая, узнала его, обняла крѣпко за шею и воскликнула:

— Милый, дорогой Кай! наконецъ-то я тебя нашла! Но онъ сидѣлъ все такъ же тихо, неподвижный и холодный. Тогда маленькая Герда заплакала горячими слезами. Слезы потекли на его грудь, проникли въ его сѣрдцѣ, растопили кусокъ льда и уничтожили сидѣвшій въ немъ осколокъ зеркала.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Онъ взглянулъ на дѣвочку, и когда она запѣла знакомую пѣсню: «Люблю я чудныя розы въ саду», Кай тоже разразился слезами. Цѣлые потоки слезъ потекли изъ его глазъ и унесли съ собою маленькое зернышко зеркала. Онъ узналъ Герду и съ восторгомъ воскликнулъ:

— Милая, дорогая Герда! Гдѣ ты такъ долго была? Гдѣ я?

Онъ оглядѣлся вокругъ.

— Какъ здѣсь холодно! Какъ здѣсь пусто и непріятно! говорилъ онъ, обнимая Герду. Дѣвочка и смѣялась, и плакала отъ радости.

Глядя на этихъ милыхъ дѣтей, даже пластинки льда затанцовали. А когда устали, то легли тотчасъ на тѣ буквы, которыя Ледяница велѣла сложить Каю.

Герда цѣловала его щеки, и онъ снова зацѣвли, цѣловала его глаза, и они снова заблестѣли, цѣловала его ноги и руки, и онъ сталъ здоровымъ и бодрымъ.

Теперь Ледяница могла вернуться домой, отпускъ его былъ написанъ блестящими ледяными буквами.

Они взялись за руки, вышли изъ снѣжнаго замка, весело болтая о бабушкѣ и о своихъ розахъ, и тамъ, гдѣ они проходили, унимался вѣтеръ, и солнце выходило изъ-за тучъ.

У куста съ красными ягодами стоялъ лось и ожидалъ ихъ. Онъ привелъ съ собою другого лося для Кая, и они поѣхали сперва къ финкѣ, гдѣ обогрѣлись въ теплой комнатѣ, потомъ къ лапландкѣ, она сшила имъ новыя платья и починила ихъ сапожки. Оба лося и лапландка проводили дѣтей до границы и тамъ распростились съ ними.

Птички щебетали, лѣсъ начиналъ зеленѣть. Навстрѣчу имъ выѣхала дѣвочка на прекрасной лошади. Лошадь эту Герда тотчасъ узнала. Это была одна изъ тѣхъ, которыхъ подарили ей принцъ и принцесса. А дѣвочка въ красной шапочкѣ съ пистолетами за поясомъ была никто иная, какъ дочь разбойницы. Герда ее тотчасъ узнала, и она Герду; то была радость!

— Ну, ты, путешественникъ! сказала она маленькому Каю. Хотѣла бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы изъ-за тебя бѣжать на край свѣта.

Герда спросила ее о принцѣ и принцессѣ.

— Они уѣхали въ чужія страны, отвѣтила дѣвочка.

— А ворона? — спрашивала Герда.

— Ахъ, ворона-то околѣла. Кумушка по ней теперь носить трауръ: обвязала лапу черною шерстинкою. А теперь Расскажи мнѣ по порядку все, что съ тобою случилось, и какъ ты его поймала.

Герда и Кай все рассказали.

Разбойница пожалала имъ руки, распростилась съ ними и поѣхала дальше.

Кай и Герда взялись за руки, и тамъ, гдѣ они проходили, наступала чудная весна съ благоухающими цвѣтами.

Они слышали колокольный звонъ и узнали высокія башни большого города, своего родимаго города, прошли по длинной улицѣ до дверей квартиры бабушки и очутились въ комнатѣ, гдѣ все попрежнему стояло на своихъ мѣстахъ. Старые часы такъ же тикали тикъ-такъ, и стрѣлки такъ же бѣжали по циферъ блату.

Но когда они вошли въ дверь, они замѣтили, что стали взрослыми людьми.

Розы цвѣли на крышѣ у водосточной трубы и врывались въ открытыя окна. На крышѣ стояли все тѣ же дѣтскія скамеечки. Кай и Герда сѣли каждый на свою скамеечку и взялись за руки.

Г.Х.АНДЕРСЕНЪ

Все холодное великолѣпіе въ замкѣ Ледяницы имъ казалось тяжелымъ сномъ.

Бабушка сидѣла, освѣщенная яркими солнечными лучами, и громко читала изъ Библии: «Аминь, глаголю вамъ, аще не обратитесь и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное».

Кай и Герда смотрѣли другъ другу въ глаза, они чувствовали себя уже взрослыми и въ то же время дѣтьми, потому что дѣтьми остались они въ сердцахъ своихъ.

А кругомъ нихъ было лѣто, теплое, благотворное лѣто.

БАБУШКА ЛИПОВЫЙ ЦВѢТЬ

ь мягкой уютной постелькѣ лежалъ маленькій мальчикъ; его трясла лихорадка, онъ простудился. Онъ промочилъ ноги, и никто не могъ понять, какъ это случилось, потому что дождя не было. Мать его взяла чайникъ, чтобы заварить ли повый цвѣтъ: онъ согреваетъ.

Въ этотъ моментъ отворилась дверь, и вошелъ веселый старичекъ, сосѣдъ, жившій въ верхнемъ этажѣ. У него не было ни жены, ни дѣтей, онъ жилъ совсѣмъ одинокимъ, но любилъ дѣтокъ, зналъ много сказокъ, занимательныхъ исторій, такъ что можно было его заслушаться.

— Ну, ты выпьешь твой чай, а потомъ дядя тебѣ расскажетъ, можетъ быть, сказочку, сказала мать.

— Да, еслибъ только всегда нашлась новая! возразилъ старичекъ, добродушно кивнувъ головой.

— Но гдѣ же мальчуганъ могъ промочить ноги? спросилъ онъ сосѣдку.

— Да, гдѣ же онъ ихъ промочилъ? возразила мать, это совсѣмъ непонятно!

— Расскажите мнѣ сказку! просилъ мальчикъ.

— Да, только сперва мнѣ надо знать вотъ что: ты мнѣ долженъ совершенно точно опредѣлить, какъ глубока водосточная канава въ томъ переулкѣ, гдѣ твоя школа.

— Какъ разъ до половины голенища, отвѣчалъ мальчикъ, но тогда мнѣ надо войти въ самую глубину канавы.

— Эге-ге! Такъ вотъ отчего у тебя мокрыя ноги, сказалъ старикъ. Теперь бы мнѣ слѣдовало тебе рассказать сказку, да я никакой не знаю.

— Вы можете тотчасъ сдѣлать сказку. Мать говоритъ, что все, на что бы вы ни посмотрѣли, становится сказкой, и все, до чего вы дотронетесь, вы обращаете въ рассказъ.

— Да, только тѣ сказки никуда не годятся. Нѣтъ, самыя настоящія приходятъ сами; постучать у меня въ головѣ и скажутъ: «мы здѣсь».

— А скоро онѣ постучать? спросилъ маленькій мальчикъ.

Мать засмѣялась, а мальчикъ приставалъ:

— Разскажите, разскажите!

— Да, если бы сказочка сама пришла... Но она знатная дама и приходитъ только тогда, когда ей это самой доставляетъ удовольствіе... Подожди! сказалъ онѣ вдругъ. Вотъ мы ее и поймали. Посмотри, она сидитъ теперь въ чайникѣ.

Мальчикъ взглянулъ на чайникъ. Крышка его все болѣе и болѣе поднималась и изъ-подъ нея высовывались свѣжіе липовые цвѣточки. Они пускали во всѣ стороны большія длинныя вѣтви. Вѣтви эти выходили даже изъ носика чайника и становились все больше и больше. Онѣ выросли сперва въ прелестный липовый кустъ, потомъ въ большое развѣсистое дерево. Вѣтки доходили до кровати и раздвигали занавѣски. Какъ онѣ цвѣли, какъ благоухали!

Посреди древесныхъ вѣтокъ сидѣла привѣтливая старушка въ удивительномъ платьѣ. Оно было совсѣмъ зеленое, какъ липовые листья и отдѣлано липовыми цвѣточками. Никакъ нельзя было различить, изъ чего оно сдѣлано: изъ матеріи или изъ настоящихъ липовыхъ цвѣтовъ и листьевъ.

— Какъ зовутъ эту бабушку? спросилъ мальчикъ.

— Римляне и греки, отвѣчалъ старикъ, звали ее Дріадой; но этого мы не понимаемъ. У насъ есть для нея имя получше, мы ее называемъ «бабушкой Липовымъ цвѣтомъ». Слушай да смотри на чудесную липу.

— Точно такое большое цвѣтущее дерево росло въ уголку маленькаго бѣднаго дворика. Подъ этимъ деревомъ сидѣли какъ-то послѣ обѣда въ ясный, солнечный день старичекъ со старушкой. Это былъ старый, старый морякъ и его старая, старая жена. У нихъ были уже правнуки, имъ слѣдовало уже праздновать золотую свадьбу, но они забыли число. А бабушка липовый цвѣтъ сидѣла на деревѣ и имѣла такой же довольный видъ, какъ сегодня.

— Я знаю, когда ваша золотая свадьба! сказала она. Но они ее не слышали, они говорили о давно прошедшихъ временахъ.

— Помнишь ты, сказалъ старый морякъ, когда мы были совсѣмъ маленькими, бѣгали по двору и играли? Это было, вѣдь, здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь сидимъ. Мы втыкали въ землю палочки и дѣлали себѣ садикъ.

— Да, отвѣчала старушка, я это очень хорошо помню. Мы еще поливали эти палочки, и одна липовая вѣточка пустила корни, выгнала зеленые побѣги и выросла теперь въ густое дерево. А мы, старики, теперь наслаждаемся его тѣнью.

— Такъ, такъ! подтвердилъ онѣ. А тамъ въ углу стоялъ чанъ съ водой. Въ немъ плавалъ мой челнокъ, я его самъ себѣ вырѣзалъ. Какіе у него были паруса! Но скоро я научился иному плаванію.

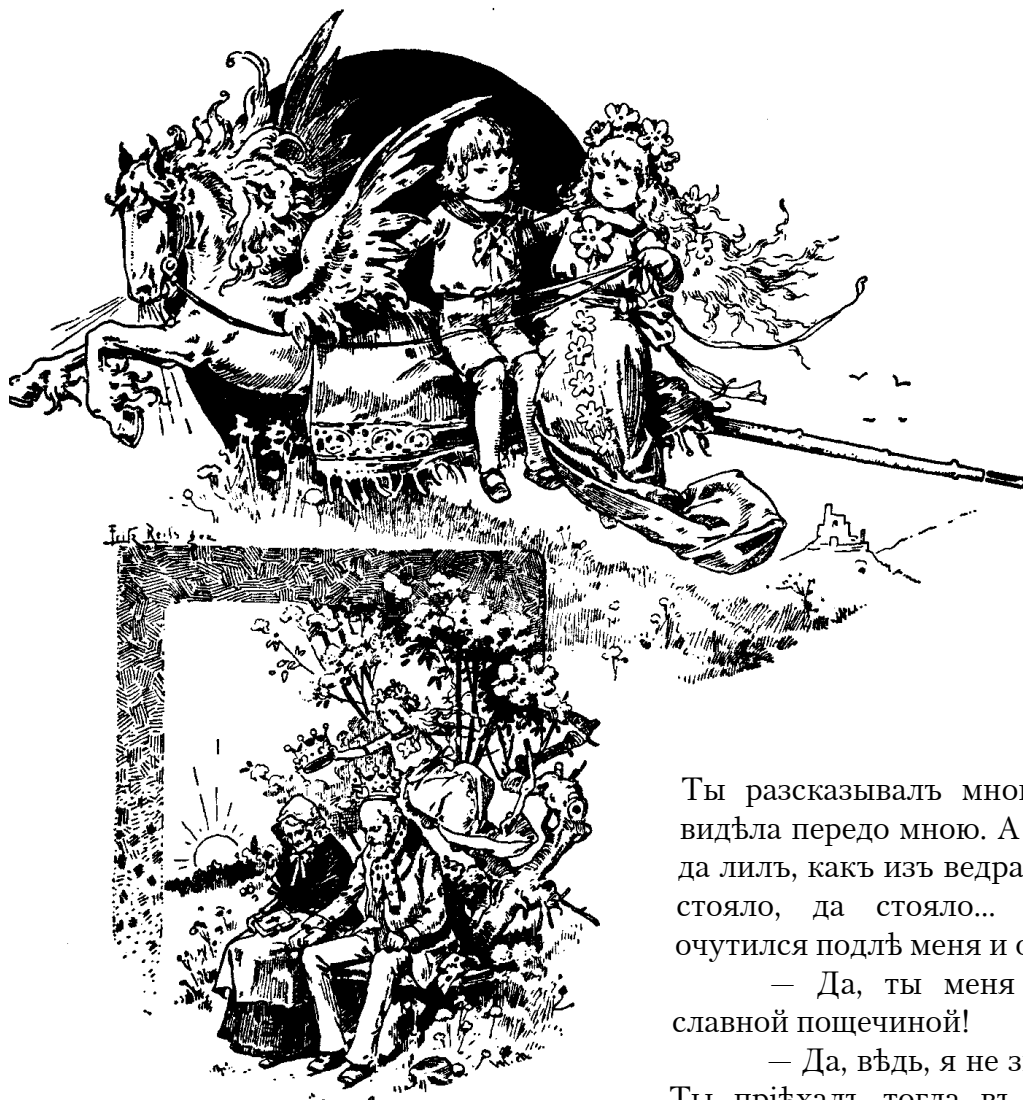
— Да, но сперва мы ходили въ школу и учились! сказала старушка. Потомъ пошли въ первый разъ къ причастію. Мы оба плакали; а послѣ обѣда взялись за руки, поднялись на круглую башню и оттуда любовались Копенгагеномъ и моремъ. По томъ мы пошли гулять въ Фреденсборгъ, гдѣ король и королева катались въ своей чудесной гондолѣ по каналамъ.

— А потомъ я уѣхалъ въ море, и много летъ подрядъ былъ въ далекихъ опасныхъ плаваніяхъ...

— Да, я часто по тебѣ плакала, прервала она его. Я думала, что ты уже лежишь на днѣ морскомъ. Сколько ночей я вставала и смотрѣла, вертится ли флюгеръ. Флюгеръ-то вертѣлся, а ты все не пріѣзжалъ. Я отлично помню, какъ разъ шелъ дождь, я сошла внизъ съ

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

ведромъ и остановилась у дверей. Ко мнѣ подошелъ почталіонъ и подаль письмо. Письмо это было отъ тебя. Оно совершило большое путешествіе. Я поспѣшила его распечатать, прочла и такъ обрадовалась, что смѣялась и плакала. Ты писалъ, что находишься въ теплыхъ краяхъ, тамъ, гдѣ растеть кофе. И что это за счастливая, благословенная страна!

Ты рассказывалъ много, и все это я видѣла передо мною. А дождь все лиль, да лиль, какъ изъ ведра, а ведро мое все стояло, да стояло... Вдругъ, кто-то очутился подлѣ меня и обнялъ меня...

— Да, ты меня тогда угостила славной пощечиной!

— Да, вѣдь, я не знала, что это ты. Ты пріѣхалъ тогда въ одно время съ

письмомъ, и какимъ же ты былъ красавцемъ. Впрочемъ, ты и теперь такой же. Въ карманѣ у тебя былъ большой шелковый платокъ, а на головѣ блестящая шляпа. Ты былъ такой тогда нарядный... Но, Боже мой! что это была тогда за погода! И на что была похожа улица!..

— А потомъ мы повѣнчались! сказалъ онъ. Родились у насъ дѣти: Марія, и Нильсъ, и Петръ, и Гансъ, и Христіанъ.

— Да, и всѣ они выросли и стали порядочными людьми. Всякій это скажетъ.

— И у ихъ дѣтей есть уже дѣти! сказалъ старикъ. Это наши правнуки. День нашей свадьбы былъ, если я только не ошибаюсь, какъ разъ въ такое же время года, какъ теперь.

— Да, вѣдь, сегодня и есть день вашей золотой свадьбы! сказала имъ бабушка Липовый цвѣтъ.

Она просунула свою голову между обоими стариками. Они же подумали, что это имъ говорить ихъ сосѣдка.

Скоро пришли къ нимъ ихъ дѣти, внуки и правнуки, они всѣ хорошо знали, что сегодня день ихъ золотой свадьбы. Сего дня утромъ они уже и поздравляли стариковъ; но старики это позабыли, хотя отлично помнили, что случилось много лѣтъ тому назадъ.

Липа чудно такъ благоухала, а заходившее солнце свѣтило прямо въ лицо старикамъ. Оба они казались такими цвѣтущими. Самая младшая правнучка прыгала около нихъ и распѣвала: «сегодня вечеромъ будетъ пиръ, дадутъ намъ горячихъ картошекъ!» Бабушка Липовый цвѣтъ кивала съ дерева и кричала вмѣстѣ съ другими: «ура!»

— Да, вѣдь, это не сказка! замѣтилъ мальчикъ.

— Много ты понимаешь! возразилъ рассказчикъ. Спроси-ка бабушку Липовый цвѣтъ объ этомъ.

— Это-то не сказка! замѣтила бабушка: а сказка еще впереди! Изъ дѣйствительности всегда вырастаетъ самая чудная сказка. Вѣдь иначе мое роскошное дерево не могло бы вырасти изъ чайника.

Съ этими словами она взяла маленькаго мальчика изъ кровати и прижала его къ груди.

Цвѣтущія липовыя вѣтви сомкнулись около нихъ; они сидѣли, какъ въ бесѣдкѣ, и эта бесѣдка поднялась съ ними на воздухъ. Это было невыразимо хорошо!

Бабушка Липовый цвѣтъ превратилась въ молодую хорошенькую дѣвочку, только платье на ней осталось изъ той же зеленой съ бѣлыми цвѣточками матеріи; на груди у нея былъ живой липовый цвѣтокъ, а на бѣлокурыхъ локонахъ цѣлый вѣнокъ изъ липоваго цвѣта. Ахъ, какъ чудно смотрѣлось въ ея большіе голубые глаза! Они были однолѣтки съ мальчикомъ, у нихъ были однѣ и тѣ же радости! Взявшись рука за руку, они вышли изъ бесѣдки и очутились въ прекрасномъ цвѣтникѣ. На зеленой лужайкѣ къ тычинкѣ была привязана палка отца. Дѣти сѣли на нее, и тотчасъ блестящая ручка обратилась въ прекрасную лошадиную голову, выросли четыре стройныя ноги; сильный горячій конь заржалъ и съ развѣвающимся черною гривой поскакалъ вокругъ лужайки.

— Теперь мы уѣдемъ отсюда далеко, за нѣсколько миль, въ тотъ рыцарскій замокъ, гдѣ мы были въ прошломъ году.

Они скакали вокругъ лужайки, а маленькая дѣвочка, или лучше сказать, бабушка Липовый цвѣтъ, постоянно восклицала:

— Вотъ мы теперь въ деревнѣ! Видишь ты крестьянскій домикъ съ большою печью; она смотритъ на насъ точно исполинское яйцо. А липа простираетъ надъ домикомъ свои вѣтви. Теперь мы у церкви. Она стоитъ высоко на холмѣ подъ большими дубами. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ высохъ. Вотъ мы и у кузницы. Въ ней горитъ яркій огонь, а полунагіе кузнецы такъ стучатъ молотами, что искры во всѣ стороны сыплются... А тамъ дальше чудесный рыцарскій замокъ.

И все, что дѣвочка говорила, сидя сзади на палкѣ, превратившейся въ лошадь, пролетало мимо нихъ.

Мальчикъ видѣлъ все это, несмотря на то, что они скакали только мимо лужайки.

Потомъ они стали играть на боковой дорожкѣ и садить маленькій садикъ. Она взяла липовыя цвѣточки изъ волосъ и воткнула ихъ въ песокъ. Они выросли совсѣмъ такъ, какъ у стариковъ, когда тѣ были дѣтьми. Они также взяли за руки и пошли, только не на круглую башню и не въ Фреденсбургскій садъ, нѣтъ! дѣвочка обняла мальчика, и они полетѣли далеко, далеко по всей странѣ.

Весна смѣнялась лѣтомъ; осень — зимою; тысячи разнообразныхъ картинъ мѣнялись передъ мальчикомъ. А дѣвочка посто янно повторяла:

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

— Этого ты никогда не забудешь!

И пока они летѣли, липа такъ чудно, такъ нѣжно благоухала. Онѣ замѣчали и другіе цвѣты, но благоуханіе липы пересиливало ихъ запахъ. Можетъ быть, потому что мальчикъ часто склонялъ свою больную голову на грудь дѣвочки къ липовому букету.

— Вотъ здѣсь прекрасно весной! сказала дѣвочка.

Они были въ прекрасномъ буковомъ лѣсу; фіалки благоухали у ихъ ногъ, а изъ зелени выглядывали блѣднорозовые анемоны. О, если бы всегда была весна! Если бы буковый лѣсъ никогда не старѣлся, никогда не переставалъ благоухать! — А здѣсь чудесно лѣтомъ! говорила она.

И они пролетали мимо старыхъ рыцарскихъ замковъ. Высокія стѣны и зубчатая башня смотрѣли въ каналы, по которымъ плавали лебеди, заглядывавшіе въ старыя тенистыя аллеи.

На полѣ, какъ море, колыхалась рожь. Во рвахъ цвѣли красные и желтые цвѣты, а на холмахъ вились дикій хмель и павилика.

Вечеромъ вошелъ мѣсяцъ, большой, круглый. Копны сѣна на лугахъ издавали нѣжное благоуханіе. Это тоже не забывается.

— А здѣсь великолѣпно осенью! сказала дѣвочка. Воздухъ казался вдвое выше и синѣе. Лѣсъ одѣлся въ красный, желтый и зеленый цвѣта. Охотничьи собаки гонялись за цѣлыми стаями птицъ. По темносинему морю плыли корабли съ бѣлоснѣжными парусами. На огородахъ старухи, дѣвушки и дѣти собирали хмель. Дѣти пѣли пѣсни, а старухи рассказывали сказки. Казалось, не могло быть лучше.

— Вотъ гдѣ хорошо зимою! сказала дѣвочка. Всѣ деревья покрылись инеемъ, они казались кораллами. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, точно всѣ надѣли новые сапоги. Съ неба падали одна за другою звѣздчатые чешуйки! Въ комнатѣ зажигали рождественскую елку. Сколько при этомъ было пѣнія и радости! Даже самое бѣдное дитя и то соглашалось, что зимою чудесно!

Маленькая дѣвочка показывала все это мальчику. А липа все благоухала; а красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ не переставалъ развѣваться, флагъ, подъ которымъ плавалъ старый морякъ.

Мальчикъ развился въ юношу; онѣ долженъ былъ уѣхать далеко въ теплыя страны, гдѣ растетъ кофе. На прощанье дѣвочка дала ему липовый цвѣтокъ со своей груди и велѣла ему его беречь. Онѣ положилъ его въ свой молитвенникъ, и въ чужихъ краяхъ книга открывалась всегда на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ цвѣтокъ воспоминанія. Чѣмъ больше онѣ на него смотрѣлъ, тѣмъ свѣжѣе становился цвѣтокъ, и онѣ могъ вдыхать ароматъ родныхъ лѣсовъ. Тогда онѣ ясно видѣлъ маленькую дѣвочку, она выглядывала своими синими глазками изъ лепестковъ, и множество картинъ возникало въ его памяти.

Потомъ прошло много лѣтъ. Старымъ старикомъ онѣ сидѣлъ со своею старою женою подъ цвѣтущею липою. Они также взяли за руки, какъ прадедъ съ прабабушкой, и говорили тоже о старыхъ временахъ и золотой свадьбѣ. А дѣвочка съ синими глазами и липовымъ цвѣтомъ въ волосахъ кивала имъ головою и говорила:

— Сегодня день вашей золотой свадьбы!

Она вынула изъ своего вѣнка два цвѣточка и поцѣловала ихъ. Цвѣты заблестѣли сперва серебромъ, а потомъ золотомъ; а когда она ихъ положила на головы стариковъ, каждый цвѣтокъ превратился въ золотую корону. Старики сидѣли, какъ король съ королевою, подъ душистою липою, и онѣ рассказывалъ сказку о бабушкѣ Липовомъ цвѣтѣ, и имъ казалось, что эта исторія походитъ на ихъ собственную.

— Да, это правда! сказала дѣвочка съ липы. Кто меня зоветъ бабушкой Липовымъ цвѣтомъ, кто — Дріадой; настоящее же мое имя «Воспоминаніе». Я живу въ деревѣ, которое растеть и растеть; я могу заглядывать въ прошлое и рассказывать. Посмотримъ, сохранили ли ты свой цвѣтокъ?

Старикъ открылъ молитвенникъ, и липовый цвѣтъ лежалъ тамъ такой свѣжій, какъ будто его только что сорвали. Воспоминаніе кивнуло головой. Старички продолжали сидѣть въ золотыхъ вѣнцахъ, въ пурпурѣ заходящаго солнца. Они закрыли глаза и... и...? Да тутъ былъ и сказкѣ конецъ.

Маленькій мальчикъ лежалъ въ своей постелькѣ и не зналъ, видѣлъ ли онъ это во снѣ, или ему это рассказывали. Чайникъ стоялъ на столѣ, но изъ него не росло Липовое дерево, а старикъ, рассказывавшій все это, намѣревался скрыться за дверью, что онъ и сдѣлалъ.

— Какъ это чудесно! сказалъ мальчикъ. Мама, я былъ въ жаркихъ странахъ.

— Еще бы! сказала мать. Если выпьешь цѣлыхъ двѣ чашки горячаго липоваго чаю, то можешь очутиться въ жаркихъ странахъ. И она заботливо укрыла его, чтобы онъ не простудился.

— Ты отлично спалъ, пока я спорила съ нимъ, дѣйствительный ли это рассказъ или сказка.

— А гдѣ же бабушка Липовый цвѣтъ? спросилъ мальчикъ.

— Она въ чайникѣ, отвѣчала мать. Пусть тамъ и сидитъ.

ЕЛКА

Росла въ лѣсу
хорошенькая елочка.

Хорошо было ей стоять, солнечнаго свѣта было довольно, воздуха тоже; а кругомъ нея росло много ея взрослыхъ товарищей, елокъ и сосенъ. Маленькой елочкѣ тоже страстно хотѣлось поскорѣе вырасти. Она не замѣчала ни теплаго солнца, ни свѣжаго воздуха, не заботилась о крестьянскихъ дѣтяхъ, собиравшихъ землянику и малину и болтавшихъ безъ умолку. Часто приходили они съ полными корзинами земляники и нанизывали ее на соломинки; потомъ они садились подлѣ елочки и говорили:

— Ахъ, какая она хорошенькая, маленькая! Это было нашему деревцу совсѣмъ не по сердцу! На слѣдующій годъ у нея прибавился порядочный

отростокъ на вершинѣ, на другой годъ еще отростокъ, но ей все было мало.

— Ахъ, если бы я была такимъ большимъ деревомъ, какъ другія, вздыхала она: тогда я могла бы простирать вѣтви далеко вокругъ и смотрѣть своей вершиной на міръ Божій. Птицы вили бы гнѣзда на моихъ вѣтвяхъ и если бы поднялся бы вѣтеръ, я такъ же важно кивала бы головою, какъ и другія.

Елочку не радовали ни солнечный свѣтъ, ни птицы, ни пурпуровыя облака, проплывавшія надъ нею утромъ и вечеромъ. Зимой, когда снѣгъ бѣлою пеленою лежалъ вокругъ и блестялъ на солнцѣ, пробѣгалъ иногда заяцъ и однимъ прыжкомъ перескакивалъ

черезъ елочку. Это было всего обиднѣе. Но прошли двѣ зимы и къ третьей деревцо такъ выросло, что заяцъ долженъ былъ обѣгать кругомъ него.

«Расти, расти, вырасти и состарѣться, что можетъ быть лучше на свѣтѣ?» думала елочка.

Осенью всегда приходили дровосѣки и срубали нѣсколько самыхъ большихъ деревьевъ. Молодая елочка, которая уже порядкомъ повзросла, содрагалась, видя, какъ съ шумомъ падали на землю великолѣпныя исполины-деревья. У нихъ обрубали вѣтви, и они казались такими голыми, длинными, тонкими, ихъ совсѣмъ нельзя было узнать. Потомъ ихъ складывали на телѣги, и лошади увозили ихъ изъ лѣсу. Куда ихъ везли? Что имъ предстояло?

Весною елочка спрашивала аистовъ и ласточекъ:

— Не знаете ли вы куда ихъ увезли? Не встрѣчались ли вы съ ними?

Ласточки ничего не знали; но аистъ многозначительно покачалъ головою и сказалъ:

— Еще бы не встрѣтить? Я встрѣтилъ множество новыхъ кораблей, вѣхавшихъ изъ Египта; на корабляхъ были чудесныя мачты. Я думаю, что это были онѣ, отъ нихъ пахло елкою. Я могу снести имъ поклоны изъ лѣсу.

— Ахъ, еслибы я скорѣе выросла, чтобы путешествовать по морю! Какое же это море? Какой оно имѣетъ видъ?

— Это слишкомъ долго объяснять, отвѣчалъ аистъ и улетѣлъ.

— Будь довольна твоею молодостью! — говорили солнечные лучи. Радуйся своей свѣжести, молодой жизни, которая кипитъ въ тебѣ.

Вѣтеръ цѣловалъ деревцо. Роса плакала надъ нимъ своими слезами, но деревцо этого не понимало.

Къ Рождеству срубали совсѣмъ молодыя деревца; изъ нихъ нѣкоторый были даже меньше елочки, другія однихъ съ нею лѣтъ. Эти молодыя деревья оставались съ вѣтвями, ихъ клали на телѣгу и лошади вывозили ихъ изъ лѣсу.

— Куда ихъ везутъ? — спрашивала елочка. Онѣ не больше меня, а одна и меньше. Зачѣмъ оставили имъ всѣ ихъ вѣтви?

— Это мы знаемъ, это мы знаемъ! — щебетали воробьи. Мы подсматривали въ городѣ въ окна, мы знаемъ куда ихъ везутъ. Ихъ ожидаетъ такая роскошь и великолѣпіе, какія только можно себѣ представить. Ихъ поставятъ посреди теплой комнаты и увѣшаютъ прелестными вещами: позолоченными орѣхами, яблоками, медовыми пряниками, игрушками и нѣсколькими сотнями свѣчей.

— А потомъ? — спросила елочка и затрепетала всѣми своими вѣтвями. Потомъ? Что станетъ съ ними потомъ?

— Да больше мы ничего не видали. А то, что мы видѣли, то было несомнѣнно хорошо.

— Предназначенъ ли и мнѣ этотъ блестящій путь? — восторженно проговорила елочка. Это еще лучше, чѣмъ путешествовать по морю. Хоть бы скорѣй наступило Рождество. Я теперь, кажется, достаточно выросла, я теперь такая же, какъ и тѣ елочки, которыхъ увезли прошлый годъ. О, если бы и меня скорѣе взвалили на телѣгу! О, если бы и мнѣ быть въ теплой комнатѣ, гдѣ все такъ великолѣпно! А потомъ? А потомъ, на вѣрное, будетъ что-нибудь лучшее, что-нибудь еще прекраснѣе, иначе зачѣмъ насъ такъ украшать? О, какъ я страдаю! Я сама не знаю, что со мною!

— Радуйся, что мы съ тобою! — сказали воздухъ и солнечные лучи. Радуйся твоей молодости и свободѣ!

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Но елочка не могла радоваться, она только росла и росла, зиму и лѣто она простояла темнозеленою. Люди, видя ее го ворили:

— Вотъ чудесное деревцо!

Къ Рождеству ее срубили первую. Топоръ прошелъ до самой сердцевины; дерево со вздохомъ упало на землю. Оно чу ствовало боль, оно было какъ въ обморокъ. Оно совсѣмъ не могло думать о счастьѣ, ему такъ грустно было разстаться съ родиною, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ оно выросло. Оно знало, что никогда болѣе не увидитъ своихъ старыхъ товарищей, маленькихъ кусточковъ и цвѣтовъ, можетъ быть, даже и птицъ. Отѣздъ оказался совсѣмъ непріятнымъ. Дерево пришло въ себя только тогда, когда его вмѣстѣ съ другими сняли съ воза. Оно услышало, какъ какой-то человѣкъ говорилъ:

— Вотъ это великолѣпное деревцо! Мы его и возьмемъ. Пришли два лакея въ ливреяхъ и внесли елку въ большой прекрасный залъ. По стѣнамъ висѣли картины, а въ углахъ стояли большія китайскія вазы съ драконами на крышкахъ. Тамъ были стулья-качалки, шелковыя софы, большіе столы съ наваленными на нихъ книжками съ картинками и игрушками, стоимыми сотни сотенъ рублей, по крайней мѣрѣ, такъ разсказывали дѣти.

Елку посадили въ большую кадку, наполненную пескомъ; но кадки никто не могъ видѣть, ее задрапировали зеленою матерію и поставили на большой пестрый коверъ.

О, какъ дрожало деревцо! Что-то будетъ теперь? Прислуга и барышни украшали его. На вѣтви повѣсили маленькія сѣточки, вырѣзанныя изъ цвѣтной бумаги, и въ каждой сѣточкѣ лежали леденцы. Позолоченные орѣхи и яблоки висѣли на немъ, какъ будто приросли къ нему. Больше сотни красныхъ, синихъ, желтыхъ и бѣлыхъ свѣчечекъ были прилѣплены къ его вѣтвямъ. Куклы, совершенно похожія на живыхъ людей, — деревцо никогда прежде такихъ не видѣло, — колебались въ зелени, а къ самой верхушкѣ прикрѣпили звѣзду изъ сусальнаго золота. Какое великолѣпіе!

— Сегодня вечеромъ, говорили всѣ, сегодня вечеромъ елка засіяетъ!

— О, шептало деревцо: кабы поскорѣ насталъ вечеръ, поскорѣ бы зажгли деревцо! И что же будетъ потомъ? Не придутъ ли деревья изъ лѣсу полюбоваться на меня? Не прилетятъ ли воробьи къ окнамъ? Не прирасту ли я здѣсь навсегда къ полу, не буду ли стоять и зиму, и лѣто все такъ же украшенная?

Наконецъ, зажгли и свѣчи. Сколько блеску, сколько свѣту! Дерево задрожало всѣми вѣтвями, и при этомъ одна свѣча зажгла зеленую вѣточку.

— Ахъ, Боже мой! — закричали барышни. Онѣ скорѣ загасили свѣчку.

Деревцо не смѣло теперь шевельнуться: оно боялось потерять что-либо изъ своихъ украшеній; блескъ совсѣмъ ослѣпилъ его.

Въ эту минуту распахнулись обѣ половинки двери. Вбѣжала толпа дѣтей, а за ними вошли и взрослые. Дѣти онѣмѣли отъ удивленія; но только на одну минуту, а затѣмъ опять раздались ихъ веселые крики. Они танцовали вокругъ дерева и получали одинъ за другимъ свои подарки.

— Что это они дѣлаютъ? думало деревцо. Что же теперь будетъ? Свѣчи догорѣли до вѣтвей. Мало по малу ихъ всѣхъ погасили и дѣтямъ позволили обождать елку.

Они бросились на нее такъ, что вѣтки затрещали. Если бы верхушка съ золотой звѣздой не была прикрѣплена къ потолку, елка навѣрное, упала бы.

Дѣти танцовали со своими прекрасными игрушками. Никто теперь не обращалъ вниманія на деревцо, только старушка-няня подошла къ нему и заглянула между вѣтвей. Она хотѣла посмотрѣть, не забыли ли тамъ яблока или финика.

— Теперь сказку, сказку! кричали дѣти.

Они тащили къ дереву маленькаго толстаго человѣка. Онъ усѣлся подъ его вѣтками.

— Вотъ теперь мы въ зелени! сказалъ онъ. Дереву же особенно полезно будетъ прослушать нашу сказку. Но я расскажу только одну. Выбирайте: хотите-ли вы слышать объ Иведе-Аведе, или о Клумпе-Думпе, какъ онъ упалъ съ лѣстницы и все-таки добился почестей и получилъ принцессу.

— Иведе-Аведе! кричали одни.

— Клумпе-Думпе! кричали другіе.

Поднялся шумъ, крикъ; только елка молчала и думала про себя:

— А обо мнѣ вы совсѣмъ позабыли? Развѣ я не буду тоже въ чемъ нибудь участвовать?

Тогда старичекъ разсказалъ о Клумпе-Думпе, упавшемъ съ лѣстницы и не смотря на то добившемся почести и получившемъ принцессу. Дѣти хлопали въ ладоши и кричали:

— Разсказывай, разсказывай еще!

Имъ теперь хотѣлось слышать и объ Иведе-Аведе, но имъ рассказали только о Клумпе-Думпе.

Елка стояла безмолвная и задумчивая. Птицы въ лѣсу никогда не разсказывали подобныхъ сказокъ.

— Клумпе-Думпе упалъ съ лѣстницы и получилъ принцессу. Да, да, вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ! думала про себя елка. Она принимала сказку за истину.

— Да, да! кто это можетъ знать, можетъ быть, и я упаду съ лѣстницы и получу принцессу!

Она заранѣе радовалась слѣдующему дню и думала, что ее опять разукрасятъ свѣчками, игрушками, золотомъ и плодами.

— Завтра я опять буду дрожать, думала она, и буду радоваться своему великолѣпію. Завтра я опять услышу о Клумпе-Думпе, а можетъ быть, и объ Иведе-Аведе.

Елочка простояла всю ночь въ тихой задумчивости.

Утромъ пришли лакеи и горничная.

— Можетъ быть, снова меня будутъ украшать, подумала елка. Но они вытащили ее изъ комнаты по лѣстницѣ на чердакъ и поставили въ темный уголъ, куда не проникалъ дневной свѣтъ.

— Что же это значить? думала елка. Что я буду здѣсь дѣлать? Что я здѣсь услышу?

Она прислонилась къ стѣнѣ и думала, и думала. Для этого у нея было достаточно времени. Проходили дни и ночи, а ее наверху никто не посѣщалъ. Наконецъ, кто-то вошелъ, но только для того, чтобы поставить въ уголъ большіе ящики. Теперь деревцо совсѣмъ спряталось, объ немъ всѣ совершенно позабыли.

— Теперь на дворѣ зима, подумала елка. Земля замерзла и покрылась снѣгомъ. Люди не могутъ меня посадить, вотъ они и оставили меня здѣсь до весны. Какъ хорошо это придумано! Какъ они добры. Если-бъ только здѣсь не было такъ тепло, и если-бъ я не чувствовала себя такою одинокою. Даже ни одного зайчика! Какъ красиво было въ лѣсу, когда повсюду лежалъ снѣгъ, и мимо меня пробѣгалъ заяцъ! Даже и то было хорошо, что онъ скакалъ черезъ меня, но въ то время я этого терпѣть не могла.

— Пикъ-пикъ! сказала мышка и выскочила изъ угла.

За нею показалась и другая. Онѣ обнюхали елку и проскользнули между ея вѣтвями.

— Какой ужасный морозъ! сказали мышки. Впрочемъ, здѣсь хорошо! Не правда ли, старая елка?

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

— Я вовсе не стара, возразила елка. Есть гораздо старше меня.

— Откуда ты? спросили мышки. И что ты знаешь? Мыши были очень любопытны.

— Расскажи намъ о лучшемъ мѣстѣ на землѣ. Была ты тамъ? Видѣла ты кладовую, гдѣ на полкахъ лежитъ сыръ, а подъ потолкомъ висятъ окорока, гдѣ можно танцевать на свѣчномъ салѣ, кудаходишь худымъ, а выходишь толстымъ?

— Нѣтъ, этого я не знаю, сказало деревцо. Но я знаю лѣсъ, гдѣ свѣтитъ солнце и поютъ птицы.

Елка рассказала все о своей молодости. Маленькія мышки никогда прежде ничего подобного не слышали. Онѣ слушали и говорили:

— Какъ много ты видѣла! Какъ ты была счастлива!

— Я? удивилась елка и призадумалась надъ своимъ рассказомъ.

— Да; это были счастливыя времена... Потомъ она рассказала имъ о рождественскомъ вечерѣ, когда ее украсили гостинцами и свѣчами.

— О, воскликнули мышки: какъ ты была счастлива, старая елка!

— Я совсѣмъ не стара! возразила она. Меня только этою зимою привезли изъ лѣсу.

— Какъ ты прекрасно рассказываешь! сказали мышки. На слѣдующую ночь онѣ привели еще четырехъ мышекъ, и елка снова должна была рассказывать. Чѣмъ больше она рассказывала, тѣмъ яснѣе сама вспоминала свою жизнь.

— Да, это были веселыя времена! Но они могутъ опять вернуться. Клумпе-Думпе упалъ съ лѣстницы и все-таки получилъ свою принцессу. Можетъ быть и я дождусь принцессы.

Елкѣ невольно вспоминалась маленькая зеленая березка въ лѣсу; она была для нея настоящею принцессою.

— Кто такое Клумпе-Думпе? спрашивали мышки. Елка рассказала имъ сказку, она запомнила ее слово въ слово. Мышки отъ радости готовы были вскочить на вершину деревца.

На другую ночь пришло еще больше мышей, а въ воскресенье явились даже двѣ крысы. Но онѣ нашли, что рассказъ не интересенъ. Это опечалило мышекъ. Теперь и имъ самимъ рассказъ пересталъ нравиться.

— Вы знаете только эту одну исторію? спросили крысы.

— Только эту одну, я слышала ее въ самый счастливый вечеръ моей жизни; тогда я мало думала о томъ, какъ была счастлива.

— Это прежалкая исторія! Не можете ли вы лучше рассказать что нибудь о шпекѣ, или о сальныхъ свѣчахъ, или о кладовой?

— Нѣтъ! отвѣчала елка.

— Ну, такъ покорно благодаримъ! сказали крысы и пошли домой.

Мышки тоже перестали посѣщать елку. Она часто вздыхала.

— Ахъ, какъ было хорошо, когда онѣ сидѣли вокругъ меня, эти маленькія попрыгуньи-мышки и слушали, что я имъ рассказывала. Теперь и этому конецъ! Но, вѣдь, и меня могутъ ожидать радости! Буду думать о томъ времени, когда и меня вынесутъ на свѣтъ Божій.

Да, это и случилось какъ-то. Пришли люди и стали распоряжаться на чердакѣ. Ящики переставили, елку вытащили изъ ея угла и довольно безцеремонно бросили на полъ, а одинъ изъ слугъ стащилъ ее внизъ по лѣстницѣ.

— Вотъ когда для меня начинается снова жизнь! подумала елка.

На нее повѣяло свѣжимъ воздухомъ, ее освѣтило яркое солнце, она лежала на дворѣ. Все произошло такъ быстро, такъ многое привлекло вниманіе елки, что въ первое время она забыла о самой себѣ. Ко двору прилегалъ садъ. Тамъ все цвѣло, благоухало. Свѣжія душистыя розы свѣшивались сквозь рѣшетку, липы стояли въ полномъ цвѣту, а ласточки летали во кругъ и щебетали:

— Чивить-вить-вить, мой мужъ прилетѣлъ!

Но онѣ при этомъ не имѣли въ виду елки.

— Вотъ когда я еще поживу! думала елочка, простирая свои вѣтви.

Но ахъ, онѣ были сухія и желтыя! А сама она лежала въ углу между сорной травой и крапивою. Звѣзда изъ золотой бумаги еще держалась на верхушкѣ и блестѣла на солнцѣ.

На дворѣ играло нѣсколько веселыхъ дѣтей, тѣхъ же, которыя танцѣвали вокругъ елки на Рождествѣ. Самый маленькій подбѣжалъ къ елкѣ и сорвалъ звѣзду.

— Посмотрите-ка, что еще сидитъ на гадкой старой елкѣ, закричалъ онъ и такъ наступилъ на ея вѣтви, что онѣ затрещали подъ его сапогами.

Деревцо посмотрѣло на высокомерныя цвѣты и на свѣжій садъ, потомъ взглянуло на себя и пожелала снова быть въ темномъ углу чердака. Оно вспомнило свою молодость въ лѣсу, рождественскій вечеръ и маленькихъ мышекъ, такъ внимательно слушавшихъ разсказъ о Клумпе-Думпе.

— Все прошло, все прошло! сказала старая елка. Зачѣмъ я не радовалась, когда могла? Всему, всему конецъ!

Слуга пришелъ и разрубилъ дерево на куски. Куски эти ярко вспыхнули подъ большимъ котломъ. Елка глубоко вздохала, и каждый вздохъ былъ похожъ на выстрѣлъ.

Дѣти подбѣгали тогда къ печкѣ, садились передъ огнемъ и кричали:

— Пифъ-пафъ!

А деревцо съ каждымъ глубокимъ вздохомъ вспоминало либо лѣтній день въ лѣсу, либо зимнюю ночь съ блестящими звѣздами. Оно вспоминало рождественскій вечеръ, Клумпе-Думпе, единственную сказку имъ слышанную... И такъ оно сгорѣло.

Мальчики играли въ саду. У самаго маленькаго на груди блестѣла золотая звѣзда, красовавшаяся на елкѣ въ самый счастливый вечеръ ея жизни.

И вечеру этому былъ конецъ, и елкѣ, и нашему о ней разсказу тоже.

Прошло, все прошло... И такъ бываетъ со всѣми разсказами въ мірѣ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Такого стараго, стараго дома не было больше на всей улицѣ. Ему скоро должно было исполниться триста лѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласила одна изъ балокъ, гдѣ былъ вырѣзанъ годъ постройки, обвитый тюльпанами и хмелемъ. На стѣнкахъ дома были начертаны древніе стихи, а надъ каждымъ окномъ на балкѣ было вырѣзано лицо, корчившее гримасу. Одинъ этажъ сильно выдавался надъ другимъ, а подъ самой крышей была свинцовая труба съ драконовою головою. Дождевой водѣ слѣдовало выходить изъ пасти, но она бѣжала изъ брюха, такъ какъ въ трубѣ оказалась дырка.

Всѣ остальные дома улицы были новенькіе, красивые, съ большими оконными стеклами и гладкими стѣнами. Они не хотѣли имѣть никакого дѣла со старымъ домомъ и, казалось, думали:

— Долго ли будетъ стоять на нашей улицѣ эта развалина ко всеобщему стыду? Карнизы его выдаются такъ далеко, что изъ нашихъ оконъ ничего не видно на другую сторону. Лѣстница точно въ замкѣ, широкая, преширокая, и такъ высока, будто ведетъ на колокольню. Желѣзные перила напоминаютъ дверь склепа и еще украшены мѣдными головками. Это очень глупо!

Такъ или почти такъ думали и новые, чистенькіе дома, стоявшіе напротивъ стараго дома. У окна одного изъ нихъ сидѣлъ маленькій мальчикъ, свѣжій, краснощекій, съ ясными блестящими глазами; ему особенно нравился старый домъ, нравился и при солнечномъ, и при лунномъ свѣтѣ. Когда онъ смотрѣлъ на стѣны съ обвалившеюся штукатуркою, ему грезились чудныя картины, онъ представлялъ себѣ улицу въ прежнія времена, дома съ ихъ широкими лѣстницами, балконами и стрѣльчатыми фронтонами. Онъ представлялъ себѣ солдатъ съ алебардами и водосточныя трубы въ видѣ драконовъ и змѣй.

Въ старомъ домѣ жилъ старикъ. Онъ носилъ кожанныя панталоны до колѣнъ, сюртукъ съ большими мѣдными пуговицами и парикъ. Каждое утро къ нему приходилъ старичекъ, чистилъ и убиралъ въ домѣ и исполнялъ его порученія. Во все остальное время старый господинъ оставался одинъ въ своемъ старомъ домѣ. Иногда онъ подходилъ къ окнамъ и смотрѣлъ на улицу. Тогда мальчикъ кивалъ ему, и старикъ тоже кивалъ. Такъ они познакомились, стали друзьями, хотя никогда не говорили другъ съ другомъ; но въ этомъ и не было необходимости.

Мальчикъ слышалъ, какъ родители его говорили:

— Старому господину хорошо въ его домѣ; но онъ совсѣмъ одинокій!

Въ слѣдующее воскресенье мальчикъ завернулъ что-то въ кусокъ бумаги, подошелъ къ подъѣзду и сказалъ старичку, исполнявшему порученія стараго господина:

— Послушай, снеси это отъ меня своему старому барину! У меня два оловянныхъ солдатика, тутъ заверну ть одинъ изъ нихъ, пусть онъ его возьметъ, я, вѣдь, знаю, что онъ со всѣмъ одинокъ.

Старый слуга просіялъ, кивнулъ головою и снесъ оловяннаго солдатика въ старый домъ.

Затѣмъ послѣдовало приглашеніе: не желаетъ ли мальчикъ самъ явиться съ визитомъ? Родители дали свое согласіе, и мальчикъ отправился въ старый домъ.

Мѣдныя головки периль блестѣли сильнѣе; обыкновеннаго. Можно было подумать, что ихъ вычистили старательнѣе по случаю посѣщенія, а вырѣзанные на дверяхъ трубачи, казалось, трубили изо всѣхъ силъ, такъ, что щеки ихъ раздувались вдвое противъ прежняго. Да, они трубили:

— Тромъ-тороромъ-томъ-томъ! Маленькій мальчикъ идетъ! Тромъ-тороромъ-томъ-томъ!

Тогда отворилась дверь. Стѣны были сплошь завѣшаны старыми портретами рыцарей въ латахъ и дамъ въ шелковыхъ платьяхъ. Латы казалось, звенѣли, шелковые платья шуршали. Лѣстница вела сначала кверху, потомъ немного книзу на старый расшатанный балконъ со многими щелями, изъ которыхъ росла трава, и балконъ, и дворъ, и стѣна такъ заросли травой, что имѣли видъ сада. Здѣсь стояли старые цвѣточные горшки съ вылѣпленными на нихъ лицами и ослиными ушами. Цвѣты росли въ нихъ, какъ имъ вздумалось.

Потомъ мальчикъ попалъ въ комнату, обитую кабаньей кожей; на кожѣ были вытиснены золотые цвѣты

— Позолота сойдетъ, но кожа останется! — говорили стѣны.

Тамъ стояли стулья съ высокими спинками, украшенные рѣзбой.

— Садитесь! — казалось, приглашали они.

— Ухъ, какъ что то во мнѣ трещитъ. Я, навѣрно, получу ревматизмъ, какъ и старый шкафъ. Ревматизмъ въ спинѣ. Ухъ! Наконецъ, маленькій мальчикъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ старый господинъ.

— Благодарю за оловяннаго солдатика, мой маленькій другъ! — сказалъ старикъ. Благодарю и за то, что ты пришелъ ко мнѣ.

— Благодарю, благодарю! крикъ-кракъ! — говорила вся мебель.

Ея было такъ много, что она какъ будто мѣшала другъ другу, какъ будто толпилась, чтобы посмотрѣть на маленькаго мальчика.

Посреди стѣны висѣла картина, изображавшая прекрасную даму, молодую, веселую, въ старинномъ нарядѣ, съ напущенными волосами, въ пышномъ платкѣ. Она ничего не говорила, но смотрѣла своими кроткими глазами на мальчика, и онъ тот-часъ же спросилъ старика:

— Откуда она у тебя?

— Отъ старьевщика, что живетъ напротивъ, — отвѣчалъ старикъ. Тамъ всегда виситъ много картинъ. Никто ея не зналъ, никто объ ней не заботился, потому что всѣ они сошли въ могилу; только я одинъ много лѣтъ тому назадъ зналъ ее, а теперь она уже съ полстолѣтія, какъ умерла.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Подъ картиною за стекломъ висѣлъ букетъ засохшихъ цвѣтовъ, имъ тоже, навѣрное, исполнилось полстолѣтія; по крайней мѣрѣ, они имѣли такой видъ.

А маятникъ большихъ часовъ качался взадъ и впередъ, стрѣлки двигались, все въ комнатѣ стало немного старше; но никто этого не заметилъ.

— Дома у насъ говорятъ, — сказалъ маленькій мальчикъ, что ты всегда одинъ.

— О! сказалъ онъ, ко мнѣ приходятъ старыя воспоминанія, и приносятъ съ собою все, что могутъ. А теперь еще и ты посѣтилъ меня. Мнѣ совсѣмъ хорошо живется.

Онъ снялъ съ полки книгу съ картинками. Въ ней были длинныя процессіи, странныя кареты, какихъ нынче не увидишь; солдаты, похожіе на трефовыхъ валетовъ, ремесленники съ развѣвающимися знаменами. У портныхъ были на знамени ножницы, поддерживаемыя двумя львами, у сапожниковъ — сапога на знамени не было, вмѣсто него красовался орелъ съ двумя головами, для того, чтобы они могли сказать: «это пара». Ахъ, какую интересную книгу показалъ старикъ мальчику.

Старикъ вышелъ въ другую комнату, чтобы принести оттуда варенье, яблоки и орѣхи. Право, было чудесно въ старомъ домѣ!

— Я не могу этого больше выносить! — сказалъ оловянный солдатикъ, стоявшій на полкѣ. Здѣсь слишкомъ пусто и слишкомъ скучно. Нѣтъ, кто разъ узналъ семейную жизнь, тотъ здѣсь ни за что не уживется. Я не могу больше этого выносить! И день-то кажется длиннымъ, предлиннымъ, а вечеръ еще длиннѣе. Здѣсь вовсе не такъ, какъ у тебя: отецъ съ матерью весело разговариваютъ, а ты и всѣ вы, дѣтки, такъ великолѣпно шумите! Ты не можешь себѣ представить, какъ скучно здѣсь у старика. Никто его не цѣлуетъ, никто не смотритъ на него ласково, не отъ кого ему ждать даже рождественской елки. Онъ ждетъ только одной могилы. Не могу я больше этого выносить!

— А мнѣ такъ, напротивъ, всѣ здѣсь кажется чрезвычайно привлекательнымъ. Притомъ же его посѣщаютъ старыя воспоминанія со всѣмъ тѣмъ, что они могутъ принести.

— Да, но я-то ихъ не вижу и не знаю, — возразилъ оловянный солдатикъ. Говорю тебѣ, что не могу этого больше выносить!

— Ты должен! — закричалъ мальчикъ.

Въ эту минуту вошелъ старикъ съ веселымъ лицомъ и принесъ прекрасное варенье, яблоки и орѣхи. Мальчикъ совсѣмъ позабылъ объ оловянномъ солдатикѣ.

Веселый и довольный вернулся онъ домой. Прошли дни, прошли недѣли. Оба друга, какъ и прежде, обмѣнивались поклонами. Наконецъ, мальчика опять отпустили въ гости.

Трубачи опять затрубили:

— Тромъ-тороромъ-томъ-томъ! Вотъ онъ маленькій мальчикъ! Мечи и латы на старыхъ портретахъ опять зазвенѣли, платья зашуршали, кабанья кожа заговорила, старые стулья закричѣли отъ ревматизма въ спинѣ. Все было какъ въ первый разъ, потому что въ старомъ домѣ одинъ часъ проходилъ, какъ другой; одинъ день походилъ на другой.

— Я больше совсѣмъ не могу этого выносить! — сказалъ оловянный солдатикъ. Я плакалъ оловянными слезами. Здесь слишкомъ скучно! Пусти меня на войну, пусть я потеряю руку или ногу. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь иное. Теперь я знаю, каковы бываютъ, посѣщенія старыхъ воспоминаній и то, что они съ собою приносятъ. Меня тоже посѣтили мои собственныя, и ты можешь себѣ представить, что это не особенно пріятно. Я чуть не соскочилъ съ полки. Я ясно видѣлъ, какъ вы встаете въ воскресенье изъ-за стола и поете утренній псаломъ.

Вы стояли такіе тихіе со сложенными руками!; отецъ и мать тоже были торжественно настроены... Какъ вдругъ, дверь отворилась, воѣжала маленькая сестрица

Марія; ей нѣтъ еще двухъ лѣтъ. Она начала танцовать и никакъ не могла попасть въ тактъ. Звуки были слишкомъ длинные; она попробовала было стоять на одной ногѣ, но это ей не удалось. Вы всѣ стояли такіе серьезные, хотя едва удерживались отъ смѣха, Я тоже внутренно смѣялся, так что упалъ со стола и подставилъ себѣ шишку, это было мнѣ въ наказаніе за мой смѣхъ. И все, что я пережилъ у васъ, встаетъ въ моей памяти; вотъ это-то и есть старыя воспоминанія. Скажи мнѣ, поете ли вы еще по воскресеньямъ? Расскажи мнѣ о маленькой Маріи, о моемъ товарищѣ, оловянномъ солдатикѣ. Да, ему-то, конечно, хорошо! Онъ счастливъ! А я, я не могу больше этого выносить!

— Ты подаренъ, сказалъ мальчикъ, и ты долженъ здѣсь оставаться! Неужели ты этого не понимаешь?

Старикъ показаль на этотъ разъ ящикъ со всякой мелочью: коробочками, мѣшечками, старыми картами, такими большими, съ позолотою, какихъ теперь больше нѣтъ. Онъ открылъ фортепіано. Внутри на крышкѣ были нарисованы ландшафты. Но само фортепіано хрипѣло, когда старикъ заигралъ на немъ. Онъ кивнулъ портрету, купленному у старьевщика, и глаза его при этомъ заблестѣли.

— Я хочу на войну, я хочу на войну! кричалъ оловянный солдатикъ и бросился съ полки на полъ.

Куда же онъ дѣлся? И старикъ искалъ, и мальчикъ искалъ. Онъ исчезъ, исчезъ.

— Я его найду потомъ! сказалъ старикъ.

Но онъ никогда не нашель. Въ полу были слишкомъ большія щели. Оловянный солдатикъ упалъ въ одну изъ нихъ и лежалъ теперь, какъ въ открытомъ гробу.

День прошель. Мальчикъ вернулся домой. Протекло много недѣль. Окна замерзли. Мальчикъ долженъ былъ дышать на стекла, чтобы сквозь оттаявшую дырочку видѣть старый домъ. Всѣ украшенія и надписи занесло снѣгомъ; снѣгъ покрывалъ. всю лѣстницу, какъ будто никого не было дома.

И, дѣйствительно, въ домѣ никого не было; старый господинъ умеръ.

Вечеромъ передъ дверью остановились дроги, и его повезли въ гробу въ фамильный склепъ. Никто его не провожалъ, всѣ его друзья и знакомые перемерли. Только маленькій мальчикъ послалъ ему вслѣдъ воздушный поцѣлуй, когда гробъ проѣхалъ мимо его оконъ.

Нѣсколько дней спустя въ старомъ домѣ былъ аукціонъ, и мальчикъ изъ своего окна видѣлъ, какъ изъ дома выносили рыцарей въ латахъ, нарядныхъ дамъ, цвѣточные горшки съ длинными ушами, стулья и старые шкафы. Одно попало сюда, другое туда, а ея портретъ, купленный у старьевщика, опять попалъ къ нему и остался тамъ висѣть, такъ какъ никто о немъ не заботился.

Весною домъ сломали. Всѣ говорили о немъ, что это старая рухлядь. Комната, обитая кабаньею кожей, обнажилась, кожа висѣла въ клочкахъ, а балконная зелень беспорядочно окутывала балки, грозившія обрушиться. Наконецъ и ихъ сломали.

— Такъ и слѣдовало! сказали сосѣдніе дома. Выстроил великолѣпный домъ съ большими окнами и бѣлыми глазами стѣнами; на остальномъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ старый домъ, развели маленькій садикъ, и дикій виноградъ поползъ по сосѣдней стѣнѣ. Передъ садикомъ красовалась большая желѣзная рѣшетка съ дверью. Прохожіе останавливались передъ нею и заглядывали въ садикъ. Воробьи цѣлыми дюжинами садились на виноградныя вѣтки и громко болтали; но не о старомъ домѣ; его они совсѣмъ не помнили. Прошло, вѣдь, много времени, такъ много, что маленькій мальчикъ сталъ взрослымъ мужчиной; онъ сталъ дѣльнымъ человѣкомъ, и его родители радовались, глядя на него.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Онъ только-что женился и переѣхалъ со своею женою въ домъ съ садикомъ. Онъ стоялъ подлѣ нея, а она сажала полевой цвѣтокъ, который ей понравился, и прижимала землю своими маленькими пальчиками.

— Ай! что это?

Она укололась. Изъ рыхлой земли торчало что-то острое. Это былъ? — да, подумайте только, — это былъ оловянный солдатикъ, тотъ самый, который потерялся у старого господина. Онъ долго валялся между балками и мусоромъ, а теперь ужъ много лѣтъ лежалъ въ землѣ.

Молодая женщина вытерла его спѣрва зеленымъ листикомъ, а потомъ своимъ тонкимъ носовымъ платкомъ. Какъ онъ чудно благоухалъ!

Оловянный солдатикъ чувствовалъ себя, какъ послѣ продолжительнаго обморока.

— Покажи-ка мнѣ его! сказалъ молодой человѣкъ, улыбнулся и покачалъ головою. Да, онъ, конечно, не можетъ быть тѣмъ солдатикомъ; но онъ напоминаетъ мнѣ одну исторію изъ моего детства.

И онъ разсказалъ своей женѣ и о старомъ домѣ, и о старомъ господинѣ, и объ оловянномъ солдатикѣ, котораго онъ ему послалъ, потому что тотъ былъ одинокимъ.

У молодой женщины выступили слезы на глазахъ; такъ ей жалко было стараго господина въ его старомъ домѣ.

— Очень можетъ быть, что это тотъ самый оловянный солдатикъ! сказала она. Я его сохраню и буду помнить то, что ты мнѣ разсказалъ; но ты долженъ мнѣ показать могилу стараго господина.

— Я не знаю, гдѣ она, и никто этого не знаетъ! отвѣчалъ онъ. Всѣ его друзья перемерли, никто о могилѣ не заботился, а я тогда былъ маленькимъ мальчикомъ.

— Ахъ, какъ ужасно быть такимъ одинокимъ! замѣтила она.

— Да, одинокимъ, подтвердилъ оловянный солдатикъ, но какъ чудесно не быть позабытымъ!

— Чудесно! воскликнулъ вблизи еще какой-то голосъ. Но никто, кромѣ солдатика, не замѣтилъ, что это говорилъ клочекъ кабаньей кожи, съ котораго сошло все золото. Онъ имѣлъ теперь видъ сырой земли, но стойко держался своего мненія и громко его высказывалъ: «Позолота пропадетъ, а кожа останется!»

Впрочемъ, оловянный солдатикъ этому не вѣрилъ.

ГРЕЧИХА.

лучалось ли вамъ проходить послѣ грозы мимо поля, засѣяннаго гречихой? Видѣли-ли вы, какъ оно иногда чернѣть точно выжженное, точно по немъ прошло небесное пламя? Крестьянинъ говорить тогда:

— Это ему досталось отъ молніи!

Но почему же досталось? Я расскажу вамъ то, что чирикалъ мнѣ воробей, а воробей слышалъ это отъ старой ивы, растущей у самага гречневаго поля. Ива эта почтенная, большая; но отъ времени она сгорбилась, почернѣла и растрескалась, а изъ трещинъ выросла трава и вѣтки ежевики. Дерево нагнулось впередъ, и вѣтви его повисли къ землѣ, какъ длинные зеленые волосы.

Всюду вокругъ, на поляхъ, росли хлѣба, не только что рожь и пшеница, но и овесъ, да, чудеснѣйшій овесъ! Спѣлыя вѣтки его казались множествомъ маленькихъ желтыхъ канареекъ. Хлѣба уродились прекрасно. И чѣмъ богаче были колосья, тѣмъ скромнѣе клонились они къ землѣ.

Было тамъ и поле гречихи. Оно лежало какъ разъ противъ старой ивы. Гречиха никакъ не хотѣла склонить своей головы, какъ остальные хлѣба, но гордо и кичливо подняла ее къ верху.

— Я такъ же богата, какъ ржаной колось, да къ тому же и гораздо красивѣе его. У меня прекрасные цвѣты, мой цвѣтъ похожъ на цвѣтъ яблони. На меня смотрѣть весело. Знаешь ли ты что нибудь великолѣпнѣе насъ съ тобою, старая ива?

Ива кивнула головою, какъ будто бы хотѣла сказать:

— Ну, конечно!

Но гречиха высокомерно выпрямилась и проговорила:

— Глупое дерево! У него отъ старости трава растеть изъ тѣла. Вдругъ поднялась гроза. Всѣ полевые цвѣточки сложили свои листочки и склонили свои маленькія головки. И гроза промчалась, не тронувъ ихъ. Только гречиха гордо топорщи лась кверху.

— Склони свою голову, какъ мы! говорили цвѣты.

— Мнѣ этого не нужно! возразила гречиха.

— Склони свою голову, какъ мы! восклицали хлѣба. Сейчасъ пролетитъ грозный ангелъ. Крылья его простираются отъ облаковъ до земли, и онъ поразитъ тебя прежде, чѣмъ ты успѣешь взмолить о пощадѣ.

— Но я не хочу склоняться передъ нимъ! говорила гречиха.

— Закрой цвѣты и опусти листья! совѣтовала старая ива. Не смотри вверхъ на молнію, когда раскроется туча. И люди даже не смѣютъ этого дѣлать, потому что во время молніи можно заглянуть на Божье небо, а оно ослѣпитъ даже человѣка; что же станеть съ нами съ растеніями, которыя стоятъ гораздо ниже человѣка?

— Гораздо ниже? переспросила гречиха. Ну, такъ я и хочу заглянуть въ Божье небо.

И она заглянула. Блеснула такая молнія, будто пламя объяло весь міръ.

Гроза прошла. Цвѣты и хлѣба стояли освѣженные дождемъ въ чистомъ тихомъ воздухѣ, только гречиху до-черна пожгло молніей. Она превратилась въ мертвую негодную траву.

Старая ива колыхала своими вѣтвями, и крупныя капли падали съ ея листьевъ, какъ будто дерево плакало.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

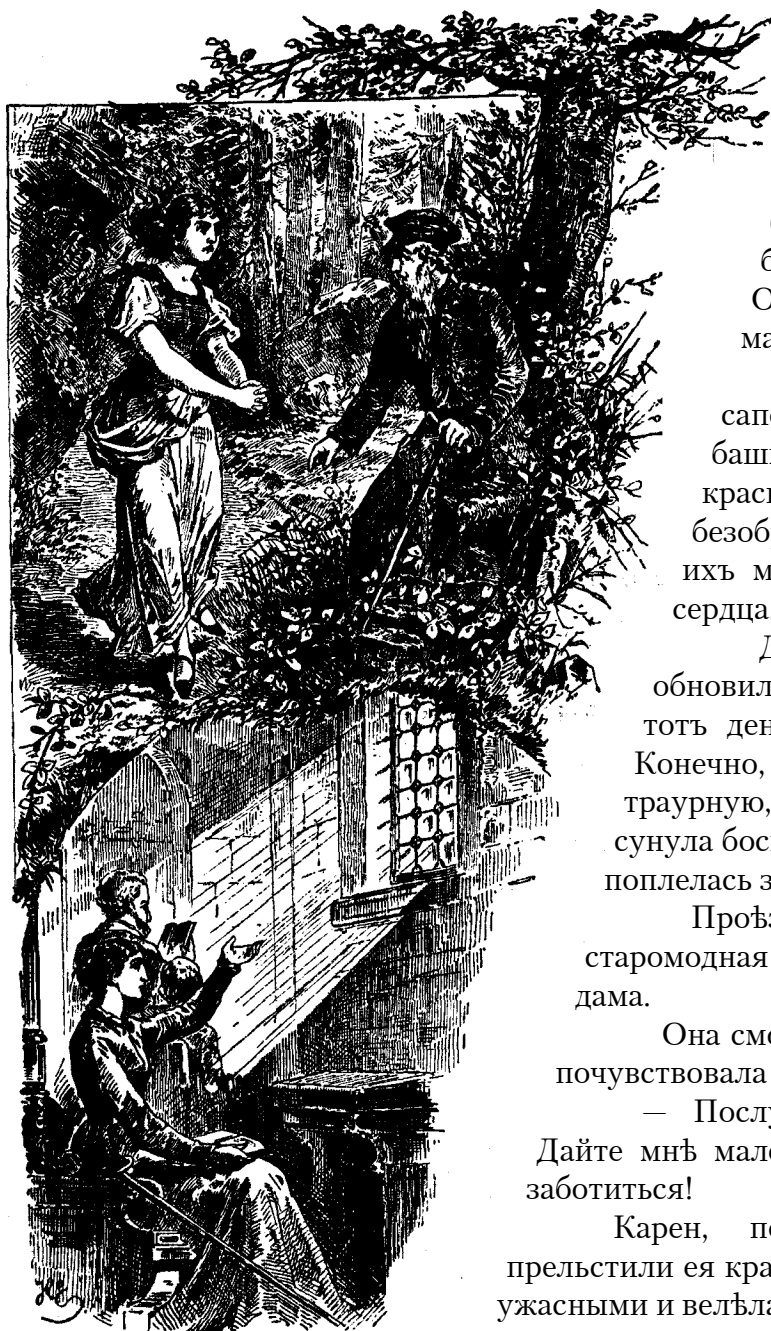
А воробьи спрашивали:

— О чемъ ты плачешь? Такъ хорошо, солнце такъ ярко свѣтитъ, облака плывутъ по небу. Развѣ ты не вдыхаешь аромата цвѣтовъ и кустарниковъ? О чемъ ты плачешь, старая ива?

Тогда ива рассказала о гордой гречихѣ и постигшемъ ее наказаніи.

Я передалъ вамъ эту исторію такъ, какъ слышалъ ее отъ воробьевъ; они рассказали ее мнѣ какъ-то вечеромъ, когда я у нихъ попросилъ новой сказки.

КРАСНЫЕ БАШМАЧКИ.

Жила-была маленькая дѣвочка, хорошенькая, прехорошенькая. Лѣтомъ ей, бѣдной приходилось бѣгать босоногой, а зимой надѣвать большіе деревянные башмаки. Они до боли натирали ея маленькія ножки.

Въ деревнѣ жила старая сапожница. Она сшила пару башмачковъ изъ обрѣзковъ красного сукна; правда, они были безобразны, но сапожница подарила ихъ маленькой дѣвочкѣ отъ чистаго сердца.

Дѣвочку звали Каренъ. Она обновила свои красные башмачки въ тотъ день, когда хоронила свою мать. Конечно, эта обувь не походила на траурную, но у нея другой не было; она сунула босыя ноги въ красные башмачки и поплелась за бѣднымъ гробомъ.

Проѣзжала мимо большая старомодная карета, а въ ней сидѣла старая дама.

Она смотрѣла на маленькую дѣвочку и почувствовала къ ней состраданіе.

— Послушайте! сказала она пастору. Дайте мнѣ маленькую дѣвочку, я буду о ней заботиться!

Карен, подумала, что старую даму прельстили ея красные башмаки; но та ихъ нашла ужасными и велѣла сжечь.

Каренъ чисто одѣли, стали учить ее читать и шить; всѣ твердили ей, что она хорошенькая. Зеркало же говорила ей:

— Ты больше, чѣмъ хорошенькая, ты красавица!

Какъ-то проѣзжала по этой странѣ королева со своею маленькою дочкою, принцессою. Народъ повсюду стѣкался къ королевскому замку. Была тутъ и Каренъ.

Маленькая принцесса, въ прекрасномъ бѣленькомъ платьѣ стояла на балконѣ и позволяла собою любоваться. У нея не было ни шлейфа, ни золотой короны на головѣ, но зато на ногахъ красовались красные сафьяновые башмачки. Они были конечно, лучше тѣхъ, которые сапожница когда-то сшила маленькой Каренъ. Ничто въ свѣтѣ не могло сравниться съ красными башмачками.

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Наконецъ, Карень достигла того возраста, когда ей нужно было конфирмоваться. Ей сшили новое платье и отправились покупать башмаки. Лучшій сапожникъ въ городъ снялъ мѣрку съ маленькой ножки. Это происходило въ его лавкѣ, гдѣ стояли большіе стеклянные шкапы съ хорошенькими башмачками и блестящими сапогами. Все это было прелестно; но старая дама худо видѣла и не могла любоваться ими. Между другими въ шкапу стояла и пара красныхъ башмачковъ, совсѣмъ такихъ; какъ у принцессы. Сапожникъ сказалъ что ихъ дѣлали для маленькой графини, но они оказались не впору.

— Это должно быть лакированная кожа? спросила старая дама: они такъ блестятъ?

— Да, они блестятъ! сказала Карень.

Башмачки оказались впору, и ихъ купили.

Старой дамѣ и въ голову не приходило, что они красные: она никогда не позволила бы Карень идти конфирмоваться въ красныхъ башмакахъ!

Теперь же Карень пошла въ нихъ.

Всѣ обращали вниманіе на ея ноги. Когда же она переступила порогъ церкви, ей показалось, что старые портреты пасторовъ и ихъ женъ въ накрамаленныхъ воротникахъ и длинныхъ черныхъ платьяхъ устремили взоры на красные башмачки.

Она только объ нихъ и думала даже тогда, когда пасторъ положилъ руку на ея голову и говорилъ о святомъ крещеніи, о союзѣ съ Богомъ и о томъ, что она теперь станетъ взрослою христіанскою.

Органъ торжественно гудѣлъ, свѣжіе дѣтскіе голоса пѣли вмѣстѣ со старымъ канторомъ, но Карень думала только о своихъ красныхъ башмачкахъ.

Послѣ обѣдни старая дама ужъ отъ другихъ узнала, что башмачки были красные. Она позвала Карень и сказала, что нехорошо ходить въ церковь въ красныхъ башмакахъ, что это не годится и неприлично, и чтобы Карень въ слѣдующій разъ надѣла старые черные.

Въ слѣдующее воскресенье Карень должна была идти къ первому причастію.

Карень посмотрѣла на черные башмаки, потомъ на красные, еще разъ посмотрѣла на тѣ и другіе, и надѣла красные.

Былъ чудный солнечный день. Карень и старая дама пошли пѣшкомъ по тропинкѣ мимо ржаного поля. Было немного пыльно. У церковныхъ дверей стоялъ старый инвалидъ съ костылемъ и удивительно длинною бородою, рыжею съ просѣдою. Онъ поклонился до земли и спросилъ старую даму, не надо ли обтереть ея башмаки?

Карень тоже протянула свою маленькую ножку.

— Эге, вотъ такъ чудесные бальные башмачки! сказалъ солдатъ. Крѣпко будутъ сидѣть на ногахъ, когда вы затанцуете.

И онъ стукнулъ ладонью по подошвѣ.

Старая дама подала солдату милостыню и вошла съ Карень въ церковь.

Всѣ опять смотрѣли на красные башмачки, и всѣ портреты тоже смотрѣли на нихъ. А когда Карень преклонила колѣна предъ алтаремъ и коснулась губами чаши, она думала только о красныхъ башмакахъ, видѣла ихъ передъ собою и позабыла пропѣть псаломъ и прочесть «Отче нашъ».

Всѣ вышли изъ церкви. Старая дама стала садиться въ карету. Карень тоже подняла ногу на подножку. Въ эту минуту старый солдатъ опять сказалъ:

— Вотъ такъ чудесные бальные башмачки!

И Карень противъ воли сдѣлала нѣсколько па. Она чувствовала, что ноги ея сами танцуютъ. Онѣ понесли ее за уголъ церкви, и она никакъ не могла остановиться. Кучеръ

побѣжалъ за нею, схватилъ ее и силою посадилъ въ карету; но ноги ея все продолжали танцовать и наступали на ноги доброй старой дамы.

Тогда кучеръ и старушка догадались снять башмачки, и ноги тотчасъ успокоились. Дама поставила ихъ въ шкафъ, но Карень не могла налюбоваться ими.

Вдругъ, старушка заболѣла, говорили, что ей больше не встать. Нужно было за нею ходить и заботиться о ней. А кому же это дѣлать, какъ не Карень?

Между тѣмъ, въ городѣ всѣ готовились къ большому балу. Карень тоже была приглашена. Она посмотрѣла на красные башмачки и подумала, что не грѣхъ ихъ примѣрить. А когда она ихъ надѣла, ей захотѣлось идти на балъ, она и пошла и стала танцовать. Она хотѣла танцовать вправо, а башмаки несли влѣво; она хотѣла танцовать вдоль зала, а башмаки понесли ее къ дверямъ внизъ по лѣстницѣ, по улицѣ, за городъ, въ густой темный лѣсъ.

Вдругъ, что-то мелькнуло между деревьями; это былъ старый солдатъ съ рыжей бородой. Онъ закивалъ головою и сказалъ:

— Ахъ, какіе прелестные балъные башмачки! Она испугалась, хотѣла снять башмаки, но они крѣпко держались на ногахъ; она хотѣла ихъ сбросить съ чулками, но башмаки приросли къ ея ногамъ.

И должна она была танцовать и по полямъ, и по лугамъ, и въ дождь, и при солнцѣ, и днемъ, и ночью. Ночью это было всего ужаснѣе.

Башмачки принесли ее на кладбище, но мертвые тамъ не танцовали, у нихъ были инныя дѣла.

Она хотѣла присѣсть на могилу бѣдняка, гдѣ росъ папоротникъ; но для нея не было ни покоя, ни отдыха. Башмаки понесли ее къ открытымъ дверямъ церкви; въ нихъ стоялъ ангелъ въ длинной бѣлой одеждѣ, съ крыльями, касавшимися земли; лицо его было строго и серьезно, а въ рукѣ держалъ онъ блестящій мечъ.

— Танцовать будешь ты! — сказалъ онъ. Танцовать въ своихъ красныхъ башмачкахъ, пока не поблѣднѣешь и похолодѣешь, и кожа твоя высохнетъ на костяхъ. Танцовать будешь ты отъ одной двери къ другой. А тамъ, гдѣ живутъ гордые, высокомерныя дѣти, ты постучишь, чтобы они тебя услышали и испугались. Танцовать будешь ты, танцовать!...

— Смилуйся! — воскликнула Карень.

Но она не слыхала отвѣта ангела, башмаки понесли ее по полю, по горамъ и доламъ, все дальше, дальше.

Какъ-то утромъ, пронесли они ее мимо хорошо знакомой ей двери. Внутри раздавалось пѣніе псалмовъ; на улицу вынесли гробъ, украшенный цвѣтами. Она узнала, что воспитательница ея умерла. Она чувствовала себя покинутой всѣми, проклятой ангелами.

Башмаки понесли ее по терновику, по камнямъ, она избила себѣ ноги въ кровь. На своемъ тяжеломъ пути она увидѣла маленькій одинокій домикъ. Здѣсь, она знала, жилъ палачъ. Она постучала въ окошко и сказала:

— Выйди ко мнѣ, выйди ко мнѣ. Я не могу войти къ тебѣ, потому что должна танцовать.

Палачъ отвечалъ:

— Вѣрно, ты не знаешь, кто я! Я отрубаю злымъ людямъ головы. Я слышу, что топоръ мой звенить.

— Не отрубай мнѣ головы! — сказала ему Карень: тогда я не могу замолить своего грѣха; но отруби мнѣ мои ноги съ красными башмаками.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Она рассказала ему свою исторію, и палачъ отрубилъ ей ноги съ красными башмаками.

Башмаки затанцовали съ маленькими ножками по полю и скрылись въ темномъ лѣсу.

Палачъ сдѣлалъ ей деревянные ноги, приготовилъ костыли и научилъ ее псалму, который поютъ всѣ грѣшники.

Она поцѣловала руку, отрубившую ей ноги, и пошла черезъ поле въ городъ.

— Теперь я довольно настрадаюсь изъ-за красныхъ башмаковъ, сказала она. Я могу идти въ церковь и показаться людямъ на глаза.

Но когда она приблизилась къ церковной двери, красные башмачки затанцовали передъ нею на паперти. Она испугалась и повернула назадъ.

Всю недѣлю она печалилась и плакала горькими слезами; а въ воскресенье снова сказала себѣ:

— Теперь-то ужъ я довольно настрадаюсь. Думаю, что я не хуже многихъ, которые сидятъ тамъ, въ церкви.

Она храбро пошла впередъ, но, только-что дошла до церковной двери, красные башмаки опять танцовали на паперти. Она въ ужасѣ вернулась назадъ и отъ всего сердца раскаялась въ грѣхахъ своихъ.

Она пошла къ пастору и просила, чтобы ее взяли служанкою. Она обѣщала быть прилежною, дѣлать все, что только могла. О вознагражденіи она не заботилась, лишь бы имѣть пристанище у добрыхъ людей.

Жена пастора сжалилась надъ нею и взяла ее въ услуженіе. Она оказалась старательною и заботливою. Когда же пасторъ вечеромъ громко читалъ библію, она тихо сидѣла и слушала. Дѣти ее очень любили; но когда они заговаривали о нарядахъ и красотѣ, она укоризненно качала головою.

На слѣдующее воскресенье всѣ пошли въ церковь, спросили и ее, пойдеть ли она; но она грустно, со слезами на глазахъ, посмотрѣла на костыли. Тогда всѣ пошли слушать слово Божіе, а она осталась одна въ своей маленькой каморкѣ, гдѣ устанавливались только кровать да стулъ.

Она стала внимательно читать молитвенникъ, а вѣтеръ доносилъ до нея звуки органа. Она подняла къ небу лицо, орошенное слезами, и проговорила:

— Боже! помоги мнѣ!

Тогда солнце ярко освѣтило комнату, и передъ Каренъ явился ангелъ Божій въ бѣлой одеждѣ, тотъ самый, которого она видѣла ночью въ дверяхъ церкви. Но въ рукахъ его былъ не острый мечъ, а прекрасная зеленая вѣтвь съ цвѣтущими розами. Онъ дотронулся до потолка. Потолокъ поднялся высоко, высоко, а тамъ, гдѣ дотронулся ангелъ, заблестѣла золотая звѣзда. Онъ коснулся стѣны; стѣны раздвинулись, Каренъ увидѣла гудѣвшій органъ, увидѣла старые портреты пасторовъ и ихъ женъ; прихожане сидѣли на своихъ мѣстахъ и пѣли по своимъ молитвенникамъ.

Церковь ли сама пришла къ бѣдной дѣвушкѣ въ ея тѣсную каморку или она очутилась въ церкви, но только она сидѣла на своемъ мѣстѣ съ остальною семьею пастора.

Когда они кончили пѣть псаломъ и подняли на нее взоръ, всѣ онѣ, кивнули ей и сказали:

— Вотъ это хорошо, что ты пришла, Каренъ!

— Мнѣ была оказана эта милость! — отвѣчала она. Органъ звучалъ. Хоръ дѣтскихъ голосовъ раздавался такъ мягко, такъ нѣжно. Яркіе солнечные лучи обливали такимъ

Г.Х.АНДЕРСЕНЪ

теплымъ свѣтомъ то мѣсто, гдѣ сидѣла Каренъ, что сердце ея переполнилось солнечнаго свѣта, мира и радости. Оно не выдержало и разорвалось. Душа же улетѣла съ солнечными лучами къ Богу. Тамъ ее никто не спрашивалъ о красныхъ башмачкахъ.